КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	РАЗВАЛИНЫ ЮРЬЕВОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ С. СТАРОГОРОДКѢ. **М. Константиновича.** *(Съ рисункомъ и планомъ)* . .	129—136
II.	ШАРОНЪ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.**	137—165
III.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. **Н. Сумцова.**	166—177
IV.	АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА *(Окончаніе слѣдуетъ).*	178—224
V.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.)	225—233
VI.	СВАДЬБА МАЛОРУССКАЯ КАКЪ РЕЛИГІОЗНО-БЫТОВАЯ ДРАМА. **Хр. Ящуржинскаго**	234—273
VII.	СВѢДѢНІЯ О ПОХОДѢ ВЪ КРЫМЪ МИХАЙЛА ДОРОШЕНКА. **К. Мельникъ.**	274—286

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Сказки о жабахъ. **В. Милорадовича.** б) Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. —* в) Отецъ Петръ. —* г) Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ. д) Недоразумѣніе. **А. Л.** е) Протоіерей Н. А. Лащенковъ. Некрологъ). ж) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. **В. Науменка.** з) Подписка на памятникъ И. Котляревскому въ Полтавѣ.	37—51
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Волынскій историко-археологическій никъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. **Н. Бѣляшевскаго.** б) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка **А. Л.** в) Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. **А. Л.** г) Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., **А. Л.**	52—64
	ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г.	1—12
III.	ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (369—384). (385—400).	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LV.

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896.

Открыта подписка на 1897 г.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. *В. Б. Антоновича*, *А. А. Андріевскаго* *Н. Ѳ. Бѣлящевскаго*, проф. *Д. И. Багалѣя*, *Н. П. Василенка* *В. П. Горленка* проф. *П. В. Голубовскаго*, проф. *Н. П. Дашкевича*, *П. С. Ефименка*, *А. Я. Ефименко*, *П. И. Житецкаго* проф. *В. С. Иконникова*, *И. М. Каманина*, *Е. А. Кивлицкаго*, *Ѳ. А. Кудринскаго*, прот. *П. Г. Лебединцева*, *О. И. Левицкаго*, *А. М. Лазаревскаго*, проф. *И. В. Лучицкаго*, *Л. С. Личкова*, *В. Г. Ляскоронскаго*, проф. *Ѳ. Г. Мищенка* *Н. В. Молчановскаго*, *К. П. Михальчука* *В. А. Мякотина*, *Ѳ. Д. Николайчика*, прот. *П. Орловскаго*, проф. *Н. И. Петрова*, *В. К. Пискорскаго*, *Б. С. Познанскаго*, *Л. В. Падалки*, *А. А. Русова*, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, проф. *Н. И. Стороженка*, *Н. В. Стороженка*, *А. В. Стороженка*, *А. І. Стешовича*, *В. Н. Сторожева*, *Л. Д. Синицкаго*, *М. К. Чалаго*, *Я. Н. Шульгина*, *Н. В. Шугурова*, *В. И. Щербины*, *В. Н. Ястребова* и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка **„Малороссійскій Словарь"**, который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года выпустить** въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 20 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина" въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ: на годъ.

Съ пересылкой и доставкой . .	**10**	**р. —**
Безъ доставки и пересылки . .	**8**	**— 50 к.**
За границу	**12**	**— —**

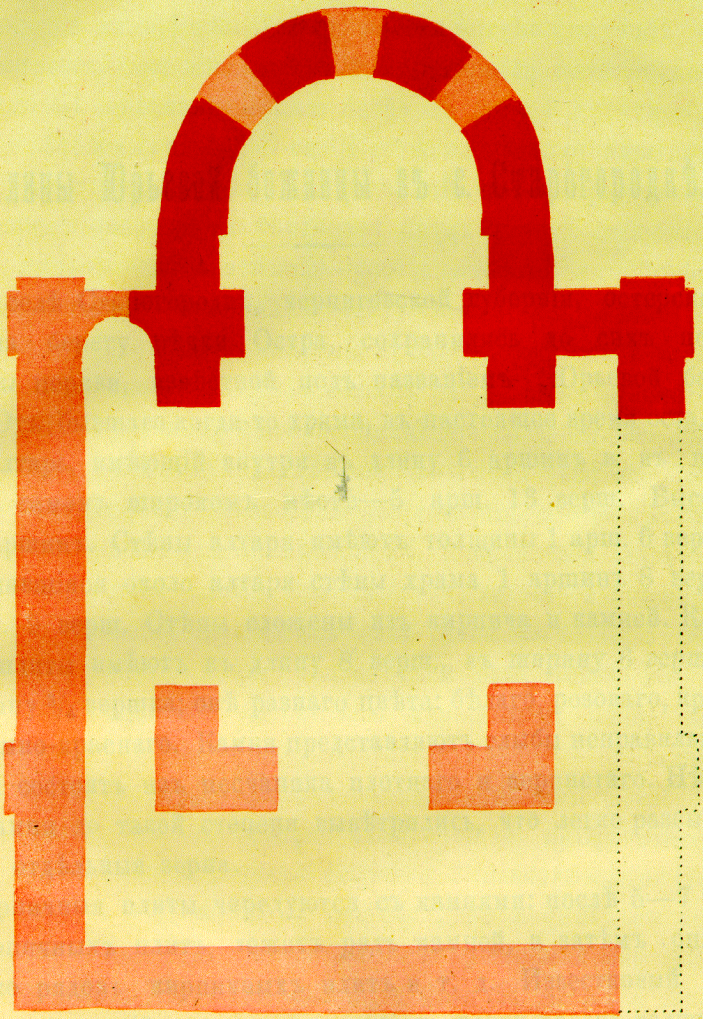
Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) **а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.**

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

Планъ остатковъ Юрьевой божницы.



Часть храма, вполнѣ сохранившаяся.

Найденный въ землѣ фундаментъ.

Предполагаемая стѣна, фундаментъ которой обрушился вмѣстѣ съ горою.

МАСШТАБЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 Арш.

Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ.

Въ селѣ Старогородкѣ, черниговской губерніи, остерскаго уѣзда, на берегу рѣчки Остра, сохранились до сихъ поръ развалины церкви, извѣстной подъ названіемъ „Юрьевой божницы“. Отъ бывшаго когда-то храма, въ настоящее время остался только алтарь, имѣющій внутри въ длину 6 аршинъ и въ ширину, въ самомъ широкомъ мѣстѣ—5 арш. 13 верш. Высота его 12 аршинъ. Стѣны алтаря имѣютъ толщины 1 арш. 6 верш., а сохранившіяся около алтаря стѣны храма 1 аршинъ 8 верш. и 1 арш. 9 верш. Стѣны сложены изъ кирпича и камней. Кирпичныя плиты имѣютъ въ длину 8 верш., въ ширину 6 верш. и въ толщину $^3/_4$ вершка; онѣ разнаго цвѣта: бѣлаго, розоваго, краснаго и темно-краснаго. Камни представляютъ глыбы неправильной формы и состоятъ изъ песчаника плотнаго и зернистаго. Нѣкоторые камни до такой степени вывѣтрились, что легко разсыпаются на отдѣльныя зерна.

Кирпичныя плиты чередуются съ камнями: послѣ 5—7 рядовъ кирпичныхъ плитъ, лежитъ рядъ камней, а затѣмъ опять нѣсколько рядовъ кирпичныхъ плитъ и т. д. Известковый цементъ, связывающій плиты, очень толстъ, почти равенъ толщинѣ кирпичей, а иногда и толще. Задняя сторона (восточная) вверху, у основанія купола, надстроена кирпичемъ краснаго цвѣта, похожимъ на теперешній кирпичъ, а весь верхъ юговосточной части съ той же задней стороны надстроенъ совершенно такимъ кирпичемъ, какой теперь употребляется въ работу, и кирпичъ положенъ на известковомъ цементѣ такъ, какъ кладется въ настоящее время.

Въ круглой стѣнѣ алтаря 3 окна, вышиною по 3 аршина и шириною внутри алтаря 14 верш. Съ наружной стороны окна шире, именно 1 арш. 4 верш.

На стѣнѣ внутри алтаря сохранились фрески, которыя можно довольно ясно различить. Всѣ изображенія раздѣлены на 4 яруса. Въ верхнемъ ярусѣ, на сводѣ алтаря написана Богоматерь съ поднятыми руками, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; по правую сторону—архангелъ Михаилъ, по лѣвую—архангелъ Гавріилъ. Во второмъ сверху ярусѣ посрединѣ изображено горнее мѣсто, а по обѣимъ сторонамъ его—Спаситель съ ангеломъ и по 6 апостоловъ. Съ одной стороны Спаситель подаетъ апостолу хлѣбъ, а съ другой—чашу. Это тайная вечеря, представленная въ такомъ же видѣ, въ какомъ изображена она въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Въ третьемъ ярусѣ, въ ряду оконъ изображенъ рядъ святыхъ, и, наконецъ, въ нижнемъ ярусѣ штукатурка настолько попорчена, что ничего разобрать невозможно. Украшенія между изображеніями и на выдающихся частяхъ стѣнъ, сдѣланныя коричневою краскою, имѣютъ такой же видъ, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на старой штукатуркѣ съ фресками видна позднѣйшая известковая накладка, закрывающая фрески.

Мною была произведена раскопка фундамента, и величина бывшаго храма можетъ быть опредѣлена съ точностью. Онъ былъ четырехугольный и имѣлъ внутри, кромѣ алтаря, $12^3/_4$ аршина въ длину и $11^3/_4$ аршина въ ширину, и внутри его находились два каменныхъ столба, какъ видно на приложенномъ планѣ, которые, по всей вѣроятности, служили опорою для сводовъ. Это можно заключить изъ того, что, при раскопкѣ, между лѣвымъ столбомъ и лѣвой (сѣверной) стѣной алтаря найдена была часть свода, упавшая сверху и въ цѣломъ видѣ сохранившаяся въ землѣ. Найденный въ землѣ фундаментъ имѣетъ толщины $1^1/_2$ арш. Лѣвая (сѣверная) и передняя (западная) стороны фундамента сохранились вполнѣ; правая же—обрушилась вмѣстѣ съ горою, на которой построенъ храмъ.

Къ ЮВ. отъ алтаря, въ разстояніи $5^1/_2$ арш. отъ стѣны его, стоитъ крестъ изъ мелкозернистаго песчаника. Высота его 1 арш. 8 верш.; длина горизонтальной части креста—15 верш.; толщина креста—$5^1/_2$ вершковъ. На крестѣ замѣтна довольно длинная надпись, но она, отъ времени такъ изгладилась, что прочитать ничего невозможно. Въ первой строкѣ можно только разобрать: *зде пог*, а далѣе можно различить буквы: *ро*. Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ, бывшій священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ посредствомъ раскопки пытался узнать, надъ чѣмъ поставленъ крестъ, при чемъ нашелъ подъ крестомъ склепъ такой же кладки, какъ и кладка храма, и на столько прочный, что никакими усиліями нельзя было отбить какую-либо часть его. Это сообщеніе отца Зосимовича помѣщено и въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи. Мною было сдѣлано нѣсколько пробныхъ раскопокъ съ цѣлью провѣрки сообщенія отца Зосимовича, но никакихъ признаковъ склепа я не нашелъ. Полагаю, что священникъ Зосимовичъ ошибочно сдѣлалъ свое заключеніе.

Село Старогородка, въ которомъ находятся эти развалины, было когда-то, какъ и самое названіе показываетъ, городомъ. Старый городъ, получившій названіе Остра, отъ имени рѣчки, при которой былъ построенъ, представлялъ значительную крѣпость. Онъ былъ расположенъ на горѣ, которая съ двухъ сторонъ круто опускалась къ рѣкѣ Остру, представляя такимъ образомъ естественную крѣпость, а съ двухъ другихъ—былъ обнесенъ двумя земляными валами, которые хорошо сохранились и до настоящаго времени. Половина ихъ находится въ моей усадьбѣ, а другая половина—въ усадьбѣ Старогородскихъ крестьянъ. Внутренній валъ имѣетъ въ настоящее время высоту до 9 арш., а внѣшній—до 4 арш.

О старомъ городѣ Острѣ, извѣстно слѣдующее:

Основаніе города положено, по всей вѣроятности, Владиміромъ святымъ. Въ 988 г. Владиміръ крестился и „нача ставити городы по Деснѣ, и Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ [1])“. Города эти онъ заселялъ своими дружинниками. Хотя

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г. стр. 83.

въ лѣтописи, въ числѣ заселенныхъ такимъ образомъ пунктовъ, городъ Остеръ не упоминается, но принимая во вниманіе, мѣстоположеніе его на горѣ, при впаденіи рѣчки Остра въ Десну, нельзя думать, чтобы Владиміръ, строя укрѣпленные пункты по Деснѣ и Остру, могъ опустить такое мѣсто.

Первый разъ Остеръ упоминается въ лѣтописи въ 1098 году: „Приде Володимеръ (Мономахъ) и Давидъ и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца и сотвориша миръ... Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри[1])".

Основанный городъ, подъ именемъ „Городца", причисленъ былъ къ Переяславскому княжеству и сталъ пригородомъ Переяслава; въ этой роли онъ переходилъ отъ одного Мономаховича къ другому. Въ 1130-хъ годахъ въ „Городцѣ" княжилъ зять Мономаховъ Всеволодъ Давидовичъ, который по предположенію здѣсь и скончался въ 1141 году: „Тое зимы преставися Всеволодко, Городецьскый князь[2])".

Въ 1136 году Остеръ былъ отдѣленъ отъ Переяслава и достался сыну Мономаха, Суздальскому князю Юрію Долгорукому[3]). Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ сдѣлался великимъ княземъ и, будучи недоволенъ Юріемъ, въ 1141 году, воспользовался отсутствіемъ послѣдняго и занялъ Городецъ вострскій[4]). По смерти Всеволода, въ 1146 году, новый Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ посадилъ въ Городцѣ Остерскомъ брата своего Владиміра. Юрій же въ 1148 году послалъ туда сына своего Глѣба, который выгналъ Владиміра изъ Городца; но Изяславъ въ томъ же году осадилъ Глѣба и вынудилъ его смириться. Когда же посланный Юріемъ противъ Изяслава сынъ Юрія Ростиславъ передался Изяславу, то послѣдній выгналъ изъ Городца Глѣба и посадилъ тамъ Ростислава[5]).

---

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 179.

[2]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 293.

[3]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, изд. 5, 1872 г., т. II, гл. IX, стр. 108.

[4]) Ипат. лѣт., изд. 1871, стр. 221.

[5]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 302 — 303; Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 254—260.

Въ слѣдующемъ году Юрій завладѣлъ Кіевомъ, откуда былъ изгоняемъ два раза и каждый разъ уходилъ въ Городецъ Остерскій. Послѣ вторичнаго бѣгства Юрія, сынъ его Андрей Боголюбскій, привелъ сюда дружину, съ которою воевалъ на Волыни. Юрій рѣшился идти къ Кіеву и вошелъ въ союзъ съ Владиміромъ Давидовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. Къ пасхѣ 1151 года, они изъ Чернигова приплыли въ Остеръ, отпраздновали Юрьевы именины и ушли въ походъ [1]). Но походъ не удался: Владиміръ Давидовичъ погибъ въ сраженіи, а Юрій въ третій разъ бѣжалъ въ Городецъ Остерскій. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Изяславъ Мстиславовичъ и осадилъ городъ. Юрій защищался нѣсколько дней, но затѣмъ долженъ былъ сдаться и заключилъ миръ на такомъ условіи, что самъ удалился въ Суздаль, а въ Городцѣ остался сынъ его Глѣбъ [2]). Изяславъ возвратился въ Кіевъ, но вслѣдствіе новыхъ раздоровъ, въ слѣдующемъ (1152) году, въ союзѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ взялъ и сжегъ Городецъ Остерскій: „И шедше разведоша Городокъ Юрьевъ и пожгоша его; церковь же бѣ въ немъ святаго Михаила камена, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то згорѣ [3])“. Юрій говорилъ потомъ Святославу, участвовавшему въ истребленіи Городца: „оже есте мой Городецъ пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу“, и въ томъ же году выступилъ въ походъ противъ Изяслава и сжегъ предмѣстья Чернигова [4]).

Изъ словъ Юрія, называющаго храмъ божницею, можно придти къ заключенію, что этотъ храмъ былъ домовымъ храмомъ и около него стоялъ княжескій домъ.

Въ 1154 году умеръ Изяславъ, и Юрій опять завладѣлъ Кіевомъ и Переяславомъ и въ Лутавѣ примирился съ Черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давыдовичемъ въ 1155 году. Въ 1157 году Юрій, не успѣлъ возобновить Городца, и крѣпость его оставалась въ разоренномъ видѣ. Только въ 1159 году сынъ его,

---

[1]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 293.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 307; Лаврент. лѣт., 1872, стр. 319.

[3]) Воскресен. лѣт., изд. 1856, стр. 56.

[4]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 314.

Суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, возобновилъ городъ, любимый его дѣдомъ и отцомъ: „Посла тиуна своего Гирю съ людми въ Русь и созда градъ на Городци на Вѣстри, обнови свою отчину [1])".

Засимъ въ періодъ дотатарскій въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается объ Острѣ. Въ 1240 году Остерскій Городецъ подвергся опустошенію наряду съ Переяславомъ и Кіевомъ.

Послѣ татарскаго погрома, Городецъ оставался только Городищемъ. Ближе къ рѣкѣ Деснѣ образовалось новое поселеніе—новый Остеръ, который и сталъ именоваться городомъ и получилъ значеніе укрѣпленнаго мѣста. Это—теперешній городъ Остеръ. Старый же городъ сталъ называться то городомъ „Старымъ Остромъ", то селомъ „Старогородкою". И то и другое названіе поперемѣнно встрѣчается въ актахъ 17 и начала 18 вѣка. Засимъ за бывшимъ городомъ Остромъ окончательно установилось названіе села Старогородки.

Отъ татарскаго погрома и до начала 17 вѣка о храмѣ Архистратига Михаила никакихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что въ это время онъ былъ возобновленъ, такъ какъ вначалѣ 17 вѣка въ немъ происходило служеніе. Должно быть, замѣтная на стѣнахъ алтаря известковая штукатурка, прикрывающая старыя фрески, относится къ этому времени обновленія храма.

О дальнѣйшей судьбѣ стараго храма можно сдѣлать заключеніе на основаніи слѣдующихъ сохранившихся памятниковъ:

1. Въ нынѣшнемъ Старогородскомъ деревянномъ храмѣ сохранилось Евангеліе, печатанное во Львовѣ въ 1636 году. На страницахъ этого Евангелія есть такая надпись: „я рабъ Божій Евфим Сергиенко Глушанін из жоною своею Огапіею из дочкою моею Кулиною, купилем сію книгу Евангеліе напрестольное, и надалем на дом Божій, до церкви мурованой, святого Архистратига Михаила в слободе старого города [2])... Писано у Острі 1644 мѣсяца априля 27 дня".

---

[1]) Лаврент. лѣт., 1872, стр. 391.

[2]) Эта надпись продолжается такъ: „вѣчными часы за отпущеніе грѣховъ своих: А если бы хто важился сію книгу еким способом отнести аболи где колвек

2. Въ томъ-же старогородскомъ храмѣ имѣется чаша, на подножіи которой вырѣзано: „сей сосудъ надалъ рабъ Божій Конъстантинъ Мокиевский Полковникъ Іхъ Царск. Цресвѣтл. Велич. воиска запорозкого Кіевскій до храму св. Троицы року отъ р. Хр. 1695“.

3. Въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской Епархіи сказано: „При катедрѣ есть антиминсъ, за подписомъ м. Варлаама и съ надписью: „въ храмѣ св. Троицы, придѣлъ храма арх. Михаила, новосооруженный мурованый въ с. Старогородкѣ“. На антиминсѣ значится 1695 годъ“ [1]). Въ настоящее время, не смотря на самый тщательный розыскъ, этого антиминса при архіерейскомъ домѣ не найдено: слѣдовательно, онъ уже утраченъ.

Изъ этихъ надписей видно: 1) что храмъ, котораго въ настоящее время видны только печальные остатки, есть дѣйствительно Мономаховъ храмъ арх. Михаила, 2) что вначалѣ 17 столѣтія храмъ существовалъ и въ немъ происходило служеніе, и 3) что въ храмѣ арх. Михаила въ 1695 году былъ устроенъ придѣлъ св. Троицы.

Въ Историко-статистич. Описаніи Черниг. Епархіи говорится [2])—безъ указанія источника,—что придѣлъ св. Троицы былъ устроенъ вверху, при западной стѣнѣ храма на такъ называемыхъ полатяхъ, полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ, и что на стѣнкахъ написана была битва козаковъ съ татарвою, въ которой на первомъ мѣстѣ изображенъ былъ самъ Мокіевскій въ полномъ козацкомъ одѣяніи.

9 января 1671 года по универсалу гетмана Многогрѣшнаго утверждено за Кіево-Михайловскимъ монастыремъ владѣніе „Острицкими мельницами“, которыя и въ настоящее время существуютъ на старогородской плотинѣ, на р. Острѣ. Это владѣніе подтверждено было гетманомъ Самойловичемъ 13 іюля

обернути на свою потребу, а потаемне взяти, таковый нехай будет проклят, святых отецъ триста и осимнадцат иже во Нікеи, а зо мною розсудится перед нелицемѣрным судіею у престола Христова, который вѣдает всѣх тайна“.

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Еп. 1874 г. кн. 5, стр. 422 и 423.

[2]) Ист.-стат. Опис. Черн. Еп. 1851 г. кн. 5, стр. 423.

1672 года, и затѣмъ 17 января 1688 года „Іоаннъ Мазепа учинилъ подтвержденіе универсаломъ на млини подъ старымъ остромъ, и часть войсковую съ млиновъ въ монастыръ повернувъ [1])".

По прошенію игумена Іоанникія Сенютовича даны Кіево-Михайловскому монастырю преосвященнымъ Іоасафомъ Кроковскимъ: „церьковь въ старомъ городищу Острѣ соборъ Архистратига и пляцы, якіе могутъ быти церковные, и универсаломъ Іоанна Скоропадскаго гетмана стверженные року 1715 ноября 19 [2]). Вмѣстѣ съ этимъ поступили во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря „дворы съ пляцами, купленные у староострицкихъ жителей тамже въ старомъ мѣстищу", что также было подтверждено универсаломъ гетмана Іоанна Скоропадскаго и грамотою государственною [3]). Такимъ образомъ, храмъ Архистратига Михаила, а также и земли, находившіяся какъ въ старомъ Острѣ, такъ и принадлежавшія ему, мало по малу перешли во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря.

Протоіерей Николай Липчинскій, бывшій въ 1858—1860 годахъ священникомъ въ селѣ Старогородкѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ дѣлахъ экономіи Варвары Александровны Кочубей, которой принадлежало тогда Старогородское имѣніе, читалъ, что въ Старогородской усадьбѣ (теперешней моей усадьбѣ) жили монахи Кіево-Михайловскаго монастыря, которые завѣдывали имѣніемъ и мельницами.

Въ 1753 году деревянный верхъ храма св. Арх. Михаила сгорѣлъ отъ молніи, и каменная постройка послѣ пожара была значительно повреждена. По личномъ осмотрѣ, Преосвященный въ 1755 году приказалъ закрыть храмъ св. Михаила и потребовать мнѣнія мастеровъ, можно ли возобновить храмъ. Записка протоіерея говоритъ: „олтарь крѣпокъ, но съ приходу стѣны разсѣлись; заломы, на которыхъ основана баня, всѣ въ дирахъ; на хорахъ вверху дира въ полсаженя". Мастера отозвались письменно: „середина церкви по нижнія окна и придѣлъ св. Троицы должны быть разобраны; отъ р. Остра должно подвесть новый

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 400.
[2]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 484.
[3]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 485.

фундаментъ [1])". Съ этого времени храмъ св. Михаила болѣе не возобновлялся и былъ упраздненъ.

Кромѣ этихъ свѣдѣній относительно стараго храма,—другихъ, документальныхъ, не имѣется. Есть предположеніе, что въ церковной библіотекѣ и въ дѣлахъ церкви были данныя для исторіи храма, но бывшій, въ концѣ прошлаго вѣка, старогородскій священникъ Свидерскій [2]), который въ то же время былъ и благочиннымъ, какъ сообщилъ мнѣ священникъ Зосимовичъ, всѣ болѣе интересныя книги и всѣ болѣе важныя дѣла церкви держалъ у себя на дому, и, при бывшемъ у него пожарѣ, это все сгорѣло.

Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ земли села Старогородки, принадлежавшія Кіево-Михайловскому монастырю, поступили во владѣніе князя Александра Андреевича Безбородко. Получивъ Старогородку и сосѣднія съ нею земли, Безбородко выселилъ коваковъ, имѣвшихъ усадьбы въ городищѣ, съ южной стороны наружнаго вала, давъ имъ лучшія земли за р. Остромъ, въ разстояніи отъ Старогородки около 3-хъ верстъ. Тамъ же онъ далъ усадьбу и священнику Свидерскому. Такимъ образомъ, возникъ поселокъ, который получилъ названіе *Выгранки* [3]). Жившіе въ Старогородкѣ мѣщане переселились въ это время въ г. Остеръ.

Всѣ земли А. А. Безбородко въ Старогородкѣ перешли затѣмъ къ брату его Иліи Андреевичу, а потомъ къ дочери послѣдняго, бывшей замужемъ за графомъ Кушелевымъ, и внуку Александру Григорьевичу, принявшему фамилію графа Кушелева-Безбородко. Отъ этого послѣдняго имѣніе досталось дочери его Варварѣ Александровнѣ Кочубей. Въ 1872 году Старогородка, со всѣми принадлежащими къ ней землями владѣлицей была продана княгинѣ Кудашевой, а отъ послѣдней, въ 1876 году, путемъ купли досталась мнѣ, и въ моемъ владѣніи состоитъ въ настоящее время.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Епар., 1874 г. Кн. 5, стр. 423 и 424. Дѣла Консисторіи 1735 и 1755 г.

[2]) Въ Старогородкѣ въ это время былъ уже отдѣльно построенъ небольшой деревянный храмъ.

[3]) Отъ слова—выиграть: выиграли, получивъ лучшія земли.

Въ какомъ видѣ находились въ это время, т. е. съ конца прошлаго вѣка остатки храма арх. Михаила, можно составить себѣ понятіе на основаніи разсказовъ очевидцевъ.

Отъ крестьянъ Старогородки я слышалъ, что бывшій въ Старогородкѣ дьячекъ Семенъ Лысенко, умершій въ 1873 году и имѣвшій отъ роду, какъ говорятъ, 96 лѣтъ, разсказывалъ, что въ молодости онъ видѣлъ стѣны храма цѣлыми и лишь на сводѣ посрединѣ была большая дыра. На эту дыру положено было старое мельничное колесо для того, чтобы привлечь аистовъ устраивать себѣ гнѣзда. Затѣмъ, стѣны разрушались, и экономія графа Кушелева-Безбородко распорядилась разобрать ихъ до основанія, а матеріалъ былъ употребленъ на постройку винокуреннаго завода. Крестьяне также немало перебрали кирпичныхъ плитъ для печей.

По преданію, въ храмѣ была похоронена юная дочка полковника Мокіевскаго. Старикъ Федоръ Шульжевичъ, умершій въ 1859 году на 73 году жизни разсказывалъ, что когда храмъ разрушился, то гробикъ ея, величиною въ 1¼ арш. перенесенъ былъ на общее кладбище и что тѣло дѣвочки похоже было на греческую губку.

Изъ этихъ разсказовъ видно, что до конца прошлаго столѣтія стѣны средней части храма были еще цѣлы; въ началѣ же настоящаго вѣка ихъ уже не было, и остатки имѣли тотъ видъ, какъ и теперь.

Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ разсказывалъ мнѣ, что въ бытность его священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, фундаментъ правой (южной) стороны храма, вслѣдствіе обвала горы, настолько разрушился, что экономія распорядилась разобрать его до основанія, и матеріалъ былъ употребленъ на постройку сахарнаго завода, такъ что въ настоящее время этой стѣны нѣтъ и признаковъ.

По распоряженію мужа бывшей владѣлицы П. А. Кочубея, былъ подведенъ кирпичный фундаментъ подъ южную часть сохранившагося алтаря, съ цѣлью предохранить его отъ паденія. Но фундаментъ, должно полагать, былъ сдѣланъ неудовлетворительно, такъ что вся поддѣланная часть разрушилась и храмъ

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что изъ прежнихъ владѣльцевъ никто въ Старогородкѣ не жилъ, а бывшіе здѣсь управляющіе относились довольно небрежно къ сохраненію остатковъ храма: мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, не было огорожено, и крестьяне продолжали разрушать храмъ, выламывая кирпичныя плиты для своихъ печей. Пріобрѣвъ Старогородку, я немедленно огородилъ остатки храма, и съ того времени они находятся подъ строжайшей охраной. Но этого мало: храмъ нужно защитить отъ разрушительнаго дѣйствія воды и воздуха; его нужно покрыть, потому что дождевая вода просачивается черезъ сводъ, вслѣдствіе чего старая штукатурка съ фресковыми изображеніями мало по малу отваливается; съ южной стороны нужно укрѣпить гору и подвести прочный фундаментъ, чтобы поддержать стѣну, которая почти виситъ въ воздухѣ и когда нибудь можетъ обрушиться; равнымъ образомъ, нужно задѣлать всѣ разрушенныя части стѣнъ, преимущественно около оконъ. На это нужны довольно значительныя средства, и желательно было бы, чтобы интересующіяся сохраненіемъ старины общества и частныя лица приняли участіе въ сохраненіи памятника, самаго древняго въ черниговской губерніи [1]).

М. Константиновичъ.

---

[1]) На послѣднемъ (десятомъ) археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ поднимался вопросъ о сохраненіи въ Россіи памятниковъ старины, и между прочимъ было указано, что приходятъ въ полное разрушеніе остатки храма въ с. Старогородкѣ, гдѣ гибнетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, никѣмъ научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ. По этому поводу совѣтъ съѣзда вообще высказалъ пожеланіе, чтобы Императорская Археологическая Коммиссія приняла мѣры къ охранѣ такихъ памятниковъ старины. Желая возбудить интересъ въ ученыхъ обществахъ къ охраненію остатковъ Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ, мы съ удовольствіемъ помѣстили эту статью, приложивъ къ ней фототипическій снимокъ съ остатковъ храма, а также и планъ его, и вполнѣ надѣясь, что лица и учрежденія, отъ которыхъ это можетъ зависѣть, сдѣлаютъ все необходимое для скорѣйшей охраны интересныхъ во всѣхъ отношеніяхъ остатковъ старины. — *Ред.*

ШАРОНЪ[1].

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ знойный іюньскій день мнѣ однажды предстояло сдѣлать небольшое путешествіе изъ посада Клинцы (черниговской губерніи) въ имѣніе одного сосѣдняго помѣщика, близъ с. Голотовки. Имѣніе находилось отъ посада на разстояніи не болѣе десяти верстъ. Выждавъ, когда спадетъ немного жаръ, и разспросивъ подробно дорогу, я съ небольшимъ узелкомъ отправился въ путь. Было уже за полдень. Съ любопытствомъ всматривался я въ новую для меня мѣстность, представлявшую оригинальное смѣшеніе видовъ Малороссіи и Великороссіи. Этою особенностью отличаются сѣверные уѣзды черниговской, курской и южные—орловской губерніи. Великороссія сказывается здѣсь въ общемъ размашистомъ характерѣ мѣстности, въ овально-круглыхъ, голыхъ, словно выточенныхъ холмахъ, въ отлогихъ оврагахъ правильной формы, въ ровно-текущихъ на ихъ днѣ ручьяхъ и, наконецъ, въ березовыхъ рощахъ надъ ручьями. О Малороссіи ясно говорятъ вишневые сады, въ которыхъ тонутъ села и деревни, безпорядочное расположеніе избъ и культура страны. Изрѣдка попадается и пирамидальный тополь, который,

[1]) Шаронами въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи называютъ бобылей-нищихъ.

впрочемъ, среди хвои и березки, чувствуетъ себя здѣсь одиноко и сиротливо.

Дорога лежала мнѣ на Казенную-Туроснь (по мѣстному Дурни), Ардонь и Чарнецкъ. Миновавъ Туроснь и перейдя полотно желѣзной дороги, я очутился среди глубокихъ песковъ, расплывавшихся передъ Ардонью на порядочное разстояніе въ ширину. Жара не унималась, не смотря на пятый часъ вечера. Дулъ маленькій вѣтерокъ, но онъ не только не уменьшалъ жары, а напротивъ—какъ будто еще больше раздувалъ ее. Казалось, тамъ гдѣ-то, недалеко за лѣсомъ лежала раскаленная, знойная пустыня, и вѣтерокъ несъ ея зной на людей. Скоро я потерялъ бодрость и началъ испытывать то неопредѣленно-сонливое настроеніе, которое хорошо извѣстно каждому, кого судьба заставляла хоть разъ идти въ такой день по песчаной дорогѣ. Не охота ни разговаривать, ни смотрѣть по сторонамъ, ни даже думать... Только и мысли, какъ-бы скорѣе выбраться на твердую дорогу. Я усиленно перебиралъ ногами песокъ, и мнѣ казалось, что я топчусь на одномъ мѣстѣ.

„Неужели и дальше все такая-же будетъ дорога?“ Я остановился въ раздумьи и оглядѣлся кругомъ. Предо мною впереди раздольно растянулись села—Ардонь и Чарнецкъ. Направо—широкой, безпредѣльной скатертью лежали далекія, холмистыя поля съ лѣсами, перелѣсками, оврагами, овражками... Тамъ и сямъ мелькали деревушки, хутора. Сады и рощи ясно обозначали мѣста поселковъ. А сзади—чернѣлъ вдали плотной массой клинцовскій общественный лѣсъ, изъ-за котораго выглядывала верхушка высокой городской колокольни. Трубы нѣсколькихъ фабрикъ рѣзко выдѣлялись въ разныхъ мѣстахъ своими правильными очертаніями на свѣтло-голубомъ небѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ дымились густыми клубами чернаго дыма. Дымъ подымался надъ лѣсомъ и лѣниво расходился въ тепломъ воздухѣ. Подъ самымъ лѣсомъ пріютился вокзалъ и ярко бѣлѣлъ на солнцѣ, оттѣняясь своими очертаніями на фонѣ лѣса. А зной такъ и палилъ.

Не пойти-ли полями напрямикъ, вмѣсто того, чтобы идти деревнями и дѣлать кругъ,—подумалъ я, соображая располо-

женіе селъ съ направленіемъ разсказанной мнѣ дороги. „Спросить-бы кого? Но никого вблизи нѣтъ. Вонъ-тамъ, гдѣ-то вдали, изъ Ардони медлено ползутъ волы... но пока они придутъ ко мнѣ, всякое терпѣнье потеряешь“. А пойти напрямикъ былъ, повидимому, полный резонъ. Ардонь и Чарнецкъ представляли собой двѣ улицы, сложенныхъ почти подъ прямымъ угломъ. Въ концѣ селъ, далеко на косогорѣ за вѣтряной мельницей виднѣлась дорога, выходившая изъ Чарнецка. Она ясно обозначалась посаженными по сторонамъ ея небольшими березками. По ней мнѣ лежалъ путь.

„Конечно, это такъ... Да вотъ тутъ кстати и тропинка... Прямо чрезъ поля и холмы на чарнецкій трактъ“. Я взялъ вправо, спустился въ долину, поросшую рѣдкимъ кустарникомъ, поднялся затѣмъ на одинъ изъ холмовъ и, оглядѣвшись кругомъ, убѣдился, что какъ будто не ошибся: тропинка дѣйствительно вела къ тракту. Тропинка тутъ, впрочемъ, была не одна. Ихъ много вилось среди полей въ различныхъ направленіяхъ. Неопытный путешественникъ легко могъ тутъ если не заблудиться, то сбиться съ дороги. Идя узкой полосой среди урожайныхъ хлѣбовъ, я меланхолично смотрѣлъ больше подъ ноги и поднималъ голову лишь тогда, когда спотыкался или сбивался съ тропинки. Сонно было кругомъ. Однообразный шумъ неугомонныхъ кузнечиковъ могъ бы совершенно, кажется, усыпить путника, если бы не необходимость идти дальше. Я вошелъ въ самое ложе глубокой долины... и тутъ только замѣтилъ, что тропинка исчезла изъ подъ моихъ ногъ. Я шелъ по глухой межѣ... „Что за оказія? Должно быть слѣдуетъ взять правѣй“. Предо мною былъ холмъ, на которомъ, по моимъ соображеніямъ, пролегала дорога изъ Чарнецка въ Голотовку.—Мѣсто было совершено глухое. Я шелъ дальше.

Не помню, чѣмъ заняты были мои мысли въ то время, но хорошо помню недоумѣніе и какъ-бы испугъ, которые на секунду обняли меня при неожиданно представившейся мнѣ картинѣ. На межѣ, межъ рожью двухъ полей, спиной ко мнѣ

сидѣлъ совершенно голый старикъ, скорѣе напоминавшій скелетъ, чѣмъ живое существо. Единственною одеждою была грязная и, какъ мнѣ показалось, мокрая тряпка на головѣ, скрывавшая его голову и лицо. Отъ него несло рѣзкимъ запахомъ скипидара и еще какими-то сильными лѣкарственными снадобьями. Невдалекѣ на межѣ лежало грязное лохмотье и стоялъ пузырекъ съ лѣкарствомъ. Старикъ чесался, грѣлъ спину на солнцѣ и былъ занятъ уничтоженіемъ паразитовъ въ своей одежѣ и на тѣлѣ. Меня онъ видимо, не замѣчалъ.

Въ первую секунду мнѣ показалось, что предо мною—привидѣнье,—такъ не подготовленъ я былъ къ такой встрѣчѣ. Остановившись въ недоумѣніи, я оглядывалъ старика. Позвоночный хребетъ выгибался дугою на его сгорбленной, сухой спинѣ... Ребра ясно обозначались на высохшихъ бокахъ и, казалось, просвѣчивали сквозь матовую, грязную кожу. Шея отъ загара совершенно была черная. Плѣшивый затылокъ показывалъ, что на головѣ нѣтъ ни волоска. Уши торчали по сторонамъ тряпки, при чемъ одно ухо отвисло болѣе другого и казалось изогнутымъ. Костлявыя грязныя ноги, сложенныя накрестъ, служили удобнымъ сидѣньемъ для старика. Онъ копался въ своей грязной одеждѣ.

Мнѣ хотѣлось пройти незамѣченнымъ и оставить старика въ покоѣ. „Но куда идти? Какъ обойти? Не возвращаться же обратно на дорогу“... Словно чувствуя присутствіе посторонняго человѣка, онъ вдругъ быстро поднялъ голову, повернулъ ее въ мою сторону и, увидѣвъ предъ собою человѣка, да вдобавокъ не своего, заметался. Видно, онъ тоже не ожидалъ, чтобы кто-нибудь могъ нарушить его покой въ избранномъ уголкѣ. Онъ хотѣлъ, кажется, на-скоро одѣться и схватился было за одежу. Она лежала не съ той стороны, гдѣ онъ искалъ. Найдя свою одежу, онъ не скоро могъ въ ней разобраться и потому не одѣлся, а лишь прикрылся... и попробовалъ встать; но ноги, видимо, закостенѣли отъ продолжительнаго сидѣнья въ одномъ и томъ-же положеніи, т. ч. трудно было измѣнить усвоенную позу. Старикъ энергичнѣе заметался. Лицо его искривилось. Мнѣ послышались даже какъ бы звуки недовольства. Опираясь сухими

костлявыми руками назадъ, онъ сталъ отодвигаться вглубь ржи, давая мнѣ дорогу. Я прошелъ мимо, какъ бы ничего не замѣчая.

Эта картина мгновенно сняла съ меня сонное настроеніе. „Что это такое? кто такой?“—недоумѣвалъ я, отойдя шаговъ на десять и глядя назадъ на то мѣсто, гдѣ все еще очень суетился старикъ, о чемъ можно было заключить по быстрымъ колебаніямъ верхушекъ колосьевъ ржи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ. Простоявъ еще минуты двѣ-три, когда, по моему разсчету, старикъ могъ одѣться, я рѣшился вернуться. Онъ сидѣлъ все въ той-же позѣ, но на немъ была уже рубаха—грязная и потная. Черный деревянный крестъ висѣлъ межъ створками пазухи на засаленной лентѣ. Обросшая грудь казалась продолженіемъ его разросшейся большой бороды.

— Здравствуйте! сказалъ я, стараясь быть особенно привѣтливымъ. Онъ ничего не отвѣтилъ и глядѣлъ внизъ, перебирая въ рукахъ свое тряпье... На лицѣ его было нескрываемое выраженіе недовольства. Онъ спѣшилъ уйти.

— Какъ мнѣ выйти отсюда на чарнецкій шляхъ?

Онъ все молчалъ и не глядѣлъ на меня.

— Тутъ можно пройти на шляхъ? До Голотовки?

Молчаніе.

— Вы може не чуете? Вы глухи?

Не поднимая головы, онъ издалъ какіе-то неопредѣленные звуки. Въ нихъ слышалось недовольство... Старикъ страшно тяготился моимъ присутствіемъ и ждалъ, когда я уйду.

— Слухайте-но, диду... Якъ мени пройты тутъ?

Онъ все не глядѣлъ на меня и, неуклюже заграбастав свои пожитки (нѣсколько узелковъ различной величины), сталъ, сидя, отодвигаться дальше. Шапка упала изъ его рукъ. Онъ этого не замѣтилъ.

— Ось шапку забулы, визьмить...

Я положилъ ему на шапку монету. Не глядя на меня, онъ закинулъ назадъ руку, молча взялъ деньги и шапку и продолжалъ отодвигаться, не разгибая колѣнъ и не измѣняя положенія. „Что за странный старикъ... больной или можетъ быть сумасшедшій... или очень несчастный?“

— Слухайте-но, диду, скажить вы мини, чого вы тутъ сидыте? рѣшился я обратиться прямо.

— А вамъ нащо? послышался отчетливый глухой вопросъ, взамѣнъ отвѣта, изъ ржи, въ которую отодвинулся старикъ. Онъ говорилъ хрипло и грубо.

— Вы одпочиваете?.. Певне втомылыся?

— Ось сежу, тай годи. А вамъ чого до мене треба?

И онъ сталъ чавкать, шлепая губами. Нѣкоторыхъ верхнихъ зубовъ у него недоставало. Нижняя челюсть словно отставала отъ лица. Борода какъ-то конвульсивно подергивалась. На усахъ образовался цѣлый слой грязи и разной нечистоты.

— Вы дуже бидны?

— Може и бидный... А вамъ нащо? упорно отвѣчалъ старикъ одно и тоже.

„Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до него“—подумалъ я. По какому, собственно, праву я вмѣшиваюсь въ его личныя дѣла,—тѣмъ болѣе, что ему это, повидимому, очень непріятно?“

Мнѣ стало очень неловко. Выраженіе лица старика служило мнѣ нѣмымъ укоромъ.

„Ты, баринъ, иди-ка своей дорогой—говорило мнѣ это отверженное, непріятное лицо—а я дѣлаю то, что хочу и не мѣшаю тебѣ дѣлать свое дѣло. Никому никакого дѣла нѣтъ до того, что меня парши одолѣли... Ты богаче меня, слѣдовательно, ты думаешь, что можешь вмѣшиваться въ мою жизнь“.

Быть можетъ, да пожалуй и навѣрное, старикъ этого не думалъ... но если бы онъ думалъ такъ, то былъ бы правъ. Онъ имѣлъ всѣ основанія такъ думать.

Видя, что я все еще не ухожу, онъ повернулъ ко мнѣ глаза, быстро окинулъ всего съ ногъ до головы. Толстыя вѣки полузакрывали оба глаза. Я замѣтилъ, что правый глазъ у него былъ съ бѣльмомъ... другой хоть и выглядывалъ изъ-подъ нависшей надъ нимъ тряпки, но словно потухалъ. „Еще не долго мнѣ такъ глядѣть, свѣтилось въ этомъ угасавшемъ взорѣ единственнаго глаза, скоро должно быть и я также потухну, какъ и мой сосѣдъ“.

Мнѣ стало ужасно жалко старика. Онъ дышалъ съ хрипотой, и это хрипѣніе страннымъ диссонансомъ смѣшивалось съ трескотней кузнечиковъ и чириканьемъ воробьевъ въ полѣ. Я придумывалъ, что́ бы такое сказать; но старикъ меня предупредилъ.

— Вамъ чого одъ мене треба? сурово спросилъ онъ меня, жадно разсматривая двѣ монеты въ рукахъ. Якъ хочете на ардонскій шляхъ, то идить вверхъ, въ гору. Онъ повелъ головой по направленію предстоявшаго мнѣ пути.

— Я иду въ одно тутъ село... та зъ дороги трохи збывся А вы тутешній?

Онъ не отвѣчалъ.

— Вы куды идете? допытывался я.

— А вамъ нащо? Хиба вы мене не знаете?

— Ни, не знаю...

— Вы не зъ Стародубья?

— Ни...

Старикъ успокоился, еще разъ взглянувъ на меня и, какъбы убѣдившись, что я не вру, оставилъ сборы и принялъ прежнее положеніе, т. е. сѣлъ спиной ко мнѣ.

— Колы не знаете, то и не треба... протянулъ онъ медленно и началъ опять бормотать про себя что-то.

— А вы де живете? Въ Клинцахъ? спросилъ я опять.

— Тамъ, де прыйдется. Промижъ неба на земли. Я васъ не зачепаю. Идить, куды йдете—шепталъ старикъ, морщась и сплевывая.

— Вы певне не тутешній?

Отвѣта не было. Мнѣ становилось досадно. Старикъ производилъ впечатлѣніе не то озлобленнаго нищаго, не то бѣглеца, не то больного...

— Вы не слабый часамы? Що у васъ за ликарство?

— Це мое дило...

Я сталъ уходить и сдѣлалъ два шага. Старикъ снова началъ въ полголоса шептать что-то про себя. Я остановился.

— Що це вы таке шепчете?

— Що доведется. А вамъ нащо? Кажу, може въ васъ есть ще пятачка? спросилъ онъ, понизивъ тонъ. Мени дуже треба, бо въ мене нема... то я пытаю, може у васъ е?

Я положилъ еще монету. Онъ также молча взялъ ее.

— Слухайте-но, диду, чого це вы такій сердытый? Чому вы не хочете ничого казаты?

— А щожъ вамъ казаты?

— Напрыкладъ, хто вы такій? якъ вы живете?

— Якъ живу?! Гмъ... Свои харчи имъ... Свій хлибъ жую... Такъ и живу...

— А де жъ вы хлибъ достаете?

— Тамъ, де достается... А якъ не достанется, то и такъ переждется. Часамы и свій поснивае, а часамы въ людей позычаю.

— Ну, и добре вамъ на свити живется?

— Ни-що... Ще живется поки в... и на тили кусають; отъ якъ перестанутъ кусаты, то тоди вже годи. Старикъ становился разговорчивѣе. Подаянія сдѣлали свое дѣло.

Онъ съ ожесточеніемъ сталъ чесаться за спиной и рыться въ своемъ туалетѣ, приговаривая: „а щобъ васъ вышкварыло“...

— „Ще колы ось ця тварюка лазыть та швендается на спыни, то ще не бида—удалось мнѣ разслышать въ его шепотѣ—а ось якъ не буде ни однои, значить—тило засыхае... А въ мене ще хвалыты Бога... Вы не въ волости служите? спросилъ меня старикъ, не оборачиваясь.

— Ни... я зовсимъ не знаю тутешнихъ мистъ.

Онъ стороной взглянулъ на мою шляпу, которую я держалъ въ рукѣ и обмахивался отъ жары.

— Въ Клинцахъ капелюха куповалы? спросилъ онъ опять, подводя бровами подъ лобъ.

— Ни... або що?

— Ничого... капелюхъ гарный... Хаимъ давъ-бы за него ще злотыхъ зъ три...

— Хто такій Хаимъ?

— Жидъ... хто-жъ може буты Хаимъ? Онъ досталъ изъ ворота рубахи большую иголку и сталъ зашивать дыры, усажи-

ваясь поудобнѣе въ прежнемъ положеніи. Меня удивило, что старикъ оставилъ свои сборы и успокоился.

— А у васъ диты есть? спросилъ я.

— Якъ-бы то булы, то я не седивъ-бы ось тутъ на межи, рѣзко отвѣтилъ онъ.

— И хозяйства не було?

— Яке тамъ хозяйство! Ось мое хозяйство! Другого не маю.

И склонившись надъ тряпицами, онъ чавкалъ беззубыми челюстями и сталъ какъ будто напѣвать:

Голенькіи—вы мои риднята,
Якъ же васъ тутъ багато,
Та и вси вы биднята...
А я бидный сыротына,
В... повна спына...

„А щобъ васъ вышкварыло“, прибавлялъ онъ затѣмъ, въ видѣ свободнаго припѣва къ импровизированной пѣснѣ, „здыхоты на васъ нема“!

Я удивился убожеству старика. На всей его одежѣ не было, кажется, ни одной пяди цѣльной. Все было въ дырахъ, или просаленныхъ заплатахъ. Толстыя нити стягивали въ разныхъ мѣстахъ отверстія рубахи. Клочки полотна висѣли кругомъ. Воротъ и обшлага рубахи были черны, какъ сажа.

Среди полножизненной лѣтней природы и улыбающагося веселаго лѣтняго дня этотъ старикъ представлялся грустной аномаліей, обидной ироніей видимаго благополучія. Онъ снова метнулъ на меня глазомъ. Это значило, что онъ сейчасъ что-нибудь скажетъ.

— Що то гроши, началъ въ полголоса старикъ... Якъ бы то вы мени далы що небудь зъ того... (онъ повелъ искоса бровью по направленію къ моему узелку) зъ шматья, а то я зовсимъ вже зносывся. Нема въ чому ходыты... И, не глядя на меня, онъ указалъ на мой небольшой узелокъ. Подарить мени що-небудь.

Я протянулъ ему маленькій свертокъ.

Должно быть, онъ не ожидалъ получить такое подаяніе, потому что, увидѣвъ въ своихъ рукахъ хотя и старую, но чистую бѣлую рубаху, которая особенно бѣлѣла на солнцѣ среди окружавшаго старика лохмотья, онъ оживился и, какъ мнѣ показалось, повеселѣлъ. Повернувшись бокомъ и уставившись на меня однимъ глазомъ, онъ спросилъ:

— А вы здалека?

— Зъ Москвы.

— Онъ звиткиль вы!.. зъ велыкого городу.

— Эге.

— А вы царя бачилы?

— Ни, не доводылося.

— А я бачивъ.

— Колы?

— Ще якъ за турещины... якъ на войну ходывъ. Вы и наслидныка мабудь не бачилы?

— Ни.

— А я бачивъ и наслидныка. А вы що въ Москви робыте?

Я разсказалъ, что у меня за служба. Замѣтно было, что мои отвѣты, которые онъ внимательно выслушивалъ, стараясь не проронить ни слова, дѣйствовали на него успокоительно; каждый мой отвѣтъ онъ принималъ все съ большимъ и большимъ довѣріемъ. Вопросы со стороны нелюдимаго старика были знакомъ, что онъ разговорится, и я спросилъ его, зачѣмъ у него мокрая тряпка на головѣ?

— Щобъ солнце не пекло... Тай зновъ въ мене струпы на голови... Гныды завелыся.

— Можно тутъ коло васъ систы одпочиты трохи?—сказалъ я, усаживаясь на межѣ поодаль.

— Сидайте колы треба—холодно отвѣтилъ старикъ, но видно было, что мое присутствіе не такъ тяготитъ его, какъ вначалѣ.

— Цю сорочку... якъ Богъ дасть, въ свято надину, рѣшилъ онъ, свертывая подаяніе и откладывая въ сторону.

— А чому жъ не теперъ?

— Ни... въ свято.

Когда онъ развертывалъ рубаху, я замѣтилъ, что рука у него какъ то неестественно двигалась, словно ее кто-нибудь ежесекундно подталкивалъ сзади, помимо воли старика.

— Що у васъ зъ рукою?

— Звернуло... контузія.

— Колы звернуло?

— Давно... Ще якъ на войни... якъ зъ туркомъ сперычалыся. Въ мене и знакъ бувъ, та я его пропывъ... медаль, значится.

— А вы пьете?

Онъ усмѣхнулся.

— А чому жъ мени и не пыты? Або я жидъ, або що? Або дорогы до корчмы не памьятаю? Якъ гроши е, то и чарка мусыть буты. Звычайно, колы мени чарки да не пыты, то, спытаю я васъ, на вищо мени и житы? До чого я здався?.. Вы кажете—рука... А отже-жъ подывится ще сюды...

И, быстро передвинувшись, онъ протянулъ изъ-подъ себя ногу, половина которой до изгиба колѣна была отнята. Вмѣсто ноги вставлена была деревяшка. Тутъ только я замѣтилъ, что около него лежалъ костыль. Старикъ былъ кругомъ обиженъ судьбой.

— А ногу де вы згубылы? Тежъ певне на войни?

— Ни. На заводи... Ось теперь и пытайте мене: зачимъ я пью?... А затимъ, що до того воно иде... Хтивъ бы я ходыть,—такъ ноги чортъ мае... Робывъ-бы що небудь,—такъ зновъ рука схне... Дывытыся наветь неможна,—око не бачить... и на вухо не дуже чутка йде... Недужный ставъ зовсимъ. На „Святый Боже“ вже пишовъ. Наветь йисты неможна: зубивъ нема. Едне тильки и восталося для мене, що часамы въ лыху годыну выпыты можна, якъ гроша хто дасть, або сгубыть—та знайдешъ... А вы ще пытаете, чи я пью?

— Вы и сорочку пропьете?

— Ни... сорочку грихъ пропывать, неможна; бо на тому свити батьки одцураются. Ніякъ неможна.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— А однаково Хаимъ давъ-бы за цю сорочку злотыхъ два, якъ не бильше, сказалъ отъ такимъ тономъ, которымъ довольно

опредѣленно предрѣшалась судьба рубахи, не смотря даже на то, что „батьки одцураются“...

— У васъ ридня е? Онъ, косясь, вскинулъ глазомъ на меня и молчалъ. Глазъ старика выражалъ все тоже: „а вамъ нащо? вы не зъ волости“?

— Вы не бійтесь, успокоилъ я его: я недавно сюды прыйихавъ и васъ не знаю, и никому не скажу про васъ.

— А якъ бы вы, напрыкладъ, и сказалы кому, то думаете, я боюся кого... Дайте-но мени краще папироса, колы е, заговорилъ онъ вдругъ другимъ, страннымъ, рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ слышалась не столько просьба, сколько приказаніе. Этотъ тонъ въ глухую осеннюю полночь на большой дорогѣ долженъ производить впечатлѣніе.

Получивъ папиросу, онъ такимъ же тономъ попросилъ газетной бумаги на папиросы.

У него нашлись спички, и онъ закурилъ.

Полагая, что своими подаяніями я въ достаточной степени расположилъ старика къ себѣ, я продолжалъ разспросы.

— Вы певне мылостынею живете?

Онъ непріятно улыбнулся. Подвижныя его брови заиграли. Челюсть съѣхала на сторону...

— Эге, мылостынею... Хто що дасть—возьму, хто що згубыть—пидійму, а то часамы и такъ попрошу кого небудь згубыты.

— Що таке?

Онъ еще болѣе оскалилъ свои нижніе зубы.

— Ничого, те-що чулы... Я кажу, что часамы, бачте, йиздять по шляху паны зъ дурнымы грошима, та просятся на позычанку.

Послѣднія слова мнѣ очень не понравились. Скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, я поднялся на ноги и сдѣлалъ два-три шага въ гору. Сзади меня раздался старый, хриплый смѣхъ...

— Що... злякалыся?! А хто просывъ? Хиба я васъ зачепавъ? Хе, хе, хе... Я обернулся. Нижняя челюсть у старика

совершенно отвисла и обнаружила нѣсколько торчавшихъ врозь желтыхъ зубовъ. По угламъ его рта текла слюна. Старикъ трясся отъ смѣха и кашлялъ, затягиваясь папиросой.

— Идить, идить, говорилъ онъ, бижить въ Клинци, та скажить, що старый злодій, шаронъ, седыть на ардонскій межи, та щобъ урядныкъ мерщій прыйихавъ, бо щобъ часамы не втикъ...

Я не зналъ, что сказать, и стоялъ въ недоумѣньи.

— Такъ и скажить, що слипый, старый, безъ ноги и безъ руки гріется на солнци, то щобъ выйизжалы за нымъ полицейски на коняхъ, та ловылы, бо хутко може втиче.

Я вернулся и сѣлъ на свое мѣсто.

Мое возвращеніе понравилось старику. Онъ, повидимому, не ожидалъ, что я вернусь и удивленно на меня глядѣлъ нѣсколько минутъ.

— Ну, а якъ бы и сказавъ, то думаете, не зловылы-бъ? сказалъ я, тоже смѣясь.

— Ни... втикъ бы; не дождете, щобъ я литомъ въ холодній седивъ, хиба здыхатыму зъ голоду.

— Ну, а напрыкладъ, нехай-бы и зловылы, сказалъ старикъ немного погодя, то щожъ вамъ зъ того прыбуде? Легше вамъ стане, чи що? Думаете, що велыку ласку для Бога зробыте?.. або межъ людей злодіивъ не буде? Этъ, даремна то мова, не нащо... Не я, то другій буде красты...

Внутренно я вполнѣ былъ согласенъ съ мыслями старика, хотя своего согласія и не высказывалъ въ слухъ.

— Вы думаете, я въ холодній не седивъ? Дыво що седивъ, а про те злодіемъ не переставъ буты... Та на вищо вона та тюрьма?.. Этъ, пуста то мова. Отъ якъ настане зима, то може я и самъ пиду въ тюрьму... бо куды жъ мени бильшъ иты? Въ тюрьми все теплійше. Скильки я тыхъ тюрьмъ оглядивъ... Ге-ге... Колы-бъ мени Господь Богъ стильки здоровья давъ, скильки я въ тюрьмахъ просыдивъ. Чимъ налякалы!.. Хе, хе... Онъ закашлялся и схватился рукою за грудь. На глазѣ у него выступала даже влага отъ удушья.

— А за вищо-жъ васъ въ тюрьму сажалы?

— За ризне... більшъ всего за те, що въ людей позычанки роблю. Этъ, пизно мене тюрьмамы почалы вчиты. Стараго злодія справыть тильки могыла. Не тепереньки мене въ тюрьму сажаты... Тра було колысь догледиты, якъ пора була. А теперъ вже!..

Онъ махнулъ рукой и долго молчалъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Игла у него исправно бѣгала, и онъ шилъ съ неестественною для старости быстротою. Когда нитка у него выходила, онъ вставлялъ новую въ ушко иголки, приставляя ее къ зажмуренному глазу такъ ловко, что его пріемамъ могла-бы позавидовать любая швея.—Я ждалъ, что онъ скажетъ.

— Въ мене дочка була, Олеська—послышалось мнѣ послѣ долгаго молчанія—та вмерла. Вже-бъ велыка була—ось така (онъ поднялъ на аршинъ руку отъ земли). Давно вмерла. Литъ висимъ було вже ій...

— А жинка ваша де?

— А хто ій знае? Десь швендается по наймычкахъ. Та не пагано й пье, якъ и я... Я давно ій не бачивъ... Може тежъ бидуе, якъ и я, а може вже и вмерла, бо вона въ мене недужная була. А Олеську шкода; розумная була дытына.

Такъ все и наказувала мени пры смерти: „визьмы, каже, ляльку соби, щобъ не згинула“.. Звистно мале дытя: не тямыть, що говорыть... Тай вмерла... А вже бы до сеи поры велыка була. Въ петривку мынуло-бы... (Онъ задумался на минуту). Було-бъ симнадцять литъ... Розумне було дытя. Теперъ бы вже замужомъ була. Може-бъ въ мене и внуки булы и кутокъ бы я теперъ мавъ, и спокійне доживавъ бы свій несчастный викъ... А теперъ, куды я гидный? Хто мене теперъ такого прыйме?

— А може-бъ васъ хто и прынявъ?

— Э... де вже!.. Хто-жъ мене визьме? Одынъ тильки Хаимъ на спилку прыйме, бильше нихто. Поки ще нога була, на заводахъ робывъ...

— А вы бъ въ богадильню яку...

Онъ отрицательно закачалъ головой.

— Вы думаете, що въ богадильни краще? Понюхавъ я и шпыталя... И звиттиль выгналы, кажуть, що пьяныця, що такихъ

тамъ не потрибують. Та я и самъ не конче до тіи богадильни... Тамъ гиршъ, якъ тута... бо тута хочъ в... йидять, а тамъ люде тебе йистымуть... Тамъ одынъ одного пойидомъ йисть. Ни, такъ мени Богъ прыказавъ одъ людей втикаты до самои смерти. Такъ воно и буде певне. Ще якъ бы, скажемъ, вона не вмерла, то я-бъ въ людяхъ жывъ, я бы пишовъ въ полтавщ...

Онъ внимателяно сталъ вслушиваться.

— До чого вы такъ прыслухаетесь?

— Такъ соби... Хтось йиде воламы.

— Де?

Я напрягалъ свой слухъ, но ничего не могъ услышать. Онъ уставилъ свое бѣльмо на гору. Ничего не было видно.

— За горою. Хутко выйиде на гору. Це зъ Ардони хтось выйихавъ.

— Вы кажете, пишлы бъ въ полтавщину?

— Эге... тамъ въ мене е братъ... и кусокъ земли мае... то винъ взявъ бы мою Олену, поки-бъ вона выросла.

Черезъ нѣсколько минутъ на горѣ дѣйствительно показалась пара воловъ, медленно двигавшихся межъ рожью. Я удивился чуткости своего знакомца.

— Якъ вы добре чуете...

— Ни, теперъ вже не такъ чую, якъ то колысь... Далеко—почую, а блызько—часамы не чую. Якъ де иде чоловикъ за горою, або въ лиси, або худоба, або наветь пташка на дереви ворушится, то почую... А коло себе—не чую. Часамы хто пидійде до мене, ось якъ вы теперъ пидійшлы... и прошпечусь... Вже старый ставъ. А колысь нюхъ мавъ не згирше якъ въ лягавои собаки.

— Розскажить вы мени, диду, якимъ це вы побытомъ дошлы до такого бурлацтва? Вы не бійтесь... Мени такъ тильки для себе хочется дуже знаты. Я никому не скажу.

— Якій вы дуже цикавый... Та щожъ, якъ хочете, то и розскажу.

II.

— Въ полтавщыни, бачте, було насъ два браты... Одному тра було въ москали йты. Я бувъ за старшого, хлопець бувъ росторопный. Отъ и прыйшлося мени москалёваты; а братъ хозяинуваты на нашій земли зостався... То винъ и доси тамъ, въ полтавщыни хозяиномъ выглядае... та ще якимъ,—колы-бы зналы? багатырь ставъ... ей-Богу, настоящій багатырь! Хату и волы свои мае и все свое мае, наветь кони... Та ще до того и старшиною бувъ. Мій ридный братъ... ій-бо бувъ...

Старикъ побожился. Быть старшиною въ его представленіи значило достигнуть чуть-ли не самаго высшаго благополучія на землѣ...

— А може и теперъ ще винъ старшина... Хто знае? продолжалъ онъ, замѣтно оживляясь, бо винъ багатый чоловикъ и розумный... Его вси тамечки люблять; и таки вартъ ёго любыты, бо е за що... Винъ не пьяныця и не бурлакъ... И жинка въ его е, и диты, и вси вкупи живуть.

Родственно-сантиментальныя воспоминанія о братѣ оживили старика. Въ своемъ братѣ онъ видѣлъ выраженіе, быть можетъ, всѣхъ своихъ завѣтныхъ думъ, осуществленіе того, о чемъ такъ безнадежно мечталъ въ теченіе всей своей несчастной жизни. Глазъ его сталъ бѣгать быстрѣе по сторонамъ, и все чаще и чаще старикъ поглядывалъ искоса въ мою сторону. Тряпка отъ частыхъ поворотовъ головы все сползала съ темени на сторону. Старикъ то и дѣло приправлялъ её.

А зъ мене ось що зробылося, сказалъ старикъ, глядя на свое черное колѣно, покрытое заскорузлою, жесткою грязью. Пустывся... Отъ якъ самы бачите... занапастывся... и самъ не знаю, якъ воно такъ вышло?.. Самъ Господу Богу ответь колысь дамъ. Якъ згадаешъ про все, що колысь було, то ажъ голова учадіе. Здается, я и зъ едного тиста зробленый, якъ и вси люде, и не згирше другихъ людей, а не иде таки моя доля по людському шляху... тай годи. До сидого волосья доживъ, а доли своеи не найшовъ... якъ помру, то певне надо мною на могыли куры будуть сміятыся.

Онъ чуть не плакалъ. Я молчалъ.

— А у васъ ридня е? спросилъ онъ меня.

— Есть.

— А хто такіи?..

Я назвалъ.

— А чому-жъ вы пры ныхъ не живете? Чи жъ то можно такъ? обратился старикъ съ упрекомъ ко мнѣ.

— Въ мене служба така, що треба житы на чужій сторони...

— Этъ, пусте... возразилъ старикъ. Що то служба? Найлегша служба та, колы вся ридня коло едыного вкупци живуть, та на хозяйстви гуртомъ працюють... Отъ поки ще вы молоды, то вы и сюды и туды, а пождить-но—прыйде другій часъ, и будете вы шкодуваты, що одбылыся отъ свого ридного кубельця... Побачите!

Онъ помолчалъ.

— Здается, якъ бы мени тепереньки та можно було-бъ вернутыся до ридни, въ полтавщыну...

— А чому-жъ вамъ не можна вернутыся?

— Ни, не вернуся, бо соромъ... Вже мое прошло, не вернется. Тай зновъ-же, зъ якимы я очамы вернувся-бы? Ни, не повынно того буты... Та и ридня одъ мене одхылылася, забула. Я... я... сырота на свити.

Это говорилъ пятидесятилѣтній старикъ, сохранившій, не смотря на всѣ превратности судьбы, замѣчательную дѣтски-наивную привязанность къ родинѣ и семьѣ и искренно вѣрившій въ великую нравственно-направляющую силу семьи.

— Ще якъ-бы я вдома живъ, то родняки мене певне повернулы-бы на людське... А найпершъ тіи москали!.. Спаскудылы воны мене зовсимъ... Тоди здавалося воно не що... а теперъ я бачу, що не до розуму люде выдумалы москальщыну. Якъ бы не вона, може бъ и я чоловикомъ бувъ. Не згубывъ-бы своеи дороги.

— Якимъ же способомъ вона васъ спаскудыла, та москальщына?

— Якъ-то якимъ? А тымъ, що легкій хлибъ дае, а до роботы не прывчае. Зновъ же, подуматы треба, що чоловикъ

безъ своихъ живе, на чужій сторони москалюе, та одъ риднои земли одбывается. Одно слово—гультяйствуе. Якъ пиде чоловикъ въ москали, то ще на першихъ порахъ засумуе трохи за своими, а дале и зовсимъ други думки полынуть ёму на серце, неначе винъ переродився, або не одъ своеи риднои матери родився; неначе серце ёму хто друге вставывъ пидъ ту московську шинелю, которою винъ такъ дуже чванится... И ридню забуде, и жинку, и дитей... и байдыкуваты прывыкне... Чистый-бурлакъ. Вже и винъ на людей не такъ дывится, и люде-на него. Вже винъ, бачь, не простый... винъ царю служить, енераливъ ризныхъ бачить, то винъ уже и дметься соби, яко не-вить-що. Ось и я, скажу, служивъ въ москаляхъ, а до розуму не дослужився. Якъ взялы мене въ москали, то погналы кудысь на лыху годыну въ кишиневську губернію, а въ тій проклятій бесарабщыни я згубывъ и той розумъ, якій ще мавъ. Бо то таки такъ, правду сказавши: ще якъ на войни, то москаль на своему мисци. Купець торгуе, хозяинъ на поли працюе, а москаль воюе: ёму думка, якъ бы вгодыты царю, та выслужитыся; а вже писля войны—москаль нинащо не здатный... Винъ все одно, що той *шаронъ*. Яка въ ему корысть? Пуття въ ёму нема... Байдыкуе та тилькы и знае, що свою швендривку, выпьявшись впередъ якъ той гусакъ та задерши голову козыремъ, булькоче: „здравья желаю... ла-ла-ла... ла“.. А що воно таке, до чого те все иде, хыба-жъ винъ тямыть? Этъ, зовсимъ дурне робытся... Тильки и дила, що на харчахъ царскихъ пройидается. А якъ прыйде москалына до дому, то якого, колы-бъ зналы, чванька задае? Ге-ге... Таке съ себе вдае, що люде ажъ очи таращать, та дывуются: „дывыся-но, чи це-жъ нашъ Иванъ, або Харытонъ?.. Чи ты бачишъ?“... кажуть вси. А що воно за цяця такая? Що съ того, що на ему царська шапка и штаны съ червоными обшлагамы? Этъ, то зовсимъ дурне! А якъ почне москалына що розсказуваты, то бреше, лыхо ма, такъ, що ажъ за ушима лящить—и окомъ не сморгне; а тыи вси слухають, выставывши баньки, якъ и не-вить-що, та дывуются. „Я, каже, я... и въ бесарабщыни бувъ, и турка бачивъ... я и съ енераломъ розмовлявъ, я и паньское обхожденіе понимаю“... А проте все таки

винъ дурень бувъ, дурень и зостанется, бо ёго треба спытаты не те, що винъ зъ якимы-сь тамъ енераламы поведенцію мавъ... „Скажи-но ты мени, москалыку, де твоя хатынка, де твое поле, чи багато твое поле врожаю дае, чи багато ты гною сеи весны на свое поле вывизъ? та де твоя худоба? Скильки ты заробывъ? Га? Ось що ты мени скажи?“... А то начепыть свою куцую чамерку, тай, пробачайте, вывертае и сюды и туды (старикъ сдѣлалъ сидя соотвѣтствующее движеніе), стегно свое показуе... бачь, нихто не бачивъ такого гладкого стегна, що одпаслося на царськихъ харчахъ...

Тьфу! (сплюнулъ разсказчикъ). До чого воно? Одынъ тильки соромъ!

То все паны выдумалы одъ ничого робыты... Не на-що воно. Паньска забавка!

— Якъ то паны выдумалы?

— А такъ, то все паньска выдумка... та москальщына. Одне непотрибство. Бильшъ ничого.. Не до того воно.

— Ну, а якъ-же, напрыкладъ, безъ москаливъ? Хиба безъ ныхъ можно обійтыся? Москали завше потрибны.

— Ни, упорно отрицалъ старикъ.

— Якъ-то? а якъ турокъ на насъ нападе, та побье насъ? продолжалъ я возражать.

— Хто?... презрительно переспросилъ шаронъ. Турокъ насъ побье?.. Гмъ... Ще, здается, такій турокъ не народывся на свити Божому. Чи-жъ воно вміе бытыся? Куды ёму? „Побье“!— тежъ сказалы!.. Та якъ воно напало бы на нашу землю, то тильки вартъ гукнуты та поклыкаты одныхъ клинцовскихъ шаронивъ, то воны бъ ихъ перегалушилы на чимъ свитъ тильки стоить... Нащо тутъ москали?

— Ну, добре, согласился я. Турокъ-такъ. А якъ нападе на насъ хто-небудь другій, напрыкладъ, французъ, або нимець? Воны крипши за турка...

— Ну, такъ що-жъ? Колы воны дуже крипки, то и москали тутъ ничого не подіютъ. Тутъ треба колы що... народъ до помочи клыкаты. Люде розсказуютъ, що французъ зъ Наполеономъ колысь ишовъ на насъ... То думаете, хто ихъ про-

гнавъ? Москали? Колыбъ часомъ не воны... Прогналы ихъ мужики, що землю робылы, хозяины... Розсказують, що такъ нибы и гналы ихъ зъ Москвы, якъ тыхъ свыней... Хто лопатою, а хто кіемъ. Такъ и то: колы, скажемъ, найде на насъ французъ, або нимець, якъ вы кажете, то треба гукнуты: „гей, кидай соху, та иды лыху годыну збываты“... Тай прыйдутъ мужики, трохи погалушать... Гей, тихай, тортове отродья, звитки прыйшовъ, поки ще подобне щось на морди зосталося“... Ну, тай спытаю я васъ: нащо тутъ здалыся москали? Москаливъ всихъ непріятель може перебыты, а народа—не дожде, не перебье... Народъ—то сыла Божая.

— Безъ москаливъ воно-бъ то може и добре було-бъ, але колы у кожного народа безпреминно мусять буты москали. Такъ воно завше було. Свитъ такій...

— Этъ, хто ёго знае... Въ другому народи, скажемъ, може земли меньше, або що... то тамъ и москаль на своему мисци, може ёму диватыся никуды. А нашому мужику земля першъ всего... тай зновъ-же сказать: москали, гм... Воно то-бъ и не-що... Але—нащо народъ губыты? Запысався ты, скажемъ, въ москали, то нехай тебе кормлять и тримають въ москаляхъ до самой смерти. А то що-жъ? Ось, напрыкладъ, и я: не довго наветь и служивъ въ москаляхъ, а спытайте-но вы мене, що мени зъ теи службы за корысть? Тильки що скаличылы мене... Ось бильмо на оци—то одъ пороху, якъ колысь стрелялы, то дымомъ мени око высмалыло... А рука... то зновъ контузія. Ну, звистно, заразъ перевязалы, въ лазаретъ положилы... годовать мене добре наветь началы. А посли медалю далы тай сказалы—„выбирайся зъ Богомъ, вже ты намъ тутъ непотрибенъ“... Отъ тоби, Харитоне, и москали! Отъ тоби и служба! дослужывся! Иды теперь до дому зъ своею дурною медалею та жинку-ридню шукай... може ще знайдешъ, може ще прызнаютъ тебе. Начепывъ я медалю, пошвендався ще трохи по свити, вернувся до дому... Те да се... Такъ нибы, чую—щось воно не такъ, не до того йде, не лагодыться мени на свою дорогу выйты, а ни-якъ не пидходыть щось одне до одного. Батькивщына—не моя. Земли въ мене нема, а въ наймыты йты—якось воно ніяково, бо въ чо-

ловикови ще сыла е, ще винъ може на себе працюваты, та и зновъ соромъ. Молодый москаль та въ наймытахъ. А тымъ часомъ—прывела моя жинка мени дочку Олеську... Що тутъ робытымешъ? Треба десь кусокъ хлиба доставаты. А въ ту пору розійшлася якось у насъ чутка, що въ Клинцахъ дуже людей потрибуютъ до роботы на фабрику. То було якось такъ зимою. Булы мы на ярмарци въ Полтави... А треба вамъ знаты, що туды прывозятъ зъ Клинцивъ фаетоны, що тутешни столовиры роблять. Отъ и почалы тыи каретныки розсказуваты про тутешне житья: и платятъ добре, и харчи даютъ...—„А що, жинко, кажу, чи не пійты и намъ въ Стародубье, щастя-добра въ чужихъ людяхъ пошукаты"?—„Чому, каже, ходимъ"... Отъ мы зъ тыми каретныками и прытюпалы сюды. Добре, прыйшлы... и роботу наветь нашлы. Зъ початку наветь гарно жилося намъ, заробляла добре и я, и жинка... и Олеська росте. Такъ що-жъ? Пидійшла бида зъ другого боку. Почала жинка моя гулянку розводыты... звистно, на фабрыци. Поки ще коло ридни, въ сели жила, свита не бачыла, роботяща жинка була; а якъ понюхала фабрыки, то и пишла... и одъ мене одцуралась зовсимъ. А чортъ зъ нею... Я ій не шкодую... Не путяще воно було.

— Олеську мою паны одны взялы до панськои кимнаты. Гарна и розумна була дивчина, одне счастья тильки и було на свити, на неи дывлячись, та думаючи, що то зъ неи Богъ пошле. Я на неи працювавъ, думавъ: выросте, утиха на старости буде. Ій наветь чытаты паны почалы вчыты. И ляльку ій гарну далы гратыся... Звистно—дытяча забава. Все на те шло, що выйдуть зъ неи люде... Та даремне. Я мирковавъ соби едне, а лыхо спивало надъ моею головою свое. Этъ, що то и згадуваты!

— Зъ чого-жъ вона вмерла?

— А Богъ святый знае. Оспа прычепылася якая-сь тамъ, чи-що... Паны ій заразъ выкинулы... „Непотрибна, кажуть, ще одъ неи на дитей хороба перейде". Лежала вона зъ мисяць въ комори, марнила, марнила тай вмерла зъ лялькою на рукахъ. Писля того не довго и я гулявъ. Черезъ рикъ зачепыла мени ногу машина. Ну, заразъ мени билета далы, до лазарету запысалы, на лижко положилы, зновъ почалы мене де-якій часъ

добре годуваты... Але не на довго... Личилы, личилы воны мене, лыхо ихъ матери, тыи доктори... поки не довелося, що ногу одризаты треба. Такъ я и зостався безъ ноги. Вылежався въ лазарети, однедужавъ трохи, поправывся; тай—„зъ Богомъ, Парасю“, сказалы мени, „выбирайся, бо ты, Харитоне, не потрибенъ вже бильше намъ“. И росчиталы мене... Лышнихъ десять карбованцивъ далы за ногу. Отъ таке-то на свити Божому робыться, така доля буває! Десять карбованцивъ лышнихъ! Щобъ имъ Богъ на тому свити нагадавъ—тыи десять карбованцивъ. Потимъ я у столовировъ въ наймытахъ живъ, потимъ въ шпыталь мене взялы столовиры, и звиттиль также выгналы, и тамъ не потрибенъ, бо бачте, выпывъ я зъ лыхои биды чарку, а у столовиривъ цёго не можна... ни, ни... Въ ныхъ щобъ и не курыты, и не пыты, храны Боже!.. А на мене тоди нибы якъ нашло щось. Зроду не пывъ побагато горилки, наветь въ москаляхъ ридко бувъ пьяный; а тутъ—нà тоби! такъ и потягло, такъ и потягло... Потимъ, въ инвалыды хотивъ я запысаться, та дуже ця довга, кажуть, церемонія... Треба, бачъ, прошенія подаваты, та до Чернигова йты... Просыты треба та кланяться. А въ решти,—я думаю, що певне и звиттиль мене выгналы-бы. Оттака-то доля моя! А Богъ смерти не дае ще... Одно слово—собаче житье! Зовсимъ собаче... Та, знаете, и не до всякои собаки прыривняты ще можна, бо е така собака, котрій липше живется, якъ чоловикови. Ни... а то есть така здыхлява собака, що згубыла свого хозяина и ото, якъ бачите, бигае вона всюды, та тыкае свою морду то сюды, то туды... Прыбижыть до едного, а той на неи,—„чужа“! Втикай дали! Вона до другого, а той также на неи—„чужа“! Втикай дали! Вона до третьей, а тои ии палыцей по лапахъ. Ото точнисенькій я... Куды не прыткнуся, всюды крычать мени „не потрибенъ“. Ну, колы такъ, такъ и чортъ зъ вамы, и безъ васъ обійдуся... Теперь перейшовъ я, соби, бачте, на службу до Хаима... тай мушу ховатыся одъ людей, щобъ нихто у день не побачивъ часомъ. Хаимъ мени и чарку дае, и лекарства, и гроши часами дае... Винъ теперь для мене все одно, що батько та маты.—Ось вамъ и старый мо-

скаль, служивый, що вирою и правдою царю, отечеству служывъ... Тыльки и добра мае, що повну одежу в... та...

— Але проте скажить-но вы мени, горячился старикъ, все болѣе и болѣе придвигаясь ко мнѣ. Скажить вы мени, що я людямъ паганого зробывъ? за що на мене напасть такая? Чого на мою долю таке житья вышло? Ни на кого, тыльки на мене? Га? Я васъ пытаю... Чи-жъ то е правда писля цей на свити? Га?

Я не зналъ, что отвѣтить, и отодвигался дальше отъ озлобленнаго старика.—Руки у него тряслись, брови надвинулись на вѣки, глазъ безпокойно уставился на меня. По угламъ рта въ изобиліи текла слюна и падала на колѣни. Старикъ забылъ шитье и жестикулировалъ съ пустой иголкой въ рукахъ, сидя на одной ногѣ... Въ это время на одной изъ клинцовскихъ фабрикъ раздался продолжительный рѣзкій свистокъ.

Старикъ вздрогнулъ и отшатнулся.

Онъ въ увлеченіи не замѣтилъ, какъ у него съ наклоненной головы медленно сползла тряпка. Я увидѣлъ большой плѣшивый черепъ, необыкновенно выдавшійся въ задней своей части. Поперекъ черепа отъ уха до уха шелъ какой-то красный шрамъ, не вполнѣ еще зажившій на темени. Запекшаяся кровь пластами чернѣла въ разныхъ мѣстахъ. Около язвы было нечисто: струпы гноились, по нимъ ползало... Я понялъ, почему старикъ держалъ голову закрытой и часто чесалъ её рукой. Новое членовредительство нисколько не удивило впрочемъ меня. Я даже какъ будто ждалъ, что подъ платкомъ окажется какая-нибудь рана.

— Вы бы до доктора пишлы.

— Ни, не треба... буде зъ ныхъ и моеи ноги, що одризалы, отвѣчалъ онъ, отворотившись въ сторону своихъ узелковъ. Хаимъ въ мене самый наилипшій докторъ.

— Або хоть до аптыкаря... Винъ бы давъ вамъ ликарства.

Онъ не желалъ отвѣчать. Укладывая мой подарокъ, старикъ неловко дернулъ тряпку, въ которую были завязаны его вещи. Оттуда вывалилась на землю большая фарфоровая кукла—

грязная, черная, исковерканная... Сохранившійся бюстъ куклы съ признаками бѣлаго цвѣта на лицѣ свидѣтельствовалъ, что это была нѣкогда очень богатая, нарядная кукла, совершенно не встрѣчающаяся въ крестьянской семьѣ. Кукла была отраженіемъ своего хозяина: одной ноги у нея не было, на головѣ щель, рукъ не было...

— Що то у васъ? Лялька? То певне Олеськи? Но онъ быстро схватилъ куклу за ногу и, скомкавъ, ткнулъ её въ узелокъ. Я понялъ, почему маленькое существо могло привязаться къ такой куклѣ и завѣщать её своему отцу: кукла была нѣкогда очень красивая, судя по печальнымъ остаткамъ... Мнѣ стало грустно. „Какая странная связь между этимъ отверженнымъ существомъ и фарфоровымъ символомъ", думалъ я и не разспрашивалъ больше о куклѣ. Старику было больно всякое воспоминаніе о дочери. Дочь была его лучшимъ и, быть можетъ, даже единственнымъ семейнымъ воспоминаніемъ. Онъ что-то такое шепталъ про себя, отворотившись совсѣмъ отъ меня лицемъ. Онъ очень торопился. Одна рука бѣгала у него замѣчательно быстро. Другая періодически, съ усиліемъ подталкивалась и какъбы насильно призывалась къ работѣ, о чемъ можно было судить по неравномѣрному движенію лопатокъ на спинѣ. Вмѣстѣ съ куклой онъ хотѣлъ вложить въ одинъ узелъ и мой подарокъ,—но рубаха не вмѣщалась. Старикъ отложилъ узелокъ и взялъ торбочку. Раздался лязгъ какихъ-то желѣзныхъ вещей. Мелькомъ взглянувъ внутрь торбочки, я замѣтилъ тамъ множество связокъ ключей, подпилокъ, гвозди, ножъ въ кожаной оправѣ съ какой-то оригинальной ручкой... и какъ будто даже портъ-сигаръ.

Я не успѣлъ еще связать въ одно представленіе столь разнообразныхъ впечатлѣній, произведенныхъ оригинальнымъ багажемъ старика, какъ онъ еще разъ повернулъ ко мнѣ свое лицо и, порывисто указывая на мои сапоги, спросилъ:

— Въ Клинцяхъ купылы?

— Ни...

— А за ныхъ Хаимъ давъ-бы десять злотыхъ, а може наветь и бильше.

Я поднялся на ноги. Лицо старика безъ платка представляло поразительную перемѣну. Оно неожидано приняло хищно-звѣрское выраженіе. Глазъ сталъ глядѣть шире. Бѣльмо слѣпого глаза какъ-то странно поворачивалось, то закатываясь вверхъ то какъ бы опускаясь внизъ. Передняя часть лба оказалась приплюснутой, какъ-бы вдавленной внутрь. Большія уши торчали по сторонамъ. Онъ открылъ беззубый ротъ и улыбался...

— А може бы давъ и дванадцять... У Хаима багато грошей. Хе, хе, хе... Може въ васъ часамы други чоботы е? Хе, хе—е...

Это была улыбка, отъ которой жутко становилось даже среди лѣтняго, яснаго дня...

— Хе, хе... А вы якъ думалы? Хе... хе...

— Вы теперь куды идете? Спросилъ я, отойдя шаговъ нѣсколько...

— Звиткиль пришовъ, туды и пиду... Хе, хе... А вы думалы?..

И онъ быстро схватился съ земли. Я не успѣлъ даже глазомъ мигнуть,—какъ онъ вдругъ очутился предо мною на костылѣ. На головѣ у него сидѣлъ какой-то весь продырявленный чиновничій картузъ съ полуотвалившимся козырькомъ и красной каемкой.

Мы молча стояли другъ противъ друга. Шамкая что-то про себя, онъ взвалилъ на себя узлы и пошелъ по межѣ въ глубь долины по направленію къ дальнему перелѣску. Нужно было дивиться ловкости и быстротѣ, съ какою шелъ старикъ, опираясь однимъ плечемъ о костыль и попадая другой въ то мѣсто, куда слѣдовало. Голова его наклонялась то впередъ, то назадъ. Мѣшокъ и узелки за спиною мотались, какъ маятникъ. Онъ еще разъ повернулъ голову въ мою сторону, остановился... До меня донеслись слова:

— А вамъ, панычу, тутечкы не дорога... бо якъ бы я стринувся зъ вамы по захидъ сонця, то певне у насъ була-бъ зовсимъ друга мова. Памятайте!

Я долго еще стоялъ и глядѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся старику. Вонъ отъ него осталась черная точка, то утопавшая во ржи, то выринавшая.

А вдали дымились Клинцовскія фабрики, и ихъ отдаленное громыханье доносилось до моего уха въ формѣ неяснаго безпокойнаго гула. Воробьи и кузнечики всё такъ-же чирикали. Солнце съ лазоревого неба спускалось къ вечеру. Жаръ падалъ. Вѣтерокъ пересталъ дуть. Природа встрѣчала вечеръ въ тихомъ, безмятежномъ спокойствіи.

Я нашелъ свою дорогу.

Въ одномъ изъ стародубскихъ полицейскихъ управленій вниманіе публики обращала большая таблица, вывѣшенная у дверей. Это былъ списокъ разыскиваемыхъ бродягъ. Подъ шестнадцатымъ нумеромъ этого списка значилось:

„Харитонъ Ивановъ Дзенько—бродяга, 55 лѣтъ, безпаспортный, уличенъ въ грабежѣ, воровствѣ и частыхъ разбояхъ на дорогахъ. Особыя примѣты слѣдующія: плѣшивъ, съ раной на головѣ, рука ревматическая, нога одна отнята, въ лѣвомъ глазу бѣльмо, смуглъ“... Дзенько и еще нѣсколько бродягъ были подчеркнуты цвѣтнымъ карандашемъ, какъ особенно важные.

— „Ну тай щожъ зъ того, що мене зловять? вспомнились мнѣ слова Харитона на ардонской межѣ. Липше вамъ зъ того стане, чи що? Або меньше злодіивъ буде, думаете, на свити?“

Пожалуй, онъ правъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

М. Т—въ. К. Г.

(Дополненіе къ статьѣ о П. Кузьмичевскомъ).

Не касаясь мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, подписанныхъ разными иниціалами, отмѣтимъ изъ круга этой почти анонимной литературы лишь нѣсколько наиболѣе крупныхъ по величинѣ и наиболѣе цѣнныхъ по содержанію статей въ „Кіевск. Старинѣ“ и въ „Вѣстникѣ Европы“ за подписями М. Т—въ и К. Г. Такъ какъ П. Кузьмичевскій однажды полемизировалъ, защищая одно положеніе, высказанное въ этихъ статьяхъ, причемъ и статьи за подписью собственно Кузьмичевскаго обнаруживаютъ большое сходство съ пріемами М. Т—ва и К. Г—а, то по существу дѣла представляется вполнѣ возможнымъ объединить этихъ авторовъ въ одномъ лицѣ и настоящую статью разсматривать, какъ прямое продолженіе предыдущей статьи о Кузьмичевскомъ.

Въ XI кн. „Кіевск. Стар.“ 1892 г. (стр. 229) г. *М. Т—въ* говоритъ: „страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ бы издать въ систематическомъ видѣ сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій, во-первыхъ, нужны средства, которыя могли бы доставить только правильно организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-сла-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г. № 9.

вянскихъ матицъ. А кромѣ того, для самого приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобы производить труды, которые, Богъ вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія сравнительно историческаго, какое теперь приняла наука о такъ называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или мудрованіями домашняго народничества. Но надобно быть особеннымъ счастливцемъ, чтобы имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ такъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, вдобавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей полныя и достойныя требованія времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона". Авторъ, какъ можно убѣдиться изъ позднѣйшихъ его изслѣдованій, широко воспользовался и русскими изданіями, даже мелкими, провинціальными, напр., Харьковскими Сборниками при календарѣ (ссылки въ статьѣ о сказаніяхъ о пожертвованіи собственнаго ребенка), и западно-европейскими библіотеками, даже такими рѣдкими и малоизвѣстными, какъ частная библіотека де-Губернатиса по русскому фольклору.

Въ „Кіев. Старинѣ„ 1882 г. XI и 1883 XII г. М. Т—въ напечаталъ четыре статьи подъ общимъ заглавіемъ „*Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности*", именно:

1) *Пѣсня о взятіи Азова*: „Ой що то за крячекъ, що по морю литае", извѣстная по сборнику чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченка. На полутораста возахъ скрыты молодцы, по семи на каждомъ. Они въѣзжаютъ въ Азовъ купцами и берутъ его силой. Въ „Кіев. Старинѣ" были уже двѣ статьи объ этой пѣснѣ: Г. Сто-

яновъ относилъ ее ко взятію Торческа въ XI вѣкѣ; Новицкій—ко взятію Азова донцами и запорожцами въ 1637 году; М. Т—въ предполагаетъ существованіе въ Донской области устныхъ и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы была изучена устная словесность донскихъ козаковъ, которая могла служить передаточнымъ пунктамъ при переходѣ великорусскихъ пѣсенъ къ малороссамъ. Это желаніе тѣмъ же авторомъ повторено черезъ 10 лѣтъ въ 1892 году въ статьѣ о сказаніяхъ и пѣсняхъ Эдиповскаго типа. Нельзя не признать научную основательность такого желанія. Въ послѣднее время издано много пѣсенъ, подтверждающихъ мнѣніе автора о переходѣ великорусскихъ донскихъ пѣсенъ къ малороссамъ, причемъ такія заимствованныя пѣсни встрѣчаются и въ Екатеринославщинѣ, какъ видно изъ пѣсни про набѣгъ орды, напечатанной *Я. П. Новицкимъ* въ 53 № Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888 года, и въ юго-западномъ краѣ, какъ видно изъ малорусскихъ пѣсенъ въ сборникѣ *Б. Поповскаго* въ VIII т. „Zbiór wiadomości do antrop. kraj.“ На далекій малорусскій западъ донскія пѣсни заходили, вѣроятно, вмѣстѣ съ казацкими полками, при долгомъ ихъ постоѣ въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ статьи г. М. Т—въ высказываетъ основательное предположеніе, что основной мотивъ пѣсни принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній.

Исторія о взятіи города въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на сходныя пѣсни французскую и голштинскую.

2) *Стенька Разинъ—козакъ Герасимъ.* Великорусская пѣсня о Ст. Разинѣ „Какъ въ славномъ городѣ въ Астрахани“ занесена въ Украйну. Въ статьѣ отмѣчено двѣ украинскихъ передѣлки, одна прозаическая съ немного измѣненными пѣсенными великорусскими вставками, другая—стихотворная, болѣе краткая, болѣе чистая по малорусскому языку. Въ первой передѣлкѣ имя Стеньки Разина передѣлано въ Герасима по созвучію. Содер-

жаніе пѣсенъ: Губернаторъ садитъ въ тюрьму буйнаго молодца Герасимова сына. Онъ идетъ весело въ тюрьму, зная, что вскорѣ отецъ освободитъ его и разнесетъ тюрьму.

3) *Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ.*—Небольшая замѣтка, съ цѣнными указаніями на западноевропейскую научную литературу о мистеріяхъ (на сочиненія Куссемакера, Вейнгольда, Шреера и др.). Указаны и польскія шопки или яселки (у Кольберга). Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о томъ, что вертепная драма существуетъ еще въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы остатки ея были записаны, пока не погибли. Эта замѣтка представляетъ полезное дополненіе къ довольно многочисленнымъ замѣткамъ и статьямъ о „малорусской вертепной драмѣ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Н. И. Петрова, Галагана, А. Ѳ. Селиванова, О. Пч.). Въ послѣднее время издано нѣсколько описаній польской шопки (напр. въ „Вислѣ“ 1888 года). Кругъ для сравненій и изученій вертепной драмы расширился. Надо желать, говоритъ авторъ статьи,—и съ этимъ мы вполнѣ согласимся,—тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще: рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣстныхъ списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими, французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими... Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ бытовыхъ его частяхъ“.

4) *Песиголовцы въ украинской народной словесности.*—Небольшая статья по поводу замѣтки Десятина въ „Радѣ“ о песиголовцахъ, какъ олицетвореніи татаръ. Авторъ основательно указываетъ на литературные источники повѣрья о песиголовцахъ, именно, на сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и старинныя космографіи, и замѣчаетъ при этомъ, что „весьма многое, что мы находимъ теперь въ сферѣ неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не народный, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, продуктъ культурный“. Замѣчаніе это направлено противъ „субъективнаго народничества“. Въ русской научной литературѣ есть спеціальное изслѣдованіе о песиголовцахъ, вышедшее уже послѣ замѣтки г. Т—ва, статья акад. *Веселовскаго* въ Журн. М. Н. Пр. CCXLI окт. 189.

Въ 1883 т. г. Т—въ сообщилъ редакціи „Кіевской Стар.“ списокъ *двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.* (1619 г.), сдѣланный извѣстнымъ польскимъ писателемъ Крашевскимъ изъ одной весьма рѣдкой старопечатной книги „Tragaedia albo wizerunek smiercі przesw. Chrzciciela“... Интермедіи помѣщены въ приложеніяхъ, съ поясненіемъ, что онѣ написаны баккалавромъ философіи жителемъ г. Львова Яковомъ Гаваттовичемъ. Интермедіи были напечатаны въ 12 кн. „Кіев. Стар.“ 1883 г., съ замѣчаніемъ редакціи (Ѳ. Г. Лебединцева) что въ интермедіяхъ Гаваттовича „ярко выступаетъ народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Лебединцева Кузьмичевскій въ XI кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. помѣстилъ обширную статью: „*Старѣйшія русскія драматическія сцены*“. Въ первой интермедіи одинъ бѣдный крестьянинъ Климко обманулъ богатаго крестьянина Стецька, продавъ ему кота въ мѣшкѣ (вмѣсто лисицы), и потомъ, переодѣвшись въ другое платье, обманываетъ его вторично, заставивъ побить собственные горшки (накрылъ ихъ и сказалъ, что это лежитъ обманщикъ). Во второй интермедіи три голодныхъ крестьянина находятъ пирогъ и рѣшаютъ присудить пирогъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Одному приснился рай, другому—адъ, а третій, не спавши, съѣлъ пирогъ и оправдывался тѣмъ, что будто видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ, что его товарищи не возратятся изъ рая и

ада и оставляютъ ему пирогъ. Для первой интермедіи Гаваттовича, по мнѣнію г. К., предкомъ является нѣмецкая книга начала XVI вѣка о похожденіяхъ остряка Уленшпигеля или Евленшпигеля. Это сводъ анекдотовъ, составленный Мурнеромъ въ 1519 году. Здѣсь находятся два разсказа объ обманѣ посредствомъ кота и о битьѣ горшковъ, каковые разсказы соединены въ одно цѣлое въ первой интермедіи Гаваттовича. Книга объ Уленшпигелѣ была переведена и на польскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка подъ заглавіемъ Sowezrzał (Eule—сова, Spiegel—зеркало, swierzadło zrzadło,) а въ концѣ XVIII вѣка (1791 и 1792) и на русскій языкъ (Похожденія шута Совѣст—Драла). Въ интермедію Г. анекдотъ попалъ, вѣроятно, непосредственно изъ нѣмецкаго источника. Вторая интермедія Г. имѣетъ родственную малорусскую сказку (напр. у Аѳанасьева), а источникомъ одну изъ западно-европейскихъ сказокъ, можетъ быть, повѣсть въ Gesta Romanorum—сборникѣ XIII вѣка странствующихъ сказаній; въ послѣдній сборникъ разсказъ о лучшемъ снѣ вошелъ изъ Disciplina clericalis крещеннаго испанскаго еврея начала XII вѣка, Петра Альфонса, гдѣ соревнованіе о лучшемъ снѣ идетъ между двумя горожанами и однимъ поселяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку. Мѣсто дѣйствія переносится въ мусульманскую среду, что указываетъ отчасти и на мусульманскій источникъ. Далѣе авторъ указываетъ на арабскій и еврейскій варіанты разсказа о лучшемъ снѣ и переводитъ такимъ образомъ изслѣдованіе на почву арабско-еврейскую. На этомъ собственно и заканчивается вѣская часть изслѣдованія. Авторъ по слѣдамъ Бенфея идетъ еще далѣе на востокъ, въ Индію, указываетъ на нѣкоторые разсказы въ Панчатантрѣ, Синдибадъ-Наме, Аваданахъ, но эти указанія ничего не прибавляютъ къ литературной исторіи разсказа о лучшемъ снѣ, такъ какъ индійскіе разсказы по мотивамъ и моральнымъ особенностямъ сильно отличаются отъ еврейско-арабскихъ и западноевропейскихъ варіантовъ сказанія о лучшемъ снѣ. Въ индійскихъ разсказахъ есть только одна сходная черта—три спутника, но и эти спутники животныя. Къ интермедіи Г. и малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ близко стоятъ приведенныя К—имъ одна

италіанская новелла Джиральди Чинтіо († 1573 г.) и народная сицилійская сказка. У Чинтіо состязаются изъ-за пирога три лица (философъ, астрологъ и солдатъ), какъ въ интермедіи Гаваттовича, въ сицилійской сказкѣ два лица (монахъ и послушникъ), какъ въ малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. „Объ украинскомъ устномъ разсказѣ (о лучшемъ снѣ), по словамъ К., можно сказать, не боясь укора въ пристрастіи, что онъ при сравненіи съ другими, даже италіанскими, отличается особенной живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана“ (срав. въ сбор. *Романова* Ш, 429).

Статья написана съ большой эрудиціей и изобилуетъ цѣнными сопоставленіями. Открывая обширную историческую перспективу, статья при всемъ томъ не можетъ вполнѣ устранить высказаннаго Ѳ. Г. Лебединцевымъ замѣчанія, что въ интермедіяхъ Гаваттовича обнаруживаются бытовыя народныя черты, напр., въ описаніи меню обѣда въ царствіи небесномъ. Несомнѣнныя черты малорусской народности обнаруживаются и въ сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. Очевидно, что сильное въ XVI—XVII ст. народное начало успѣло овладѣть и подчинить себѣ странствующій литературный мотивъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ одномъ галицко-русскомъ литературномъ альманахѣ нашла мѣсто небольшая (въ 6 стр.), но цѣнная статья „*Изъ исторіи вирши на Украйнѣ*“. Авторъ раздѣляетъ малорусскія вирши на политическія (точнѣе было бы назвать ихъ историческими) и церковныя. Политическія вирши, каковыя напечатаны въ концѣ „Историч. пѣс.“ Антоновича и Драгоманова и въ „Архивѣ“ Ягича II, 297), отличаются реализмомъ, національной окраской по языку и содержанію и вѣрно передаютъ взгляды нашихъ предковъ на современныя имъ историческія событія. Въ церковныхъ виршахъ обнаруживается западное латинское вліяніе. Авторъ остроумно замѣчаетъ, что нѣкоторыя малорусскія вирши напоминаютъ драматическую форму и представляются обломками или передѣлками церковныхъ драмъ или мистерій, если не нашихъ украинскихъ, то мистерій близкихъ сосѣднимъ народамъ. При этомъ авторъ перепе-

чатываетъ изъ іюньской книжки „Основы“ 1862 г. „Пасхальную виршу“ о томъ, какъ Люциферъ подружилъ въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставилъ въ аду только Соломона и Каина, причемъ Люциферъ, опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Въ этой виршѣ много юмора, много мѣткихъ народныхъ выраженій. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Авторъ указываетъ далѣе, что содержаніе вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ вирши была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши г. Д. приводитъ одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV столѣтія о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ сюжетомъ съ бо́льшей свободой и бо́льшей фамильярностью, чѣмъ ея нѣмецкій прототипъ. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона священникъ) повторяется въ нѣмецкой драмѣ „Christi Anferstehung“ по рукописи 1464 г.

Въ VII книгѣ „Вѣстника Европы“ 1887 г. помѣщена интересная статья г. К. Г. *„Два малороссійскихъ фаблю и ихъ источники“* (очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы). Подъ словомъ „fableau“ извѣстны старофранцузскія стихотворныя повѣсти небольшого объема и шутливаго юмористическаго содержанія. Такой именно характеръ имѣютъ нѣкоторые малорусскіе анекдоты и сказки юмористическаго содержанія, изложенные въ стихотворной формѣ или прозой въ перемежку со стихами, между прочимъ, вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ (въ сборн. Драгоманова 150—154) и вирша про бѣднаго мужика Кирика (въ Зап. о Южной Руси, Кулиша) II, 83).

Вирша о Гаврилѣ или о похоронахъ собаки, грубая по содержанію, не подлежитъ сословному или мѣстному пріуроченію, какъ разсказъ бродячій, странствующій, встрѣчающійся у народовъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Съ виршей о Гавріилѣ, записанной въ каневскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, сходна галицко-русская сказка въ сборникѣ Садока Боронча, фабльо о завѣщаніи осла—сочиненіе французскаго писателя XIII вѣка Рютбёфа, фацеція (шутливый анекдотъ) италі-

анскаго писателя XV вѣка, Поджіо Брачціолини, далѣе сказки въ сборникѣ французскихъ повѣстей Cent nouvelles nouvelles (сто новыхъ повѣстей) XV вѣка, у турецкаго поэта XVI вѣка, Ламая († 1531), въ Жильблазѣ Лесажа (1715 г.), въ сборникѣ нѣмецкихъ разсказовъ соч. Іог. Паули „Schimpf und Ernst“ XVI вѣка, въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта 1507 года, вышедшемъ въ Венгріи, въ двухъ великорусскихъ сказкахъ, вышедшихъ въ 1 т. „Криптадіи“ (1883). Изъ этого сухого указанія на приведенныя авторомъ литературныя параллели уже видно, какъ широко и разносторонне трактуется тема изслѣдованій. Въ этихъ параллеляхъ открывается несомнѣнно весьма близкое, такъ сказать, кровное родство малорусскихъ и великорусскихъ сказокъ о жадномъ попѣ съ западноевропейскими ихъ оригиналами. Присутствіе основныхъ мотивовъ малорусской вирши о Гавріилѣ у Рютбефа, Поджіо, Паули и Пельбарта въ фабльо, фацеціяхъ и проповѣдяхъ служитъ достаточнымъ общимъ указателемъ, откуда разсказъ о жадномъ попѣ проникъ въ Россію. Авторъ статьи высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что разсказы на изложенную выше тему изъ Германіи, гдѣ книги Пельбарта и Паули были весьма популярны, перешли въ Галичину и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. п. Украинская вирша, нашедшая мѣсто въ сводѣ Драгоманова, первой своей половиной (разсказъ о собакѣ) примыкаетъ къ варіантамъ Паули и Пельбарта, а второй (разсказъ о козлѣ) выдается изъ ряда подобныхъ восточныхъ и западныхъ фабльо, сходясь лишь съ одной великорусской сказкой. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые великоруссизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гаврилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе великорусской раскольнической редакціи, средней между великорусскими сказками и малорусской виршей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ статьи дѣлаетъ попытку опредѣлить родину разсказа и предлагаетъ по этому поводу шаткую гипотезу, которую мы здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, за неимѣніемъ въ научной литературѣ другой. Возводя малорусскій варіантъ къ великорусскому, вели-

корусскій къ западноевропейскимъ, послѣдніе къ мусульманскимъ сказаніямъ о продажности судей, авторъ, въ видѣ смѣлаго скачка въ отдаленную восточную древность, основу сказанія переноситъ въ домусульманскій Иранъ, когда собака была священнымъ животнымъ. Мусульманамъ, усвоившимъ отъ египтянъ отвращеніе къ собакѣ, староперсидское отношеніе къ собакѣ было омерзительно. По мнѣнію автора, анекдотъ возникъ еще въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.). Нѣтъ надобности такъ далеко ходить на Востокъ за объясненіемъ анекдота. Иранскій культъ собаки не говоритъ въ пользу иранскаго происхожденія анекдота о собачьихъ похоронахъ, напротивъ, говоритъ противъ такого предположенія. Самыя мусульманскія сказанія о собачьихъ похоронахъ у Ламая и др., на нашъ взглядъ, слишкомъ блѣдны и малосодержательны сравнительно съ западноевропейскими, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ не прототипы европейскихъ, а отраженія ихъ, слабые отголоски и искаженія. Можно думать, что фабльо о похоронахъ собаки или завѣщаніи осла возникло въ древности въ Италіи или скорѣе въ Провансѣ, въ свободной обстановкѣ провансальской жизни и провансальской литературы; отцомъ разсказа былъ, можетъ быть, самъ Рютбёфъ, жившій въ Провансѣ, тѣмъ болѣе, что вообще сочиненія Рютбёфа отличаются рѣзкой насмѣшкой надъ духовными и монахами; возможно, что разсказъ возникъ въ близкой къ Рютбёфу сектантской альбигойской средѣ. Распространеніе разсказа обусловлено было внутренней его голью, бойкостью, игривой энергіей, причемъ распространителями могли быть не только сектанты-безпоповцы, но и люди вполнѣ ортодоксальнаго образа мыслей, можетъ быть, даже сами духовные, изъ среды которыхъ вышло не мало сатирическихъ писателей. Извѣстно, что Паули и Рабле были монахи. Тоже повторялось и позднѣе.

Второе малорусское „фабльо“—разсказъ о человѣкѣ, который, по совѣту жены, нарядился въ воловью шкуру съ рогами, чтобы отнять у мужика котелокъ съ деньгами (кладъ) и отнялъ его, но котелокъ присталъ къ его рукамъ, а шкура воловья къ тѣлу. Этотъ разсказъ у Кулиша переданъ въ стихотворной формѣ, у Чубинскаго въ близкой прозаической передачѣ. Кромѣ того,

существуетъ въ рукописяхъ много варіантовъ этого анекдота. Еще въ началѣ текущаго столѣтія анекдотъ этотъ циркулировалъ въ Великороссіи, и объ немъ упоминаетъ адмиралъ Шишковъ въ письмѣ къ императору Александру I и Завалишинъ въ воспоминаніяхъ своихъ о петербургскихъ легендахъ и событіяхъ 1825 года. Въ историко-литературномъ отношеніи этотъ анекдотъ темный. Указываемыя авторомъ литературныя параллели не даютъ объясненія „эмбріологіи сатиры". Такъ, первый параллельный мотивъ о пріобрѣтеніи бѣднякомъ (или дуракомъ) сокровища отъ разбойниковъ (изрѣдка отъ чертей) такимъ путемъ, что бѣднякъ, скрываясь на деревѣ, роняетъ на разбойниковъ или кожу (вола, тигра) или двери; разбойники разбѣгаются, и бѣднякъ забираетъ ихъ сокровища,—мотивъ, совсѣмъ чуждый анекдоту о жадномъ попѣ. На этотъ мотивъ существуетъ цѣлый самостоятельный циклъ сказокъ. У автора статьи указаны сказки французскія и авганскія. Новые сборники сказокъ принесли цѣлый рядъ сходныхъ варіантовъ, напримѣръ, великорусскій у *Садовникова* 130, польскій въ *Zbiór wiadomości* VIII 305, вотяцкій у *Верещагина* 160. Также далеко отъ нашего анекдота стоитъ другая литературная параллель о ловкомъ ворѣ (сказаніе Геродота о сокровищѣ Рампсенита и др.); объ этомъ мотивѣ есть спеціальная статья акад. *Шифнера* на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь накопилось уже много новыхъ варіантовъ, не вошедшихъ въ эту статью. Къ анекдоту близокъ лишь одинъ варіантъ сказки о богатомъ братѣ, отмѣченный авторомъ въ сборникѣ „Русскихъ простонародныхъ легендъ" (1861), но этотъ варіантъ, по моему мнѣнію, оторвался отъ цикла сказокъ о двухъ братьяхъ или о злыдняхъ (типическія сказки у *Чубинскаго* II №№ 110—112) и подчинился анекдоту, и потому не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи генеалогіи анекдота о рогатомъ попѣ. Пока не будутъ найдены западно-европейскіе варіанты нашего анекдота, внѣ случайныхъ и постороннихъ литературныхъ аналогій, можно считать анекдотъ оригинальнымъ произведеніемъ, по всей вѣроятности, южнорусскимъ, можетъ быть, возникшимъ въ близкой къ народу старинной бурлацкой или семинарской средѣ. По внѣшней формѣ оба малорусскіе анекдота относятся къ тому

литературному разряду „бесѣдъ“, о которомъ мы говорили при разборѣ „Приказки до нюхарей“ Д. И. Эварницкаго. Хронологическія указанія Шимкова и Завалишина, что въ 1825 году анекдотъ пользовался большой популярностью въ Петербургѣ, придаютъ малорусскимъ бесѣдамъ значительную почти столѣтнюю древность, что не лишено значенія при отсутствіи данныхъ для хронологіи этого рода литературныхъ памятниковъ.

Н. Сумцовъ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА.

Авторъ предлагаемой записки Иванъ Ивановичъ Сердюковъ (род. въ 1803, ум. въ 1886 г.), уроженецъ полтавской губ., окончилъ въ 1820 г. курсъ гимназіи въ Черниговѣ, былъ нѣкоторое время вольнымъ слушателемъ въ Харьковскомъ университетѣ и съ 1822 по 1841 гг. служилъ въ Полтавѣ, въ томъ числѣ десять лѣтъ въ канцеляріи бывшаго въ то время малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ мстиславскомъ уѣздѣ, могилевской губ., гдѣ пріобрѣлъ имѣніе и въ 1863—66 гг. состоялъ здѣсь мировымъ посредникомъ. Обладая природнымъ дарованіемъ, наблюдательностью и достаточнымъ для своего времени образованіемъ, И. И. Сердюковъ любилъ посвящать свои досуги литературнымъ занятіямъ: съ 1844 года и почти до самой смерти онъ писалъ и иногда печаталъ много статей преимущественно по сельскому хозяйству, посылалъ высокопоставленнымъ лицамъ записки и проекты по разнымъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни, составилъ нѣсколько комедій и повѣстей, въ томъ числѣ двѣ повѣсти и одну басню на малорусскомъ языкѣ, сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ, велъ переписку съ учеными и литераторами, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей долголѣтней и необыкновенно трудолюбивой жизни усердно занимался составленіемъ Малорусскаго Словаря. Объ этомъ послѣднемъ трудѣ его, совершенно законченномъ, но оставшемся въ рукописи, мы не преминемъ дать нашимъ читателямъ подробныя свѣдѣнія.

Предлагаемая записка И. И. Сердюкова, представляя довольно полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ черты давнопрошедшей жизни и быта; особенно интересны въ этомъ отношеніи его воспоминанія о службѣ въ Полтавѣ (1822—1841 гг.), характеристика тогдашняго чиновничества и дворянства, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о князѣ Н. Г. Репнинѣ, котораго онъ весьма близко зналъ и глубоко уважалъ, и т. п. Разсказы Сердюкова тѣмъ болѣе цѣнны, что отличаются необыкновенною, почти документальною точностью и дышатъ искренностью, прямотою и правдивостью—качествами, отличавшими автора и во всей его жизни. Можно отъ души пожалѣть, что такой правдивый и безпристрастный дѣписатель не вышелъ за предѣлы собственной біографіи и не представилъ болѣе широкой картины общественной жизни своей эпохи; тѣмъ не менѣе, какъ убѣдятся сами читатели, и его автобіографія представляетъ значительный историческій интересъ. Говоря преимущественно о себѣ, авторъ отнюдь не рисуется, но просто и правдиво передаетъ то, что оставило болѣе замѣтный слѣдъ въ его памяти. Проживъ долгую, спокойную и счастливую жизнь, онъ на склонѣ дней своихъ съ любовью оглядывается на пройденный имъ жизненный путь, мало помнитъ испытанныя неудачи и горечи, но съ благодарностью вспоминаетъ все свѣтлое и радостное, чѣмъ дарила его судьба. Отсюда—спокойный, благодушный и какой-то жизнерадостный тонъ его воспоминаній.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность дочери автора, Анастасіи Ивановнѣ Долецкой, за любезное сообщеніе какъ настоящей записки, такъ равно и другихъ бумагъ ея почтеннаго отца, которыми не преминемъ подѣлиться съ читателями нашего журнала.—*Ред.*

Часть первая.

Предокъ мой Яковъ Ивановичъ Сердюковъ происходилъ отъ того Сердюкова, который при Петрѣ I строилъ въ Вышнемъ-Волочкѣ и на рѣкѣ Сеймѣ шлюзы [1]); по фактическимъ

[1]) См. Исторію Голикова о Петрѣ, часть 4, стр... (Примѣч. Сердюкова).

доказательствамъ, родился онъ въ Путивлѣ 1735 года марта 15, служилъ въ малороссійскихъ полкахъ войсковымъ товарищемъ. Сынъ его Василій родился въ 1757 году іюня 11, служилъ въ нѣжинской полковой канцеляріи писаремъ. Отецъ мой Иванъ Васильевичъ родился 1770 года ноября 13; оставшись сиротою, нигдѣ не служилъ; впослѣдствіи приписался въ черниговской губ. въ городѣ Конотопѣ въ купцы и былъ до смерти градскимъ главою; имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ [1]). Сначала онъ былъ женатъ на конотопской гражданкѣ козачкѣ Махининой, съ коею имѣлъ сыновей Никиту и Кирилла, дочерей Ксенію и Стефаниду; овдовѣвъ въ 1801 году, онъ женился въ м. Смѣломъ, роменскаго уѣзда, на дворянкѣ, вдовѣ коллежскаго протоколиста Козырловскаго, Иринѣ Анреевнѣ, урожденной Яновской. Я родился 12 ноября 1803 года; послѣ меня сестра Пелагея и братъ Григорій—оба умерли. Первое дѣтство мое прошло при родителяхъ, а на 7-омъ году былъ я отданъ въ м. Смѣлое къ священнику (*пропускъ*) церкви отцу Даніилу. Здѣсь я выучилъ букварь, катехизисъ, книгу „О должностяхъ человѣка“, читалъ псалтырь и писалъ бѣлилами на черной вощеной дощечкѣ. Полный же курсъ этотъ продолжался годъ съ чѣмъ-то; отсюда перешелъ я въ открытое въ Конотопѣ училище. Изъ аттестата, выданнаго мнѣ 13 генваря 1816 года, мы познакомимся, чему и какъ учился я: „Выданъ сей аттестатъ обучавшемуся въ конотопскомъ повѣтовомъ училищѣ ученику 2 класса (т. е. 3-го класса, ибо приготовительный не имѣлъ №) Ивану Сердюкову, о которомъ въ спискахъ значится, что онъ изъ купцовъ, лѣтъ отъ роду 13, въ училище вступилъ 1813 г. августа 8, обучался всѣмъ предметамъ, назначеннымъ по уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, какъ то: ариѳметикѣ, начальнымъ правиламъ алгебры, простой геометріи, опытной физикѣ, общей и частной естественной исторіи, древней географіи, математической и гражданской географіи, россійскому

[1]) Отецъ мой, по случаю торговли хлѣбомъ и скотомъ, долженъ былъ записаться въ гильдію, но дворянскимъ правомъ пользовался, доказательствомъ чему служитъ то, что онъ имѣлъ 47 душъ крестьянъ, внесенъ по черниговской губ. во 2-ю часть родословной, на основаніи чего братья и я всѣ служили.

землеописанію и исторіи, начальнымъ свѣдѣніямъ латинскаго языка, познаніямъ техническихъ правилъ, и все сіе продолжалъ съ отличнымъ успѣхомъ и старательностію, и какъ за оные, такъ равно и за благонравное поведеніе заслуживалъ похвалу". Аттестатъ этотъ подписали: смотритель коллежскій ассесоръ Никита Проскуровъ; учитель 12 класса Павелъ Понаревскій. Учитель 12 класса Семенъ Книшовъ; учитель 1 класса низшихъ отдѣленій Потапъ Лещовъ.

Аттестатъ мой объ ученіи я храню для того, дабы припомнить, какъ хорошо прежде учили. Пріймите же, мои добрые наставники, мое искреннее вамъ уваженіе и добрую память. Вы съ нами сидѣли по днямъ, а не по часамъ, и не выходили, пока не удостовѣрялись, что каждый ученикъ знаетъ хорошо свой урокъ или читанный предметъ. Вы старались уяснять предметъ, обходились съ дѣтьми съ чувствомъ наставника, приличнымъ родительскому только сердцу. Вы трудились не для того, чтобы дорогое время убить безполезно, но для того, чтобы возможно было отдать отчетъ начальству и Богу. Миръ праху вашему, доблестные труженики и благодѣтели!

Въ 1816 году повезли меня въ черниговскую гимназію. Меня приняли въ 3-й классъ; здѣсь съ 4 класса уже химія съ опытами, ботаника, физика, высшая математика, французскій, нѣмецкій языки, исторія древняя—составляли главные предметы. Но судьба не дала мнѣ окончить ученія: въ мартѣ мѣсяцѣ 1820 года достигла до меня роковая вѣсть о смерти отца. Не помню, съ кѣмъ и какъ, бросивши всё, я летѣлъ домой, но уже не засталъ его, не обнялъ его въ послѣдній разъ. Первое потрясеніе о потерѣ было ужасно: я рыдалъ, что называется, день и ночь; въ дорогѣ мнѣ еще представлялось, что это извѣстіе мечта; но, когда я убѣдился въ дѣйствительности моего несчастія, со мною сдѣлалось что-то въ родѣ сумасшествія. Мои пароксизмы ослаблялись только обильными слезами и самообольщеніемъ: мнѣ иногда пріятно было воображать, что отецъ ушелъ на время, по своему обыкновенію, шибко, заботливо, что онъ скоро возвратится, заговоритъ съ нами своимъ сладкимъ серебристымъ голосомъ, утѣшитъ насъ какой остротой, оживленной улыбкой... Но увы, мечта

исчезла, и я долженъ былъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряться въ моемъ сиротствѣ. О, какъ я это сильно помню! Въ утѣшеніе я долго ходилъ на могилу моего безподобнаго отца. Онъ былъ строгъ, справедливъ, и я любилъ его отъ всей души [1]).

Характеръ мой началъ тускнѣть, я зажился дома. Въ семействѣ нашемъ пошли раздоры. Братья отъ перваго брака требовали у матушки раздѣла, захватили капиталъ, и мы наконецъ раздѣлили все имѣніе на 5 частей. Я съ матерью и сестрой взяли три части вмѣстѣ.

Слишкомъ полгода просидѣвши дома, я гимназію оставилъ и какъ, по тогдашнему обычаю, уже былъ записанъ въ канцелярію—сначала въ конотопскій земскій судъ, потомъ въ сосницкую полицію и, наконецъ, въ черниговское губернское правленіе, гдѣ служилъ братъ мой (отъ перваго брака матушки) Яковъ Петровичъ Козырловскій,—то я и поступилъ на дѣйствительную службу сюда же. Здѣсь узналъ, что я даже имѣю чинъ коллежскаго регистратора. Меня приструнивали порядкомъ, и я долженъ былъ учиться писать получше гимназическаго.

Наконецъ, мнѣ здѣсь не понравилось. Старушка мать безпрестанно жаловалась на братьевъ отъ перваго брака Никиту и Кирилла, и я перемѣстился въ конотопскій уѣздный судъ, чтобы считалась только служба, на самомъ же дѣлѣ я разъѣзжалъ и повѣсничалъ. Между тѣмъ Козырловскій перешелъ въ Полтаву въ канцелярію малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Онъ меня туда тянулъ, но мнѣ хотѣлось доучиться.

Собравъ нѣсколько денегъ, отправился я въ Харьковъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ; это было въ 1822 году. Меня занимала медицина [2]). Два года я трудился

---

[1]) Одинъ разъ безъ дозволенія отца я пріѣхалъ домой. Отецъ далъ мнѣ три дня отдохнуть, потомъ отправилъ на волахъ. Каково было ѣхать по холоду въ сутки 25 верстъ? Онъ самъ всегда платилъ за квартиру, справлялъ одежду и отпускалъ въ мѣсяцъ на галду (лакомство) полтину ассигнаціями.

[2]) *Примѣч. вдовы автора*: „Всегда интересовался медициной, выписывалъ книги, удачно лѣчилъ крестьянъ, которые со всего округа приходили къ нему за совѣтами; имѣлъ домашнюю аптеку, изъ которой всегда безплатно раздавалъ лѣкар-

крѣпко, но мои средства истощились, а мать тоже прожилась; слѣдовательно, для поправленія своихъ обстоятельствъ долженъ былъ возвратиться домой. Мать приняла меня холодно, потому что приняла къ себѣ жить дочь свою отъ брака съ Козырловскимъ, Наталію Петровну, а имѣніе передала сыну своему, Якову Петровичу Козырловскому; доставшаяся же мнѣ часть хутора въ кролевецкомъ уѣздѣ не приносила ровно никакого дохода. Моя родная сестра Пелагея, несчастно вышедшая замужъ за нѣкоего Носова, овдовѣла и вновь вышла за бѣднаго дворянина Стасевича.

По всѣмъ этимъ семейнымъ непріятностямъ, я отдалъ хуторъ сестрѣ, самъ уѣхалъ въ Полтаву къ Козырловскому и заставилъ его опредѣлить и меня въ канцелярію Репнина, куда я и поступилъ 10 декабря 1824 года. Здѣсь я узналъ, что имѣю чинъ коллежскаго секретаря, а 31 декабря 1825 года произведенъ и въ титулярные. О моей служебной карьерѣ хлопоталъ Козырловскій.

Въ канцеляріи нашелъ я общество, которому могъ сочувствовать. При Репнинѣ служило много аристократовъ, т. е. богачей, напримѣръ: Григорій Степановичъ Почека-Тарнавскій, имѣвшій 7000 душъ и къ тому домъ; Алексѣй Демьяновичъ Оболонскій, тоже имѣвшій, но промотавшій 1000 душъ; Левъ Григорьевичъ Милорадовичъ, богатый и скромный; Скоропадскій Алекс. Петровичъ, бывшій богачъ; Василій Ивановичъ Паульсонъ—2000 душъ съ музыкою, Андрей Андреевичъ Кандиба, богачъ и скупецъ; и много имъ подобныхъ и безподобныхъ молодыхъ людей, кромѣ чиновниковъ, работавшихъ за нихъ, и адъютантовъ; кругъ этотъ мнѣ пріятно припомнить. Правители перебывали при мнѣ многіе: 1-й) Николай Михайловичъ Новиковъ, надворный совѣтникъ, умница и декабристъ, котораго, еслибы не умеръ, постигла бы участь Пестеля и прочихъ несчастныхъ. 2-й) Д. с. с. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Камен-

---

ства. Собиралъ травы, умѣлъ составлять декокты, которые прекрасно помогаютъ отъ мѣстныхъ болѣзней (золотухи, водянки, лихорадки, отъ послѣдней особенно удачно). Изучалъ болѣзни скота и оставилъ руководство къ ихъ изученію".

скій, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ, писатель. 3-й) Д. с. с. Лука Максимовичъ Дьяковъ, полтавскій помѣщикъ и хлѣбосолъ. 4-й) Алексѣй Алексѣевичъ Имберхъ, бывшій аудиторъ, человѣкъ ненавидимый нами за педантизмъ и наушничество. 5-й) Ассигкритъ Леонтьевичъ Спаскій, дуракъ, впослѣдствіи получившій столбнякъ. 6-й) Князь Григорій Александровичъ Баратовъ—краснобай, ничего дѣла не понимавшій. 7-й) Федоръ Андреичъ Максимовичъ, изъ секретарей, студентъ харьковскаго университета, тоже краснобай, но дѣловой. При немъ я выбылъ, или онъ меня перевелъ въ ассесоры палаты. Прочіе чиновники: Секретарь: 1) Никифоръ Александровичъ Христіановичъ, напряженнаго ума, съ чахотки умершій; 2) Иванъ Максимовичъ Косачъ, шарлатанъ и недобрый человѣкъ; помощники: 1) Иванъ Степановичъ Якимовичъ, простой и хитрый хохолъ; 2) Григорій Петровичъ Шульжевскій, простакъ; 3) Яковъ Петровичъ Козырловскій, мой братецъ, канцелярская строка; 4) Я, рано приходившій и поздно уходившій; 5) Николай Петровичъ Бѣлавинъ, воспитанникъ полтавской гимназіи. Канцелярскіе: студентъ харьковскій, Николай Григорьевичъ Гриневичъ, Петръ Лукичъ Ковалевскій, Петръ Акимичъ Пригара, Хруцкій, воспитанникъ Репнина; Федоръ Федоровичъ Киселевъ, впослѣдствіи предсѣдатель полтавской казенной палаты, Иванъ Яковлевичъ Кальбовскій, два брата Езерскіе, Мельниковъ, Соколовъ, впослѣдствіи совѣтникъ палаты губернскаго правленія, Максимовичъ, Гладыревскій и еще не припомню человѣкъ десятокъ. Адъютанты были всѣ молодцы:—1) Адріанъ Прокофіевичъ Устимовичъ, впослѣдствіи курскій губернаторъ; 2) Владиміръ Петровичъ Бибиковъ; 3) Владиміръ Александровичъ Баратынскій, братъ писателя; 4) Сергѣй Ивановичъ Головинъ; Петръ Петровичъ Ханыковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Въ этомъ обществѣ, полномъ единодушія и соревнованія, я занялся службою со всею пылкостію юной души и въ часы досуга любилъ слѣдить за литературой. Въ то время Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій, Рылѣевъ, Бестужевъ (Марлинскій), Булгаринъ, занимали меня чрезвычайно. Сочиненія всѣхъ ходили по рукамъ, какъ драгоцѣнность, сначала

рукописныя—онѣ и доселѣ у меня хранятся собственной руки. По моему прилежанію и живому характеру, я сдѣлался скоро замѣтнымъ лицемъ и познакомился съ многими полтавскими помѣщиками, а по музыкѣ моимъ товарищемъ сдѣлался гитаристъ Самуйловичъ, у котораго я бралъ уроки на семиструнной гитарѣ, и такъ увлекся этимъ инструментомъ, что игралъ отлично. Впослѣдствіи познакомился въ Петербургѣ съ знаменитымъ гитаристомъ и композиторомъ Сихрою и игралъ съ нимъ дуэты, для которыхъ мы съ нимъ изобрѣли особые терцъ-гитары.

Содержаніе въ Полтавѣ я имѣлъ съ небольшого жалованья и казенную квартиру вмѣстѣ съ Козырловскимъ, а по случаю знакомства съ помѣщиками и удачнаго ходатайства по ихъ дѣламъ, какія мнѣ были поручаемы,—я прослылъ маленькимъ юристомъ. Въ 1828 году я уже былъ столоначальникомъ въ канцеляріи военнаго губернатора; слѣдственно, это одно званіе меня всѣмъ рекомендовало. Мнѣ удавались дѣла такія, что я уже получалъ и вознагражденіе деньгами, лошадьми и даже людьми. Въ это время жили въ Полтавѣ такъ называемые тузы или малороссійскіе паны: Кочубей, Оболонскій, Дьяковъ, Бабанскій, Левенецъ, Лесевицкій; они, подражая генералъ-губернатору Репнину, который дѣлалъ частые балы, жили такъ же открыто и почти всѣ прожили состояніе. Изъ нихъ М. Н. Лесевицкій, промотавшій около 2000 душъ, предъ смертью сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу жены своей Татьяны Дмитріевны, по которому назначилъ душеприкащиками Адріана Денисьевича Лантухова, секретаря канцеляріи генералъ-губернатора, и брата моего Якова Петровича Козырловскаго. Послѣ смерти Лесевицкаго душеприкащики эти, какъ друзья его, приняли живое участіе въ дѣлахъ вдовы. Она тогда была во цвѣтѣ лѣтъ и, кажется, не болѣе 25-ти лѣтъ, принимала ихъ какъ родныхъ, и время текло пріятно. Она жила въ Полтавѣ въ наемной квартирѣ. Я не былъ знакомъ съ нею. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечерковъ Татьяна Дмитріевна сидѣла у растворенаго окна и наслаждалась природой, гости ея также притихли, любуясь полтавскими тополями и душистыми цвѣтами, предъ самыми окнами на бульварѣ растущими. Въ это самое время по тротуару пробѣжалъ я, кажется

спѣшилъ къ моему метру на уроки, и Татьяна Дмитріевна, сидѣвшая у окна, замѣтивъ меня, обратилась къ Якову Петровичу и поспѣшно спросила, указывая на замѣченную ею фигуру:

— „Скажите пожалуйста, кто это промчался въ круглой шляпѣ и въ синей гроденаплевой шинели?“ [1]).

— Это мой братецъ, отвѣчалъ Я. П—чъ, взглянувъ на удалявшагося меня.

— „Хороши же вы, любезный Яковъ Петровичъ, что о сю пору не познакомили меня съ вашимъ братцемъ! Прошу упущеніе это исправить и надѣюсь—вы скоро постараетесь къ нашему обществу прибавить еще одну особу“.

Слова эти были приправлены пріятной улыбкой и самымъ дружескимъ тономъ.

На другой же день въ гостинной Татьяны Дмитріевны явился я. Мнѣ тогда былъ 21 годъ. Я вступилъ робко и не помню, какимъ способомъ себя рекомендовалъ; но хозяйка скоро меня ободрила, привѣтствуя самымъ симпатическимъ голосомъ:

— Я недавно узнала объ васъ, говорила она, и чрезвычайно интересуюсь познакомиться въ вами. Мнѣ такъ много объ васъ говорили, и встрѣча съ вами для меня очень пріятна. Прошу садиться!

Въ отвѣтъ на это я, помнится, покраснѣлъ, неловко поклонился и сѣлъ подальше отъ хозяйки. У нея тогда были: хозяйка дома, дѣвица Елена Прокофьевна Морозова, и приживалка Варвара Абрамовна Тушинская, жена извѣстнаго и знаменитаго билліарднаго игрока Тушинскаго. Т. Д. имъ меня отрекомендовала, какъ братца знакомаго ихъ Якова Петровича и уже какъ артиста. Разговоръ шелъ объ музыкѣ. Татьяна Дмитріевна сѣла за фортепіанъ, сыграла что-то изъ „Волшебнаго Стрѣлка“, полонезъ Огинскаго, и мы, какъ музыканты, пошли смѣлѣе по комнатѣ и вдались въ разговоры поэтическіе. Визитъ мой былъ съ 11 до 1 часу. Я долженъ былъ поспѣшить на должность и при прощаніи, конечно, былъ приглашенъ въ тотъ же день на обѣдъ.

---

1) Въ 1826 году была у молодежи мода носить синія шинели съ черными бархатными воротниками, подложенными синимъ же гроденаплемъ. Отъ этой подкладки назывались и „гроденаплевыя шинели“.

По обыкновенію, Т. Д. жила открыто;—у нея было свое состояніе и кромѣ того съ мужняго состоянія, бывшаго въ опекѣ, отпускалось достаточное содержаніе. Всякій день гости не выходили, а препровожденіе времени, по тогдашнему, было такое: въ часъ пріѣзжаютъ, разсказываютъ современныя политическія событія, городскія новости, потомъ закусываютъ, обѣдаютъ, мужчины за столомъ пьютъ водку, вино, наливки; послѣ обѣда кофе; черезъ часъ-другой играютъ въ фанты, лѣтомъ вечеромъ идутъ гулять, а зимою—кто садится въ карты, а молодежь играетъ и танцуетъ. Иные вечера, бывало, читаемъ; у Татьяны Дмитріевны была отличная библіотека, она женщина была образованная, между тѣмъ въ то время новости поэзіи занимали всѣхъ, и я нерѣдко читалъ въ гостинной ея: Жуковскаго—Громобоя, Пушкина—Бахчисарайскій фонтанъ, Онѣгина, Рылѣева—Войнаровскаго или Думы, Барятинскаго—Оду, Грибоѣдова—Горе отъ ума и т. д. Въ обществѣ нашемъ нельзя указать на особыя связи; здѣсь, кромѣ указанныхъ мною лицъ, бывало много другихъ знакомыхъ—изъ пріѣзжавшихъ въ Полтаву военныхъ офицеровъ: Шкилевъ, Степановъ [1]); сосѣдей Татьяны Дмитріевны было такъ много, что ихъ всѣхъ перечислять было бы излишне, а изъ болѣе посѣщавшихъ ее были мои товарищи: П. П. Куриловъ, В. П. Бибиковъ, Я. П. Козырловскій, А. Д. Лантуховъ, князь Г. А. Баратовъ, его жена, а также многія полтавскія дамы и дѣвушки, что называется, бывавшія запросто.

Такъ проходили дни за днями. Собственно я пользовался книгами изъ библіотеки Т. Д., иногда игралъ на гитарѣ съ фортепіаномъ. Иногда ѣздили къ ней въ деревню, въ сопровожденіи многихъ ея знакомыхъ, но съ непремѣнною ея подругою Тушинскою. Любезность хозяйки и особенное ко мнѣ вниманіе ея

---

[1]) Степановъ написалъ стихи, въ коихъ воспѣлъ всю компанію, въ томъ числѣ и обо мнѣ четырехстишіе:

„Сердюковъ, сядь межъ насъ отъ скуки,
Пусть игрой пріятною твоей
Заглушимъ мы сердца муки
И запьемъ шампанскаго струей!“.

(Я игралъ на гитарѣ).

увлекли мои чувства до дружбы,—мнѣ уже становилось слишкомъ пріятно бывать у нея, и мы симпатизировали. Я дѣлался неравнодушенъ къ ея масляннымъ взглядамъ, къ ея откровенности и непринужденной граціи, съ которою она всегда со мною болѣе другихъ любезничала. Въ ней съ добротою сердца и веселымъ характеромъ соединялась бездна самаго милаго природнаго кокетства, перемѣшаннаго то съ дѣтскимъ проказничествомъ, то вдругъ съ неприступнымъ величіемъ. Росту она была средняго, полненькая, лицо круглое, носъ вздернутый, глаза большіе черные, волосы темные, въ локонахъ, подвязанные лентой или наброшенные золотою сѣточкой. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла держать себя въ немъ, предпочитая молодыхъ людей, особенно изъ литераторовъ, которыхъ между нами, правду сказать, не было, но по крайней мѣрѣ, тогда мы бредили поэзіей: я, Куриловъ, Шкилевъ (гусаръ), Долгела,—доставляя Татьянѣ Дмитріевнѣ забаву собственными импровизаціями и комическими очерками; напримѣръ: я писалъ стихи, Куриловъ сочинилъ комедію „Бедичева и Миничъ"—двѣ куріозныя личности; Шкилевъ писалъ свои идилліи „Къ друзьямъ", Долгела смѣшилъ каррикатурами.

Она меня видимо выдвигала на первый планъ, но всѣ мои мечты разлетались, когда являлись Яковъ Петровичъ и Лантуховъ; при нихъ я превращался въ гоголевскую песчинку; я видѣлъ ясно, что они на меня не довольны; у нихъ поселилась ревность, самолюбіе ихъ подъѣдающая, тогда какъ они давно бросили межъ собой жребій, кому изъ нихъ должна принадлежать вдовушка. Но разсчетъ ихъ былъ невѣренъ: она ихъ ласкала, какъ близкихъ къ дѣламъ ея людей, до платонизма же было великое разстояніе. Ея ровное обращеніе со всѣми имъ не нравилось, они присваивали себѣ первенство; замѣтя же нѣкоторую ея со мною свободу, друзья начали охладѣвать и мало по-малу перестали бывать у Татьяны Дмитріевны. Быть можетъ, въ этомъ была и ея политика, но я чистъ душою—никогда не желалъ мѣшать никому, напротивъ, съ простодушной услужливостью хлопоталъ о вниманіи къ себѣ всѣхъ ея окружающихъ. Правда, что вдовушка, и притомъ бездѣтная, многихъ интересо-

вала,—но вѣдь симпатія составляется изъ тѣхъ тонкихъ чувствъ и понятій, которыя, что называется, сходятся къ одному полюсу, и если Татьяна Дмитріевна ни одного изъ душеприкащиковъ и другихъ посѣтителей не принимала, какъ бы имъ хотѣлось,—дѣло понятное при ея свѣтломъ умѣ и испытанномъ сердцѣ. Она имѣла мужа, по образованію приличнаго и притомъ молодого, красиваго и богатаго, провела съ нимъ лучшіе дни жизни въ вихрѣ и бурѣ, вышедши замужъ на 13-мъ году, испытала всѣ фазисы кокетливой и ревнивой салонной радости,—то что же здѣсь уже ей осталось съ нами, крючкотворами, дѣлать, когда душа ея летала въ области поэзіи и искала другой пищи?

Когда Козырловскій и Лантуховъ отказались отъ дѣлъ Татьяны Дмитріевны, я долженъ былъ предложить свои услуги и волей или неволей сдѣлаться, такъ сказать, ея домашнимъ другомъ. Въ такое время, когда безъ всякой причины бросили ее друзья мужа, подобное предложеніе было оцѣнено въ высшей степени. Дѣла Т. Д. главныя: одно съ Д. С. С. Марковымъ по поручительству ея за мужа въ 50 тысячъ рублей, другое—о духовномъ завѣщаніи мужа, которое оспаривалъ братъ его С. Н. Лесевицкій; третье—о должныхъ Григ. Дмитр. Заньковскимъ вдовѣ 45000 руб.

Между тѣмъ я не ослабѣвалъ и по службѣ. Въ 1828 году ѣздилъ съ Репнинымъ въ Черниговъ, для встрѣчи проѣзжавшей тогда государыни Александры Ѳеодоровны; со мною составляли походную канцелярію: Ѳед. Ѳед. Киселевъ и Ларіонъ Ив. Трощинскій, адъютанты: Бибиковъ, Баратынскій и Устимовичъ. Въ 1829 году я управлялъ коммисіею, составленною изъ 20 членовъ, въ томъ числѣ находился и бывшій секретарь генералъ-губернатора Лантуховъ. Коммисіи этой было поручено привести въ порядокъ старыя дѣла бывшихъ генералъ-губернаторовъ: князя Куракина и Лобанова-Ростовскаго. Въ теченіе года разобрано и переплетено 40,000 дѣлъ. За это отъ Репнина 3 марта 1830 года изъявлена мнѣ въ оффиціальномъ приказѣ благодарность.

Было время, что я долго не навѣщалъ Татьяну Дмитріевну. Сначала мнѣ было скучно, потомъ мало-по-малу скука проходила, и я началъ было радоваться, что могу имѣть случай сдѣлать отвычку отъ женщины, которая мнѣ ужъ очень нравилась, но чувство это тщательно было сокрыто; слѣдственно, чтобы оно вовсе исчезло, я желалъ отъ всей души. Но въ одинъ изъ прекрасныхъ дней получаю слѣдующую записку: „Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Я васъ не вижу уже нѣсколько дней, кажется—нѣсколько, между тѣмъ какъ дѣла мои требуютъ вашего совѣта. Васъ я иначе не могу принять, какъ у себя и, къ сожалѣнію, не въ городѣ, потому что меня въ деревнѣ удерживаетъ тоска... Прошу же васъ пожаловать туда на посылаемыхъ лошадяхъ и обрадовать своимъ пріѣздомъ готовую къ вашимъ услугамъ Т. Л. марта 12, 1829 года“.

Записка эта дала мнѣ новую живучесть, я перечитывалъ ее нѣсколько разъ и симпатизировалъ всему хорошему; настроеніе мое было очаровательно. На другой день я летѣлъ въ Головачъ.

Подъѣхавъ къ крыльцу, быстро соскочивъ съ экипажа, я въ передней былъ встрѣченъ хозяйкой; на ней былъ малиновый бархатный капотъ и граціозная съ цвѣтами куафюра. Она схватила мою руку и, держа ее, сказала самымъ обаятельнымъ голосомъ:

— Не удивляйтесь, мой другъ, моему веселому наряду— мой трауръ уже кончился!“

Надобно замѣтить, что трауръ ея по мужѣ давно окончился, но она доселѣ наряжалась всегда въ черныя платья. Слова Татьяны Димитріевны были сопровождаемы страстью. Мы вошли въ залу, потомъ уединились въ гостинную; тамъ никого не было. Я дрожалъ, во мнѣ забушевали всѣ упорныя мечты.

— Вы озябли? спросила меня хозяйка.

Сердце мое билось, я весь дышалъ пламенемъ и, схвативъ ея руку, не отрывалъ отъ губъ и въ восторгѣ чувствъ говорилъ ей:

— Наконецъ я достигъ моего благополучія. Я имѣю случай облегчить мою грудь признаніемъ, которому давно мѣшали холодные свидѣтели. Я люблю васъ, какъ никого еще не любилъ моей юной, моей пылкой душой!

— Но пустите меня, вы очень крѣпко жмете мою руку.

Я пустилъ ее, но продолжалъ:

— Я не знаю притворства, моя душа горитъ и, если вы не потушите—она сгоритъ. Потушите пламень, тогда останется благотворная теплота, которая нужна для моей жизни, чтобы любить васъ любовью тихою.

— Успокойтесь, мой другъ, сказала она, положивъ руку на мое плечо; я не скрою, что и я васъ давно люблю любовью для меня доселѣ новою. Тѣнь мужа моего не упрекнетъ меня за любовь мою къ вамъ—но какія слѣдствія ея? Я не могу быть вашей женою, потому что наложила на себя обѣтъ не выходить замужъ, испытавъ много въ замужествѣ несчастія.

И слезы брызнули изъ глазъ ея.

Какъ громомъ пораженный, я стоялъ предъ нею. Мнѣ стало стыдно ласки признанія. Замѣтивъ мое смущеніе, она меня обняла, посмотрѣла въ лицо, улыбнулась и отскочила. Но я схватилъ ее судорожнымъ движеніемъ.—„Позвольте, позвольте“! Я слышалъ слова ея, какъ сквозь сонъ, и остался одинъ среди комнаты. Татьяна Дмитріевна порхнула въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ явилась съ холодною свидѣтельницею Тушинскою и со всѣми аттрибутами къ чаю. Я не помню, какъ мы пили чай, что говорили, я не могъ взглянуть ни на что. Со мной говорили нѣжно, улыбаясь, но я весь вечеръ былъ неловокъ. Наконецъ разговоръ о дѣлахъ прекратилъ мое смятеніе. Ночь провелъ я почти безъ сна и на другой день, чуть свѣтъ, уѣхалъ въ Полтаву, не простясь съ хозяйкой.

Что это за чувство? думалъ я. Женщина любитъ и предваряетъ, что не можетъ быть моей женою. Правда, что я моложе ея на нѣсколько лѣтъ, но отчего же нерѣдко старики женятся на молоденькихъ дѣвушкахъ?—а когда такъ, то и молодой мущина можетъ имѣть жену старѣе себя.

Моя неопытность все извиняла; я понималъ все иначе и наконецъ пришелъ къ заключенію, что это—одно кокетство, одна уловка водить меня, что называется за носъ, пока дѣла ея окончу. Хорошо-же, голубушка! Я дѣла окончу, но уже свида-

нія прекращу или, по крайней мѣрѣ, обращу ихъ въ рѣдкія и оффиціальныя.

Въ Полтавѣ тогда жилъ съ семействомъ уѣздный предводитель Викторъ Ѳедоровичъ Яновичъ, въ домѣ котораго я принятъ былъ, какъ родной. Викторъ Ѳедоровичъ служилъ въ военной службѣ въ 12-хъ годахъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ. Теперь этотъ Паскевичъ достигъ главнокомандующаго въ Грузіи и пожалованъ графомъ Эриванскимъ. Вспомнивъ Яновича, онъ приглашалъ его на службу въ Грузію, въ канцелярію свою правителемъ. Яновичъ, объ этомъ мнѣ говоря, совѣтовалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ. Случай представился искусительный, а мнѣ очень хотѣлось увидѣть Кавказъ, столь поэтически обрисованный Пушкинымъ и Лермонтовымъ,—такъ что я не долго объ этомъ думалъ. Подалъ просьбу Репнину, получилъ прогоны и подорожную, и уже чуть не уѣхалъ; остановилъ меня Яновичъ, пока соберется его семейство, которое просилъ меня провожать до Тифлиса. Самъ Яновичъ уѣхалъ. Это было въ 1830 году. Татьяна Дмитріевна ѣздила тогда въ Москву; возвратясь, узнала, что я уѣзжаю, не могла удержаться, прислала за мной. Я явился къ ней, почти какъ обыкновенный посѣтитель, и замѣтилъ у нея слезы; она съ чувствомъ спросила:

— Неужели вы хотѣли уѣхать, не простившись со мною?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, дѣла ваши я приготовилъ къ сдачѣ брату вашему съ полными наставленіями, какъ продолжать ихъ далѣе, и не думалъ, чтобы мое отсутствіе измѣнило добрыя наши отношенія; но согласитесь, терять карьеру я не могу, не долженъ; я весь посвященъ службѣ и отъ нея ждать долженъ благодарности и обезпеченія, а болѣе ни отъ кого!

— Напрасно вы не надѣетесь на друзей, сказала она съ примѣтнымъ огорченіемъ. Но если вы ищете славы—пусть вамъ Богъ поможетъ. Я вамъ не препятствую. Прошу только меня не забывать, и пока вы уѣдете, еще хотя нѣсколько часовъ удѣлить вашей поклонницѣ.

Дѣйствительно, послѣ этого я еще не могъ выѣхать, потому что Яновичева не приготовилась. Вдругъ всѣ обстоятель-

ства неожиданно чрезвычайно измѣнились. Весною въ мартѣ мѣсяцѣ пронеслась ужасная вѣсть, что въ Грузіи появилась болѣзнь, доселѣ еще неизвѣстная,—холера, отъ которой всякій, кто только дохнетъ тѣмъ воздухомъ, долженъ умереть непремѣнно. Яновичева получила письмо пріостановиться съ поѣздкою; слѣдственно, и я долженъ былъ остаться и потому подалъ обратно прошеніе Репнину и по прежнему остался въ его канцеляріи [1]). Никто столько этому не обрадовался, какъ Татьяна Дмитріевна,—и мы зажили по прежнему; я уже бывалъ у нея почти всякій день.

Вскорѣ послѣ этого графъ Паскевичъ-Эриванскій назначенъ въ Варшаву, куда отправился и Яновичъ съ своимъ семействомъ. Тѣмъ прекратились и отношенія наши. Я могъ бы ѣхать въ Варшаву, но случай, съ Яновичемъ происшедшій въ Тифлисѣ—въ него стрѣлялъ одинъ чиновникъ за грубое обращеніе,-остановилъ и меня искать далѣе его протекціи. Впрочемъ, по возвращеніи его изъ Варшавы черезъ нѣсколько лѣтъ мы свидѣлись довольно пріятно.

Между тѣмъ въ 1830 году, во время возстанія Польши, по которому и Паскевичъ туда назначенъ, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи компаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло, и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили 8 полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно; между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Здѣсь вполнѣ проявился козачій героизмъ, и я тогда только повѣрилъ малороссійской исторіи, въ которой борьба Хмельницкихъ, Наливайковъ и другихъ героевъ Украйны съ поляками мнѣ казалась невѣроятною. Судилъ прежде я такъ

[1]) Не разъ И. И. говорилъ, что очень сожалѣетъ, что упустилъ случай побывать на Кавказѣ, и не видалъ этой богатой дарами природы страны. Все, что издавалось о Кавказѣ, читалъ съ большимъ интересомъ (Примѣч. вдовы автора).

потому, что въ мирной жизни малороссъ, кажется, отъ воловъ не могъ ступить ни шагу, любилъ играть природою и жизнью шутя, вѣчный юморъ его представлялъ его какъ-бы беззаботнымъ. Но нужно знать этотъ истинно добрый и смышленный народъ: въ часы невзгоды, въ серіозныхъ дѣлахъ—это львы неукротимые и самые правдивые поборники славы, но славы для мира и любви; какъ истинные христіане, они щадятъ враговъ, но какъ любящіе родину—защищать ее готовы на жизнь и на смерть.

Полки пошли, стали на границахъ, и по случаю скораго окончанія компаніи послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой. Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины;—но вдругъ въ генварѣ мѣсяцѣ 1832 года, на имя генералъ-губернатора послѣдовалъ новый манифестъ или рескриптъ: „бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6 распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ". Такое неожиданное извѣщеніе и политическая ошибка черезвычайно взволновали всю Малороссію. Несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 года, вмѣсто домовъ должны возвратиться въ полки на 18 лѣтъ, тогда какъ изъ нихъ почти всѣ шли охотой изъ такихъ людей, которые оставили дома, свои семьи и даже богатство на короткое время, и теперь должны были все бросить; но Высочайшая воля все остановила. Князь Репнинъ назначилъ три пункта: Полтаву, Черниговъ и Лубны. Въ эти пункты велѣно собирать распущенные полки и сдавать прибывшимъ туда, по распоряженію военнаго министра, офицерамъ. Этого мало—послѣдовало новое распоряженіе: „всѣхъ неспособныхъ перемѣнить годными, для чего открыть и рекрутскія присутствія".

Въ сборные пункты назначены распорядителями: въ Полтаву самъ генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ; въ Черниговъ—чиновникъ особыхъ порученій Адріянъ Прокофіевичъ Устимовичъ; въ Лубны полковникъ Петръ Петровичъ Ханыковъ и я. Мы пріѣхали въ Лубны въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 года, тотчасъ учредили летучую почту между причисленными къ нашему пункту уѣздами: Лубенскимъ, Лохвицкимъ, Гадяцкимъ, Золотоношскимъ, Переяславскимъ, Ирятин-

скимъ и Миргородскимъ, вытребовали всѣхъ 2000 человѣкъ возвратившихся козаковъ, представили ихъ въ открывшееся рекрутское присутствіе, свидѣтельствовали и неспособныхъ или болѣзненныхъ перемѣнили другими [1]) и сдали прибывшимъ изъ полковъ офицерамъ. Этимъ мы занимались по генварь 1833 года, почти годъ. Всякій день мы съ полковникомъ Ханыковымъ объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ такъ называемыхъ рекрутовъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали ихъ жалкую участь. Въ Полтавѣ же и въ Черниговѣ вспышка была;—но безпорядки, какъ обыкновенно ихъ у насъ называютъ, были прекращены оружіемъ. Тревожное это время вечерами мы сокращали въ домѣ Петра Марковича Полторацкаго, у котораго двѣ прекрасныхъ дочери и молодой человѣкъ сынъ составляли наше общество, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими городскими чиновниками. За распредѣленіемъ козаковъ по прежнему возвратились въ Полтаву къ своимъ должностямъ и получили награды: Ханыковъ крестъ, а я, по неимѣнію тогда еще пряжки за XV лѣтъ, награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ въ 500 рублей [2]).

Между тѣмъ дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ; поэтому назначена была коммисія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и дѣйст. ст. совѣтника Лубьяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ С.-Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ. Предвидя это, я успѣлъ перейти въ Казенную Палату ассесоромъ, куда опредѣлился 19 мая 1834 года.

[1]) Перемѣняли и такихъ, которые заболѣли на службѣ—хотя кратковременной, но все же нарушившей здоровье. Это еще болѣе была вопіющая несправедливость, которую обнаруживали козаки и даже общество. (Пр. И. И. Сердюкова).

[2]) Родственники разсказывали намъ, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости. (Пр. вдовы автора).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года я былъ въ Петербургѣ и ежедневно бывалъ у Репнина [1]). Онъ меня просилъ найти ему человѣка, способнаго заниматься дѣлами. Недолго я въ этомъ затруднялся: со мною жилъ тогда служившій въ гофъ-интендантской конторѣ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, который на другой же день поступилъ къ Репнину. Репнинъ квартировалъ противъ Михайловскаго дворца, въ домѣ Бодиско; его посѣщали всѣ земляки, кто только пріѣзжалъ изъ Полтавы,—но мы недолго наслаждались удовольствіемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ назначены были маневры, куда обыкновенно приглашались всѣ генералъ-адъютанты, въ томъ числѣ и Репнинъ. Это, помню, было въ воскресенье; князь уѣхалъ въ Царское Село; мы предполагали, что онъ возвратится на другой день, но къ удивленію князь пріѣхалъ къ обѣду. Разстроенный, со слезами на глазахъ, онъ сказалъ, что Государь чрезъ Бенкендорфа не приказалъ ему являться. На другой день мы читали приказъ: „Членъ государственнаго совѣта князь Репнинъ увольняется вовсе отъ службы". Послѣ этого князь и княгиня тотчасъ собрались и уѣхали заграницу. Сынъ ихъ Василій Николаевичъ исключенъ изъ званія камеръ-юнкера.

Что это значитъ? За что такая немилость? Мы долго не могли разгадать, и наконецъ объяснилось вотъ-что:

Въ бытность Государя Николая Павловича въ 1829 г. въ Полтавѣ, Репнинъ просилъ денегъ на постройку Института, который завела тамъ супруга его, княгиня Варвара Алексѣевна въ собственномъ Репнинскомъ домѣ, пришедшемъ въ ветхость. Государь согласился и спросилъ: „Сколько нужно?". Репнинъ удовольствовался 200000 рублей ассигнаціями. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, велѣно министру составить планъ и отослать къ Репнину. Планъ прислали, учреждена коммисія для постройки института, начали строить, дошли до половины, хватились, анъ 200/т. мало. Тогда Репнинъ сконфузился. Просить добавки было стыдно предъ Государемъ,—поэтому, начали прибавлять изъ соб-

[1]) Съ большимъ уваженіемъ относился къ памяти Репнина и хотѣлъ писать его біографію; обращался постоянно къ его наслѣдникамъ о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній. (Примѣч. вдовы автора).

ственныхъ средствъ, напримѣръ: столяровъ и плотниковъ выписали изъ имѣній князя, кирпичный заводъ устроили на свой счетъ. Но громадное въ 4 этажа зданіе съ двумя двухъэтажными флигелями и службами еще потребовало денегъ, которыхъ у Репниныхъ, не оставлявшихъ жить роскошно, все также не было лишнихъ. Тогда Репнинъ вздумалъ занять изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Онъ призвалъ непремѣннаго члена Павла Степановича Стеблинъ-Каминскаго, велѣлъ разъ принести 50 тысячъ, въ другой, третій и четвертый, и такимъ образомъ, набралъ еще 200000 рублей. Репнины располагали продать часть имѣнія и взнести эти деньги или спросить черезъ министра добавку,—но вдругъ обстоятельства измѣнились: князь уволенъ отъ должности, и имѣніе взято въ опеку. Когда же пріѣхалъ въ Полтаву графъ Строгановъ и все узналъ, то донесъ Государю, и это роковое донесеніе какъ разъ получено въ день вышеупомянутыхъ маневровъ въ Царскомъ Селѣ. Вотъ почему Государь очень былъ недоволенъ и не принялъ Репнина.

По увольненіи Репнина изъ Государственнаго Совѣта прислана была въ Полтаву коммисія, составившаяся изъ д. с. с. Ганекау и контролера государственнаго контроля Больмана. Они открыли, что зданіе (между тѣмъ институтъ совершенно былъ оконченъ) оцѣнено въ 465 тысячъ рублей. Слѣдовательно, здѣсь открытъ одинъ безпорядокъ Репнина, или лучше сказать, была его неосторожность, что онъ безъ разрѣшенія министра занялъ въ Приказѣ деньги, а въ существѣ не токмо не было утайки или злоупотребленія въ свою пользу, но еще 65 тысячъ дѣйствительно издержали князья изъ собственныхъ средствъ. Послѣ этого коммиссія уѣхала, а Стеблинъ-Каменскій удаленъ отъ должности. Князь Репнинъ проживалъ заграницею, большею частію въ любимомъ имъ Дрезденѣ, а въ 1841 году возвратился въ Малороссію и въ имѣніи своемъ, полтавской губерніи пирятинскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Яготинѣ, умеръ 16-го іюня 1841 года. Имѣніе Яготинъ съ 5000 душъ досталось сыну его кол. ассесору Василію Николаевичу Репнину. Это только и уцѣлѣло отъ 22 тысячъ душъ, которыхъ коммиссія распродала разнымъ лицамъ; въ томъ числѣ и Лубьяновскій купилъ 5000 душъ и долги всѣ уплатилъ

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, происходящій отъ древней фамиліи, родился въ 1777 году отъ князя Григорія Васильевича Волконскаго и отъ матери изъ Репниныхъ, которыхъ родъ въ мужской линіи пресѣкся, и потому, вслѣдствіе просьбы отца, въ царствованіе Александра I-го была ему присвоена фамилія Репнина-Волконскаго; братья же его Николай Григорьевичъ, бывшій при дворѣ егермейстеромъ, и другой, Сергѣй Григорьевичъ, служившій генералъ-маіоромъ, изъ декабристовъ, несчастный, назывались просто князья Волконскіе. Николай Григорьевичъ женатъ на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, имѣлъ дѣтей: сына Василія и дочерей Варвару и Марью. Изъ нихъ первая осталась и умерла дѣвушкой, а Марья вышла за графа Кушелева-Безбородка. Василій Николаевичъ, сынъ, женатъ на Балабиной. Николай Григорьевичъ служилъ отлично при Александрѣ Павловичѣ, достигъ полнаго генерала и былъ генералъ-адъютантомъ. Въ свое время красавецъ и въ отечественную войну былъ назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ. Онъ тамъ прожился совершенно, хотя и имѣлъ 22 тысячи душъ. По назначеніи его малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, также жили пышно. По службѣ былъ дѣятеленъ, вставалъ во всякое время въ 3 часа и занимался въ кабинетѣ; нерѣдко призывалъ дежурнаго и диктовалъ. Этимъ способомъ, и вообще свободною нашею жизнью въ канцеляріи, онъ каждаго изъ насъ образовалъ и привязывалъ къ себѣ. Канцелярія вся имѣла столъ у него. Доказательствъ доброты его много; кромѣ пожертвованій оффиціальныхъ, бывало никто изъ просящихъ по бѣдности не отходилъ безъ удовлетворенія; а проѣзжіе заграничные ремесленники, артисты и туристы, кажется, нарочито къ нему пріѣзжали, если не за подаяніемъ, то для того, чтобы сбыть свои рисунки или проекты, которые, разумѣется, сваливались въ кучу безъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ деньги уплочены. Довольно, что онъ мнѣ въ Петербургѣ, уже когда прощался, сунулъ въ руку 200 рублей. Миръ праху твоему, умный и добрый вельможа [1]).

[1]) Въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ И. И. Сердюкова, онъ такъ отзывается о князѣ Н. Г. Репнинѣ: „Нашъ умный и добрый начальникъ князь Репнинъ былъ вельможа не изъ тѣхъ, кои лишь красуются въ лентахъ и на

Но обратимся собственно ко мнѣ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Выше я сказалъ, что Татьяна Дмитріевна имѣла дѣла, которыя поступили опять ко мнѣ, какъ скоро я оставилъ поѣздку на Кавказъ. Теперь эти дѣла поступили въ 3-й департаментъ сената по части оберъ-секретаря Михаила Федоровича Т. и секретаря Павла Сергѣевича Е. По тогдашнему обычаю, знакомство съ чиновниками, въ рукахъ которыхъ находится дѣло, нужно заводить, какъ Нахимовъ говорилъ, съ барашкомъ въ бумажкѣ. Такъ сдѣлалъ и я: обоимъ далъ по 500 рублей впередъ, лишь бы они рѣшили дѣло въ мою пользу (я говорю *въ мою*, потому что имѣлъ полную довѣренность отъ Т. Д.). Кромѣ того, съ Е. я сблизился по гитарѣ, на которой давалъ ему уроки. Дѣла разсматривались, а между тѣмъ мой отпускъ оканчивался по должности ассессора казенной палаты, и мнѣ нужно было просить отсрочки у министра финансовъ. Составивъ записку, я отправился къ министру, но пришелъ такъ рано, что еще никого не было въ пріемной; однако, отъ нечего дѣлать, я рѣшился остаться. Къ 10 часамъ явился чиновникъ со звѣздой и портфелемъ подъ рукой. Онъ пошелъ прямо по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ министра. Любопытно было мнѣ узнать, кто это? Я обратился съ вопросомъ къ курьеру:

— Кто это?

— Вице-директоръ канцеляріи, Викторъ Алексѣевичъ Кушинниковъ.

Тогда я припомнилъ, что этотъ господинъ—уроженецъ полтавскій, съ дядей котораго, Новомлинскимъ, я знакомъ. Между тѣмъ Викторъ Алексѣевичъ, найдя кабинетъ еще запертымъ, возвратился въ гостинную и стоялъ у окна въ размышленіи. Не долго думая, я обратился къ нему и отрекомендовалъ себя. При

парадахъ. Онъ вставалъ въ 3 часа утра, до 12-ти занимался дѣлами, самъ все читалъ и насъ училъ трудиться и любить правду; съ 12-ти часовъ принималъ просителей, занимался военною частью по своему званію военнаго губернатора; съ 2-хъ до 4-хъ часовъ опять слушалъ доклады, въ 6 часовъ обѣдалъ, до 9-ти отдыхалъ, съ 9-ти часовъ принималъ гостей, а не рѣдко и посѣтителей. При такомъ начальникѣ и мы были неутомимы. Проситель каждый получалъ непосредственно извѣщеніе повѣсткою о рѣшеніи генералъ-губернатора на его просьбу, и ни одна бумага у насъ не залеживалась по мѣсяцамъ, даже по недѣлямъ.

словѣ: „я изъ Полтавы“, онъ обрадовался, какъ земляку, узналъ, въ чемъ дѣло, далъ мнѣ наставленіе, какъ подать записку, и просилъ бывать у него. Время приближалось къ пріему, гостинная наполнялась посѣтителями, и въ 11 часовъ вышелъ министръ, графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. На глазахъ его, по болѣзни, былъ зеленый зонтикъ. Обойдя всѣхъ, министръ принималъ отъ каждаго прошенія, проекты и личныя объясненія; дошла очередь и до меня. Я подалъ записку. Онъ поднялъ голову посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Откуда, батюшка?...

— Изъ Полтавы, ваше сіятельство, ассессоръ казенной палаты, пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, прошу отсрочки отпуска.

— Хорошо, сказалъ министръ; а что у васъ въ Полтавѣ хлѣбъ дорогъ?

— Слава Богу, дёшевъ, отвѣчалъ я.

— Какъ? Слава Богу дешевъ хлѣбъ? Надобно сказать „Слава Богу“, когда дорогъ!

Сказавъ это, министръ поклонился и ушелъ. Это было 24 октября 1835 года. Слова министра меня озадачили; я вышелъ, долго разбирая ихъ, и пришелъ къ тому заключенію, что Канкринъ былъ политико-экономъ, поощряющій производительность.

По поданной мною министру запискѣ, послѣдовало полтавской казенной палатѣ слѣдующее предписаніе: „Ассессоръ Сердюковъ по дѣламъ службы оставленъ при министрѣ впредь до особаго распоряженія“. Дѣйствительно, я пользовался этой прикомандировкой и нерѣдко ходилъ въ канцелярію, гдѣ познакомился съ секретарями Иваномъ Федоровичемъ Гежелинскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Бѣликовымъ. Директоромъ тогда былъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, впослѣдствіи министръ финансовъ. Послѣ свиданія съ Кушинниковымъ, я тотъ же день былъ у него, познакомился съ его женою, добрѣйшею особою,— я это говорю потому, что все время пребыванія моего въ Петербургѣ я рѣдкій день не былъ у Кушинниковыхъ. Тамъ я встрѣчался съ разными знаменитостями, въ томъ числѣ и съ

затемъ его Илличевскимъ, впослѣдствіи товарищемъ министра юстиціи, а дамамъ игралъ на гитарѣ. У Кушинниковыхъ, по воскресеньямъ, были отличные обѣды, и я помню очень ихъ хлѣбъ-соль. Впослѣдствіи, по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, мы съ Викторомъ Алексѣевичемъ вели переписку до его кончины.

Сколько удачно мнѣ шло по службѣ, столько неудачно по дѣламъ. Другъ мой Е. увѣдомилъ, что, по выслушаніи дѣлъ, послѣдовали резолюціи, для меня невыгодныя, особливо съ Марковымъ о поручительствѣ, а объ духовной назначено слѣдствіе. Послѣдняго я не боялся потому, что дѣло было чистое, но по первому не было никакой возможности избавиться отъ поручительства, законно подписаннаго. Будучи этимъ извѣстіемъ разстроенъ, я уѣхалъ къ землякамъ для развлеченія, и случилось такъ, что мы изъ дому въ домъ ѣздили цѣлую недѣлю. Шіяновъ, Трощинскій, бывшіе мои сослуживцы, Журавлевъ и другіе чиновники военнаго министерства жили дружно, играли въ карты и кутили. Въ этомъ обществѣ случалось толковать и о дѣлахъ самыхъ казусныхъ, гдѣ случалось дѣлать изъ чернаго бѣлое и обратно.

Послѣ разгульной жизни, я, покачиваясь на постели въ собственной квартирѣ, соображалъ все прошедшее и изъ анекдотовъ юридическихъ придумалъ съ Марковымъ сдѣлку. Дѣйствительный ст. совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Марковъ считался при военномъ министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій (впослѣдствіи былъ могилевскимъ губернаторомъ), квартировалъ онъ въ Коломнѣ; у него-то я по одному изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ о поручительствѣ Татьяны Дмитріевны бывалъ, предлагая мировую; я предлагалъ ему 300 десятинъ земли въ константиноградскомъ уѣздѣ по сосѣдству съ его землею безъ всякаго платежа, лишь бы онъ простилъ одни проценты и по поручительству 25 тысячъ рублей; но онъ и слышать не хотѣлъ. Къ нему былъ вхожъ и пріятель мой, Е. занимавшійся его дѣлами, къ которому онъ имѣлъ довѣріе. Когда мы съ Елисѣевымъ сошлись, давно не видавшись, какъ я сказалъ, по случаю моего пиршества съ земляками, мнѣ пришлось кстати исполнить мой планъ. Я его просилъ сказать Маркову, что дѣло съ Лесевиц-

кою о поручительствѣ заслушано, но отказъ получилъ Марковъ, а не Лесевицкая. Конечно, Е. назвалъ меня сумасшедшимъ, говоря, что вѣдь Марковъ справится самъ, и тогда что будетъ, если назоветъ его лгуномъ?—„Ну, скажешь, возразилъ я, что было рѣшено такъ, а потомъ отмѣнено, по моему же ходатайству, рѣшено иначе. Однимъ словомъ, что будетъ, то будетъ, а только скажи; и вотъ тебѣ въ задатокъ еще 500 р.“.

Шутка эта Е. увлекла, какъ любопытная, и онъ далъ мнѣ слово, что такъ скажетъ Маркову. И дѣйствительно, Е. въ слѣдующее воскресенье поѣхалъ къ нему на обѣдъ и сказалъ. Представьте же мое удивленіе! Вѣдь Марковъ шутку принялъ за правду! [1]). Не дремая, на другой же день я отправляюсь къ нему подъ предлогомъ проститься и вижу въ Марковѣ огромную перемѣну. Онъ меня встрѣтилъ ласковѣе прежняго, усаживалъ, и на мои слова, что я пришелъ съ нимъ проститься, съ удивленіемъ спрашивалъ:

— А какъ же будетъ нашъ миръ? (о которомъ прежде и слышать онъ не хотѣлъ).

Я видѣлъ ясно, что могу воспользоваться случаемъ, и потому съ внутреннимъ восхищеніемъ отвѣчаю:

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Къ счастью, въ тотъ день онъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Царское Село, гдѣ воспитывались его дѣти, и, ничего не говоря, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, вотъ вамъ мировая: я заплачу за землю 10 т. рублей и проценты по поручительству дарю или сбрасываю.

Разумѣется, я на все согласился и отъ радости чуть не вскрикнулъ. Мы тотчасъ поѣхали въ гражданскую Палату во 2-й департаментъ и совершили мировую. Я ему далъ купчую на землю, получилъ 10 т., а онъ мнѣ далъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи 25 т. процентовъ. Сдѣлку нашу совершалъ Николай Ѳедоровичъ Пячковскій, нынѣ помѣщикъ оршанскаго уѣзда.

Такъ окончилось счастливо дѣло Лесевицкой, продолжавшееся болѣе 10-ти лѣтъ, и я выѣхалъ изъ Петербурга совершенно счастливый. О принятіи меня къ прежней должности по-

[1]) Онъ былъ глухъ, а глухіе всегда сосредоточенны.

слѣдовало 12 февраля 1836 года новое предписаніе министерства. Возвращеніе мое въ Полтаву съ такимъ успѣхомъ обрадовало мою вѣрительницу. Въ знакъ благодарности она передала мнѣ претензію на Заньковскомъ въ 45 т., съ тѣмъ, чтобы процессъ этотъ раздѣлить пополамъ, вслѣдствіе чего я довелъ дѣло тоже къ концу. Имѣніе описано на эту претензію изъ 450 душъ въ деревнѣ Лисычей 99, и земли 600 десятинъ. Я купилъ это имѣ за 20,500 рублей, а остальныя 24,500 р. получила Татьяна Дмитріевна изъ Приказа подъ залогъ остального имѣнія Заньковскаго.

Татьяна Дмитріевна въ это время купила домъ на углу Срѣтенія, по Александровской улицѣ.

Прибывъ въ новокупленное имѣніе для принятія его, я нашелъ, что оно описано чрезвычайно невыгодно для покупщика и, вѣроятно, сдѣлано это собственно для того, чтобы никто не пожелался на покупку. Напримѣръ: крестьяне, 99 душъ, выбраны бѣднѣйшіе изъ разныхъ дворовъ и къ тому же на сносъ; земля же, 600 десятинъ, за 4 версты отъ деревни, чистая степь; слѣдственно, покупщикъ отсель долженъ крестьянъ выселить туда. Наконецъ, еще одно обстоятельство, препятствующее хорошей администраціи: на описанной землѣ, при рѣчкѣ Коломакѣ, 4 десятины лѣсу оставлены за Заньковскимъ. И хотя возникли по этому вопросы, но губернское правленіе за мною лѣса не оставило.

Дѣлать было нечего, я принялъ все то, что дали, сдѣлалъ вводъ во владѣніе, и мнѣ нужно было приготовиться къ переселенію крестьянъ на чистое поле, а также что-нибудь устроить для экономическихъ заведеній. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года. Цѣлую зиму я возилъ за 30 верстъ изъ Полтавы лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы въ наступающую весну заняться постройками.

Но судьбѣ угодно было устроить это дѣло иначе. Владѣлецъ имѣнія Лисычей, въ которой еще зимовали мои люди, штабъ-ротмистръ гусаръ Василій Григорьевичъ Заньковскій, съ приближеніемъ весны 1838 года, не пожелалъ, чтобы мои крестьяне оставались долѣе въ его деревнѣ, и велѣлъ пораскрывать

въ ихъ избахъ крыши, выбросить вещи, даже муку развѣялъ по воздуху, заставляя этимъ ихъ удалиться, куда угодно. Я служилъ тогда въ Полтавѣ, какъ уже говорилъ неоднократно, въ казенной палатѣ, о происшествіи этомъ былъ увѣдомленъ приставленнымъ надъ крестьянами моими войтомъ, и признаюсь, не вѣрилъ донесенію, и для осторожности взявъ его съ собой, пошелъ къ губернатору съ жалобой на разореніе. Губернаторомъ тогда былъ добрый и строгій Павелъ Ивановичъ Могилевскій; выслушавъ меня и моего войта, онъ приказалъ написать предписаніе константиноградскому земскому исправнику объ изслѣдованіи дѣла, а для лучшаго удостовѣренія послалъ своего чиновника особыхъ порученій Бѣлавина. Въ назначенное время выѣхало на мѣсто происшествія временное отдѣленіе, прибылъ и я. Открыто присутствіе, призвали ротмистра и людей, разбрасывавшихъ избы моихъ крестьянъ, и все, что выше сказано, подтвердилось, а ротмистръ съ гордостію добавилъ, что онъ сдѣлалъ нарочно, чтобы выжить сосѣдей, не находя надобности держать ихъ болѣе въ своей деревнѣ. Слѣдствіе кончили, и виновныхъ предали было суду съ опредѣленіемъ крестьянамъ вознагражденія. Вотъ какія бываютъ слѣдствія крючковатыхъ дѣйствій при описаніи имѣній, которыхъ, быть можетъ, Заньковскій и не предвидѣлъ, а вѣрилъ становому, что описаніе въ разныхъ мѣстахъ составляетъ своего рода угожденіе, и конечно, за это получилъ вознагражденіе.

Но, слава Богу, дѣло это кончилось хорошо. Черезъ короткое время Заньковскому растолковали благомыслящіе люди, что онъ сдѣлалъ дурно и будетъ отвѣчать предъ закономъ, поэтому совѣтовали ему примириться со мною, и онъ явился ко мнѣ съ повинной. Имѣя характеръ мягкій, я съ удовольствіемъ приступилъ къ мировой, по которой всѣ избы моихъ крестьянъ Заньковскій дозволилъ взять, уступилъ мнѣ на Коломакѣ, среди моей земли, лѣсъ, а я заплатилъ ему 2000 рублей. Послѣ чего я построилъ новую деревню, назвалъ ее Новоселовка или Ивановское.

Отношенія наши съ Татьяной Дмитріевной, послѣ счастливаго окончанія дѣла, скрѣпились еще болѣе. Она любила по

прежнему общество, и дни текли въ обычномъ препровожденіи времени. Иногда играли въ карты, ѣздили въ деревню на гулянье и оканчивали тѣмъ, что послѣ обѣда расходились, а послѣ ужина разъѣзжались. Ея расположеніе ко мнѣ превратилось въ простую дружбу, и когда я предлагалъ замужество, она боялась этого, по ея выраженію, какъ огня. Странностей у нея, кромѣ этой главной, было много; напримѣръ: у нея была любимая собачка Клара, которую я какъ-то назвалъ глупою; за это Татьяна Дмитріевна со мною цѣлый день не говорила. Спала она не иначе, какъ при сальной свѣчѣ, которую снимать должна непремѣнно женщина или дѣвка, коихъ всегда въ ея спальнѣ ложилось не менѣе 3-хъ, и по извѣстнымъ часамъ онѣ чередовались, оставаясь безъ сна. Любила бывать въ церквахъ и въ особенности восхищалась архіереями. Между тѣмъ не желала и даже ревновала, если я бывалъ въ домахъ, гдѣ были хорошенькія и молодыя дѣвушки. Словомъ, я не понималъ этой женщины, и потому мнѣ такая неопредѣленная жизнь надоѣла. Я пересталъ у нея бывать, тѣмъ болѣе, что уже, за это время перемѣнивъ службу, большею частію разъѣзжалъ по губерніи.

Изъ друзей въ губерніи былъ у меня миргородскій уѣздный врачъ Антонъ Петровичъ Кизе, у котораго нерѣдко я проживалъ по нѣсколько недѣль, такъ какъ въ сосѣднихъ или въ томъ же самомъ уѣздѣ случались и дѣла по командировкѣ. Наконецъ, Антонъ Петровичъ вздумалъ жениться на дочери помѣщика Василія Ивановича Черныша. Невѣста его Любовь Васильевна была очень красивая дѣвушка; я былъ приглашенъ шаферомъ. При отправленіи этой должности на вѣнчаніи Кизе, и вообще во время ихъ свадьбы, мнѣ приглянулась сестра ея, Вѣра Васильевна; я не прочь былъ на ней жениться, тѣмъ болѣе, чтобы породниться съ милымъ другомъ,—но обстоятельства не дозволили состояться моей женитьбѣ, потому что Чернышъ отрицалъ всякое приданое, котораго, впрочемъ, не далъ и Кизе.

Я уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ, обыкновенно, занимался службою, изрѣдка бывалъ у Татьяны Дмитріевны, потому болѣе, что она жила уже въ своемъ хуторѣ, отъ матери ей въ наслѣдство

доставшемся, а Головачъ проданъ Маркову. Татьяна Дмитріевна почти постоянно страдала мигренью и, что называется, удалялась отъ свѣта.

Часть вторая.

Въ Полтавѣ служилъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникъ Данило Францовичъ Ольшевскій, женатый на извѣстной харьковской богачкѣ Надеждѣ Андреевнѣ Ковалевской. Какъ человѣкъ польской націи, обыкновенно гордый, онъ былъ помѣшанъ на богатствѣ, для котораго единственно и женился,—но со мною, по различнымъ столкновеніямъ, очень сблизился и отъ души любилъ меня, особливо послѣ того, какъ я выигралъ процессъ большой его пріятельницы Розетты Андреевны Миклашевской съ Калусомъ. Семейство его состояло изъ жены и двухъ племянницъ, Ѳеклы и Мари, большею частію проживавшихъ въ деревнѣ, лебединскаго уѣзда, село Будылка. Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Ивановичъ Ковалевскій, человѣкъ богатый, но скупой, ничего въ приданое ей не далъ, кромѣ предъ вѣнцомъ дома и на булавки 10000 руб.,—болѣе потому, что между ними не видѣлъ еще хорошей жизни, а дѣтей не было. Между тѣмъ Ольшевскіе, въ надеждѣ будущихъ благъ, жили роскошно и надѣлали долговъ, а чтобы отцу не кланяться, накупили имѣній, тоже въ долгъ, какъ напримѣръ, Будылку, за 30000 руб., въ коей числилось 57 душъ, и село Локощину съ 147 душами за 52000 руб., для чего заняли у помѣщика Манька 35000 руб., у кременчугскаго купца Смирнова 14000, да по тысячѣ-другой должны были многимъ. Кромѣ того, у Ольшевскаго было имѣніе въ могилевской губ., мстиславскаго уѣзда, родовое с. Кудричи, и у племянницъ д. Антоновка. Казалось, что съ устройствомъ имѣнія можно было и съ долгами разсчитаться, но судьба не дала этому человѣку счастья: онъ внезапно получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ Полтавѣ 8 ноября 1841 года, бывъ оплакиваемъ многими. Во время болѣзни, конечно, находилась и Надежда Андреевна, пожелавшая имѣть отъ мужа духовное завѣщаніе на уступку ей села Будылки, со всею движимостью, а племянницамъ доставалось все остальное

съ долгами имѣніе. Я писалъ завѣщаніе, Ольшевскій подписалъ, и я совершилъ послѣ его смерти въ полтавской гражданской палатѣ. Надежда Андреевна, женщина тогда лѣтъ 35, собой не хороша, но хорошо образованная, всегда мнѣ говорила, что племянницы покойнаго суть и ея племянницы, и она устроитъ судьбу ихъ, какъ нельзя лучше. Казалось,—все такъ и будетъ устроено, какъ слѣдуетъ; того не знаемъ, что Розетта Андреевна, которая, по польскому духу, была большая пріятельница Ольшевскому и у которой большею частію племянницы его проживали и дружились съ ея дочерьми, осталась духовною недовольна, какъ увидимъ дальше.

Одинъ разъ, отправясь отъ Надежды Андреевны на квартиру, вдругъ вижу—на меня издали машетъ рукою Василій Васильевичъ Короткевичъ, по службѣ мой товарищъ, губернскій казначей. Я остановился, онъ подбѣжалъ, запыхавшись, и своимъ пронзительнымъ дискантомъ съ иронической улыбкой прокричалъ:

— „А вы не знаете, что вашъ хваленый переяславскій казначей замотался? Сейчасъ поѣзжайте въ Переяславъ, уже вамъ пишется предписаніе“.

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ палату; а я пошелъ домой собираться въ дорогу. Не далѣе, какъ черезъ часъ, все было готово. Короткевичъ принесъ мнѣ предписаніе отправиться въ Переяславъ на слѣдствіе и вмѣстѣ исправлять должность казначея, прогоны и подорожную. Я послалъ за лошадьми, выпилъ бутылку шампанскаго и полетѣлъ на всю ночь.

По пріѣздѣ въ Переяславъ, засталъ я бывшаго казначея Котелнина на гауптвахтѣ. Онъ, предавшись пьянству и промотавши около 20000 руб. казенныхъ денегъ, наконецъ, вздумалъ послать въ Полтаву объ этомъ эстафету, а самъ явился къ городничему, прося посадить его на гауптвахту. Члены уѣздныхъ управленій поручили должность казначея засѣдателю уѣзднаго суда Соломкѣ, но этотъ господинъ должности не принималъ, почему я вынужденъ былъ вступить въ управленіе казначействомъ. Со мною пріѣхалъ контролеръ Лахманизовъ, и по счету не оказалось суммы общихъ доходовъ 19,487 руб. 8 к. и канцелярской суммы 695

руб. 33 коп. Всего 20182 руб. 41 к. Сумму эту размотали: казначей Котелнинъ, бухгалтеръ Черненко и журналистъ Кулинскій; они предъ ежемѣсячною и внезапною ревизіею членовъ, всегда ночью подчищали книги и показывали утраченныя деньги въ высылку, а чтобы была росписка почтмейстера, подводили въ книгѣ его руку. Къ несчастію, это искушеніе имъ подалъ самъ почтмейстеръ Тимченко, который, по старости и болѣзненности, не могъ дѣлать всю пропись самъ, какъ напримѣръ: „оные деньги столько то рублей для отправленія туда то, получилъ"—а токмо могъ подписать фамилію: „почтмейстеръ Тимченко", пропись же всю дѣлалъ Черненко тонкимъ шрифтомъ, такъ что послѣ удобно ее вытереть и, выбравши деньги, дѣйствительно отправить ту же сумму. Такія же статьи показывали и въ другія мѣста, какъ напримѣръ: на архіерейскій домъ или въ думу, и подпишутъ какого-нибудь протоіерея или голову. Ну, и смотримъ,—подпись есть, счетъ выходитъ прихода съ расходомъ. Придетъ ли кому въ голову итти справляться на почту, или въ архіерейскій домъ? При томъ же, всѣ эти чиновники, люди молодые, семейные, отстраняли отъ себя всякое подозрѣніе, такъ что никогда нельзя было подумать, чтобы человѣкъ, нѣжно любящій свою семью и дорожащій службою, могъ рѣшиться на воровство, влекущее за собою ссылку. Практика эта удивительная! Какъ трудно иногда вѣрить человѣку! И, значитъ, почти нельзя вѣрить, не узнавши его долго, долго. Пословица не напрасно вышла: „чтобы человѣка узнать, нужно съ нимъ вмѣстѣ съѣсть 40 пудовъ соли". Ну, пусть же я ошибся, ревизуя переяславское казначейство разъ въ годъ, и какимъ образомъ находилъ всегда полную сумму—не помню; но удивляться должно, какъ они надували ежемѣсячно всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, и эти не замѣтили плутней, хотя бы то по образу жизни ихъ!

При слѣдствіи оказалось, что они, кромѣ росписокъ, которыя подводили подъ чужія руки, показывали еще и ту сумму, которую собирали отъ приносящихъ подати и другіе сборы, а въ книгу ихъ не вводили и квитанцій не выдавали до двухъ и трехъ дней, замѣняя между тѣмъ этими деньгами недостачу на

время ревизіи. Не знать этого—не мудрено, когда все казначейство въ заговорѣ.

Примѣръ этотъ впослѣдствіи послужилъ министерству поводомъ къ распоряженію, чтобы, кромѣ росписки въ книгѣ, получателю денегъ выдавали особыя росписки. Теперь вездѣ на почтѣ онѣ печатныя.

Между тѣмъ, по моему представленію, командированъ мнѣ въ помощь другой ассессоръ, Федоренко, для совмѣстнаго слѣдствія, которое, по окончаніи, вмѣстѣ съ преступниками отослали въ уголовную палату. Во время нашего пребыванія въ Переяславѣ, я пользовался хорошими пріемами въ домѣ окружнаго Словатинскаго, уѣзднаго врача Стаховскаго, архіерея Гедеона, очень любезнаго и умнаго человѣка; стряпчій Рева былъ съ нами тоже хорошъ; прочіе чиновники оставались недовольны, и изъ нихъ засѣдатель Соломка подалъ на меня доносъ министру за пристрастіе къ Котелнину; но, по объясненіи моемъ, доносъ этотъ остался безъ послѣдствій, а наложенное на всѣхъ ихъ по частямъ за растраченную сумму взысканіе, по манифесту 1841 года, скоро сложено.

Этотъ случай научилъ меня прозорливости; я началъ узнавать людей насквозь [1]). Федоренко здѣсь женился, и мы, поживши въ Переяславѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, уѣхали благополучно въ Полтаву и вступили въ обычный строй жизни.

Выше мы сказали, что я оставилъ Надежду Андреевну, вдову, конечно, въ слезахъ и траурѣ. Она меня ждала и поручила всѣ свои дѣла моему распоряженію. Мы съ нею отправились въ Будылку, гдѣ были мнѣ представлены двѣ племянницы Ольшевскаго, еще не успѣвшія со мною познакомиться лично, но уже обо мнѣ извѣщенныя ихъ дядей, а нынѣ рекомендовала меня и тетушка ихъ. Изъ нихъ старшая Текля, брюнетка съ голубыми глазами, была стройна и вполнѣ красавица, но серіозна; меньшая Мари, блондинка съ золотистыми волосами, съ голубыми же глазами, стройна, румяна, но чрезвычайно весела

[1]) Въ 1860 году, 18 декабря, [illegible]динъ изъ моихъ пріятелей, служащій въ иностранной цензурѣ, Кроль, на вопросъ мой о новостяхъ, отвѣчалъ: „Начто вамъ наши новости, когда вы знаете впередъ за 200 лѣтъ, что будетъ?“

и мила. Эти сестры были совершенно какъ два полюса, какъ бы не родныя,—такъ онѣ отличались всѣмъ одна отъ другой. Между тѣмъ различіе состояло еще въ томъ, что Теклю любила Надежда Андреевна, а Мари любила Розетта Андреевна Миклашевская и дочь ея Юзефина, впослѣдствіи вышедшая за генерала Мазуркевича. Дѣвушки эти воспитывались сначала въ могилевской губерніи въ г. Мстиславѣ, въ пансіонѣ швейцара Баера, но по смерти родителей, дядя ихъ, Данило Францовичъ, взялъ къ себѣ и поручилъ окончить воспитаніе Надеждѣ Андреевнѣ. Текля почти у нея заняла всѣ манеры, а Мари большею частью проживала въ домѣ Миклашевской, въ с. Васильевкѣ, и много позаимствовала отъ образованной Юзефины.

Въ Будылкѣ съ Надеждой Андреевной мы почти были вдвоемъ; ѣздили въ Васильевку. Я долженъ былъ развлекать вдовушку, замѣтя, что ей нравились похвалы ея наружности и въ особенности ея нарядамъ. Она даже толковала уже и о томъ, что когда ея отецъ умретъ, то мы уѣдемъ заграницу. Но, грѣшный человѣкъ, мнѣ уже такая наглость начинала надоѣдать, и я (того бѣдняжка вдовушка не знала) тамъ же, въ ея домѣ, написалъ комедію: „Еще утѣшенная вдова“, гдѣ она выставлена въ совершенствѣ. Я читалъ эту комедію въ Василевкѣ, и Розетта Андреевна была въ восхищеніи.

Въ это время, какъ я съ Надеждой Андреевной разбирали въ Будылкѣ дѣла, на меня возстала буря. Розетта Андреевна, прочитавши духовную Ольшевскаго, нашла, что будто племянницы обижены, т. е. возложены на нихъ всѣ долги, а потому, и по польскому соціализму, приняла участіе—поѣхала въ Полтаву и разжаловалась бывшему тогда генералъ-губернатору князю Василію Васильевичу Долгорукову, съ женою, котораго полькою, (разводка отъ виленскаго губернскаго предводителя Забелло), была дружка, и на меня всѣ напустились, что называется, лихою волею. И вотъ для защиты меня явилась Надежда Андреевна. Я былъ между двухъ огней. Но хитрая Розетта Андреевна дала дѣлу другой оборотъ: она со мной повидалась, просила отмѣнить духовную и пріѣхать въ Василевку. Надежда Андреевна тоже просила къ ней прежде пріѣхать. Обѣ что-то хотѣли мнѣ сказать и съ

двусмысленнымъ прощаньемъ уѣхали изъ Полтавы по деревнямъ. Я остался въ раздумьи.

Наступилъ 1841 годъ. Я уѣхалъ въ лохвицкій уѣздъ на именины 1-го января къ Василію Ивановичу Паульсону, какъ сослуживцу. Это былъ человѣкъ образованный, единственный сынъ у богатыхъ родителей, имѣлъ музыку, и мы у него цѣлую недѣлю провели отлично. Тамъ я, между прочимъ, написалъ комедію, подъ заглавіемъ „Лукичъ“, которую читалъ въ залѣ гостямъ Паульсона и посвятилъ ему ее въ знакъ памяти.

Отселѣ я выѣхалъ къ Крещенію въ Будылку. Меня здѣсь ожидали съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Накрытъ былъ столъ на 4 куверта. Тетушка очень обрадовалась моему пріѣзду и сочла за счастливое предзнаменованіе то, что пріѣхалъ 4-й членъ семейства, такъ какъ ихъ было только трое, т. е. она и двѣ племянницы. Въ Малороссіи соблюдается обычай, чтобы на кутью, т. е. наканунѣ Рождества и Крещенія (первая называется „тайная вечеря“. а вторая „постная“, или „голодная вечеря“, когда цѣлый день ничего не кушаютъ), за вечерей чтобы сидѣли „до чоту“, т. е. до пары. Крещеніе мы провели по обыкновенію: были въ церкви, на Іордани, т. е. ходили съ крестнымъ ходомъ на рѣку освящать воду, послѣ обѣда катались, а на третій день отправились въ Василевку, къ Розеттѣ Андреевнѣ, у которой не токмо по праздникамъ бывало много гостей, но и будни превращались въ праздники. Это былъ домъ чисто страннопріимный. Имѣніе—цѣлое герцогство. На пространствѣ 60,000 десятинъ земли самой плодородной почвы жили 4000 д. крестьянъ въ разныхъ деревняхъ. Къ господскому хозяйству принадлежало 40 тысячъ овецъ, 1000 коровъ, лошадиный заводъ, тысячъ пять скота, нѣсколько винокуренъ, селитренныхъ заводовъ, различныя ковровыя, холстяныя фабрики и превосходное огромное хлѣбопашество. Всякій день найдете гостей не менѣе дюжины, и всякій день можно было составить кадриль съ пикниками. Для каждой семьи особое помѣщеніе и угощеніе. Вы можете судить объ огромномъ съѣздѣ только по одному тому, что для гостинныхъ лошадей выходило въ годъ 4 тысячи четвертей овса. Иные гости жили здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ и даже по году.

Мы ѣхали въ Василёвку въ двухъ экипажахъ: Текля и Мари съ дѣвушкой въ кибиткѣ, а я съ Надеждой Андреевной въ двумѣстной каретѣ, и представьте странность—мы ѣхали ночью за 35 верстъ разстоянія отъ Будылки до Василёвки. Сидѣли въ каретѣ мы при тускломъ свѣтѣ фонаря, но разговоръ вели обыденный, сколько ни хлопотала Надежда Андреевна вытянуть у меня умильное словечко и сама рисовала чрезвычайно красивые планы. Вы, можетъ быть, подумаете, какъ это возможно вдовѣ молодой, тонной, ѣхать ночью вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ тѣсной каретѣ!... Это ужасно!... Но успокойтесь, я васъ увѣряю, что у насъ ничего не могло произойти нескромнаго,—я скоро уснулъ въ углу кареты и проснулся лишь въ Василёвкѣ. Правда, меня часто будили и даже говорили: какъ не стыдно молодому человѣку спать? но я не догадывался, къ чему относились эти слова—мнѣ казалось, что хлопотали о моемъ здоровьи, и полусонный я говорилъ нескладные комплименты, на мгновеніе утѣшавшіе вдову въ скучной поѣздкѣ, уклоняясь отъ интимностей, которыя Надежда Андреевна навязывала. Она была отъ природы кокетка, но, къ чести ея, институтское воспитаніе, привившее ей, какъ и другимъ дѣвушкамъ, религіозное чувство, даже до фанатизма, парализировало всякія нахальныя побужденія. Я полусонный иногда вслухъ разсуждалъ, что женщины самолюбивѣе мужчинъ, что у нихъ до крайности развита страсть ко владычеству надъ мужчинами, хотя бы въ вопросѣ жизни это могло называться нескромностью. Воспитаніе ихъ устроено по методѣ поверхностной, не русской; француженки, большею частью управляющія нашими институтами и пансіонами, хлопотали объ одной выправкѣ и наружной культурѣ, внушая дѣтямъ высшій тонъ и блестящую будущность, подвергая насмѣшкамъ насущную потребность—знаніе хозяйственной и экономической жизни, представляя все это въ грязномъ видѣ. Мнѣ пришлось даже говорить и о томъ, какъ институтки пьютъ уксусъ и кушаютъ мѣлъ, горькій миндаль и тому подобныя снадобья, чтобы казаться блѣдными, какъ говорятъ, въ аглицкомъ вкусѣ,—конечно, подражая физіогноміи какой-либо тощей и сухой своей наставницы. Красное лицо они называли купчихой. Отъ

этого рѣдкая институтка привыкала къ скромной жизни. Но Надежда Андреевна меня оспаривала и хотя вполовину согласилась, однако осталась при своемъ мнѣніи, что это составляетъ лучшій тонъ, нежели быть простушкой. У всякаго свой вкусъ, говорилъ я, и вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ между нами остался не рѣшеннымъ, когда мы подъѣхали къ крыльцу дома Миклашевскихъ. Здѣсь еще не спали. Розетта Андреевна встрѣтила насъ съ веселымъ видомъ и очень шутила на счетъ дружбы нашей съ Надеждой Андреевной.

Обыденная жизнь въ Василёвкѣ, какъ я имѣлъ уже случай говорить объ ней, шла такимъ же порядкомъ: завтраки, обѣды, гулянья, игры, музыка, ужины, иногда танцы и карты. Сама хозяйка, шестидесятилѣтняя женщина, бывшая нѣкогда красавицей, была душою общества. Мужъ ея, почтенный человѣкъ, Петръ Ивановичъ, женясь на ней, вдовѣ [1]), записалъ ей все свое состояніе и жилъ спокойно, ни во что не вмѣшиваясь, лишь въ его распоряженіи были повара и столъ. Розетта Андреевна правила всѣмъ. Тогда находились при ней дѣти: дочь Юзефина и сыновья Алексѣй и Николай Тимофеевичи. Вотъ общество, въ которомъ я часто проводилъ время и учился познавать свѣтъ и людей.

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Полтаву; меня просили въ Василёвку на масляную. Къ просьбѣ Розетты Андреевны присоединилось прошеніе и одной изъ племянницъ, Мари. Нельзя же было отказать!

По возвращеніи въ Полтаву я нашелъ нѣсколько посланій отъ Татьяны Дмитріевны. Она писала, что въ ней поселилась ревность къ новому моему знакомству съ Ольшевскими, и потому она желала бы успокоить свое сердце, провѣривъ слухъ съ собственнымъ моимъ признаніемъ, для чего она и пріѣхала въ Полтаву. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ ней. Казалось, при свиданіи мы бросимся другъ къ другу съ искреннимъ чувствомъ, а встрѣтились—и отступили; поздоровались очень цере-

[1]) Розетта Андреевна первымъ мужемъ имѣла надворнаго совѣтника Тимоѳея Ивановича Богаевскаго, бывшаго чиѳномъ радзивиловской таможни; съ нимъ имѣла дѣтей: двухъ дочерей и двухъ сыновей.

монно, посидѣли очень жеманно, поговорили о слухахъ, затронули самолюбіе и разошлись.

Зачѣмъ она звала меня? я задавалъ себѣ вопросы. Такая натянутость меня мучила. Предложу ей замужество, такъ и быть!—вѣроятно она этого только и ожидаетъ. Положимъ, прежде она мнѣ почти отказала, потому что жива была ея матушка—женщина стариннаго вѣка, не дозволявшая ей выходить вторично замужъ, страшая, что и второй мужъ будетъ таковъ же, какимъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ; но теперь, должно быть, все это забыто, и хотя привычка ея къ свободѣ и къ своего рода капризамъ, напримѣръ: любовь къ собачкѣ, цѣлый полкъ дѣвокъ и лакеевъ, тьма странностей,—меня пугали, но я думалъ, авось все это исправлю моею любовью къ ней, послушаніемъ, что называется—лягу подъ башмакъ. Я твердо вѣрю, что женщина любящая больше насъ мучитъ; ей хочется наслаждаться до безграничности, у нея нѣтъ мѣры удовольствіямъ—она вся превращается въ восторгъ. Мужчина, напротивъ, достигнувъ любви, величается побѣдою, и довольный, небрежно куритъ сигару. Вотъ такъ и припомнить безсмертнаго Пушкина:

„Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился,
Безмолво раболѣпный хоръ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.

Такъ уже природа создала родъ человѣческій, чтобы женщина ласкалась къ мужчинѣ, а у насъ перевоспитали женщинъ,—женщины взяли верхъ. Конечно, я не допускаю восточнаго тиранизма и гаремовъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на патріархальную чету, съ христіанскимъ направленіемъ, такъ называемаго средняго круга, гдѣ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до старости мужъ жену называетъ: „Наталія Васильевна, моя голубушка“, а жена мужа величаетъ „Василіемъ Петровичемъ, своимъ ненаглядным“, которые при свидѣтеляхъ не цѣлуются, но за то и безъ свидѣтелей не дерутся. При этихъ мысляхъ мои идилліи и фантазіи о прелести женщинъ превращаются въ обыкновенную прозу. Лучше жениться, думалъ я, на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которую можно направить по своему характеру

или по общечеловѣческому плану, нежели на капризной вдовѣ. Однако, черезъ нѣкоторое время, такъ сказать, при первомъ случаѣ, я отправился къ Татьянѣ Дмитріевнѣ и на этотъ разъ смѣло предложилъ ей свою руку и сердце...

Смущеніе, нерѣшительность, что-то въ родѣ досады пробѣжало по лицу Т. Д. Казалось, она боролась между привязанностью и страхомъ. Она боялась подчиниться человѣку, котораго уже поняла хорошо. Ей представлялась ужасная перспектива— разстаться съ свободой и любимыми привычками. Значитъ, расчетъ, разсудочность заступили мѣсто увлеченій и минутныхъ наслажденій, за которыя люди не рѣдко расплачиваются жизнью. Матеріализмъ вполнѣ овладѣлъ моей вдовушкой, и при посредствѣ ханжества она уже нашла, что самую страстную любовь побѣждать можно. Такъ и поступлено. Мнѣ наотрѣзъ сказали: „Если не хотите моей любви, то женитесь на комъ угодно“. Я всталъ, поклонился и ушелъ.

Уже больше мы съ Татьяной Дмитріевной не видѣлись. Черезъ годъ ровно она умерла и все имѣніе отписала на церкви. Характеръ удивительный!... Вѣчный ей покой!...

Наступила масляная недѣля 1842 года; я отправился въ Василевку еще предъ масляною, поспѣшилъ потому, что обѣщалъ дѣвушкамъ Ольшевскимъ и Надеждѣ Андреевнѣ съѣздить въ Бѣлоруссію осмотрѣть тамошнія ихъ имѣнія и разсмотрѣть дѣла.

Въ Василевкѣ я нашелъ уже всѣхъ ихъ. Изъ дѣтей Розетты Андреевны оставался дома Николай Тимофеевичъ, а Юзефина гостила въ Харьковѣ у княгини Долгоруковой. Недѣлю цѣлую я собирался ѣхать въ Бѣлоруссію, но меня удерживали, откладывая поѣздку день ото дня подъ различными предлогами. Между тѣмъ примѣтно стала за мной ухаживать меньшая племянница Ольшевской, Мари, безпрестанно со мною лепетала, пѣла и играла, особливо когда узнала, что я люблю музыку. Со мною въ одной комнатѣ присосѣдили одного изъ пріятелей Розетты Андреевны, Ухацкаго, для вывѣдокъ. Этотъ господинъ всячески ухитрялся, чтобы узнать мое мнѣніе о дѣвицахъ, и видимо желалъ направить мое сердце въ пользу Мари: но уже

я, изучивъ людей, понялъ, какъ ему отвѣчать, въ родѣ того: онѣ обѣ отличныя дѣвушки, одинаково образованы и любезны, такъ что трудно мнѣ отличить между ними которую-либо и т. п. На вопросъ: „Женитесь ли вы когда?“, я отвѣчалъ отрицательно, такъ что Ухацкій послѣ нѣсколькихъ попытокъ донесъ покровительницѣ амурныхъ продѣлокъ, что на меня разсчитывать нѣтъ никакой надежды.

Но Розетта Андредвна не теряла надежды: она принялась аттаковать меня еще съ большей энергіей. Разъ, въ пылу самаго веселаго разговора, она меня спросила по-польски: отчего я не женатъ? Я экспромтомъ отвѣтилъ:

— Оттого, что невѣсты не объясняются! т. е. я самъ никогда не посмѣю объясниться.

— Неужели это случается? спросила Р. А.

— Отчего-же? Если мужчина можетъ признаніе объявить дѣвушкѣ, то и обратно можно ожидать признанія. Неужели же любить стыдно? Я полагаю, напротивъ, вредно скрывать чувства, особливо дѣвушкамъ, по натурѣ слабѣйшимъ твореніямъ, отъ чего онѣ могутъ болѣе страдать. Иначе можно думать, что въ въ дѣвушкахъ притворщицы всѣ, а въ женахъ обнаруживаютъ иной характеръ.

Какъ ни стояла Миклашевская противъ этихъ доводовъ, однако за мысль мою схватилась и успѣла привести ее въ исполненіе. Случай представился, или у нихъ былъ заговоръ, но меня поймали такъ:

Въ субботу на масляной я объявилъ, что завтра ѣду. Это приняли какъ бы за серіозный вызовъ, и Розетта Андреевна, показывая видъ заботливости о приготовленіяхъ къ моему отъѣзду, какъ водится, приказывая повару разныя для моей дороги печенія, съ улыбкою просила провести этотъ вечеръ въ ея кабинетѣ, дабы уединясь потолковать о дѣлахъ сиротъ, какъ она выразилась о сестрахъ Ольшевскихъ. Послѣ ужина я былъ приглашенъ на аудіенцію, но здѣсь нашелъ чинно сидящихъ: Розетту Андреевну, Надежду Андреевну и Мари, противъ которой сѣлъ и я. Разговоръ начался о дѣлахъ, и когда я доказалъ, что нужно мнѣ поспѣшить съ отъѣздомъ и выѣхать непремѣнно

завтра, тѣмъ болѣе, что дорога портится и я могу быть задержанъ безпутицею,—то Мари отозвалась съ своею живою рѣчью:

— Извините, вы завтра не уѣдете, васъ не пустятъ.

— Кто же меня можетъ удержать и по какому праву? спросилъ я.

— Я, по праву вашей вѣрительницы [1]), отвѣчала Мари; я могу располагать вами, какъ моимъ повѣреннымъ, сохраняя ваше здоровье, которое для меня очень дорого.

Слова эти были произнесены такъ хорошо, какъ говоритъ только чистая и нелицемѣрная душа, такъ что вся моя схоластика перевернулась вверхъ дномъ и превратилась въ гуманность.

— Когда же мнѣ прикажете ѣхать? спросилъ я.

— Когда васъ попросятъ, съ улыбкой отвѣтили всѣ три собесѣдницы.

— Ваши дѣла отъ замедленія могутъ пострадать.

— Ничего не потерпятъ дѣла, лишь бы вы были здоровы.

— Зачѣмъ же вы такъ хлопочете о моемъ здоровьи, когда я совершенно здоровъ?

— Затѣмъ, сказала Мари, что я васъ люблю!—Сказавъ это, Мари вспорхнула и ушла.

— Браво, браво! воскликнула Розетта Андреевна. Вы ожидали отъ дѣвушки объясненія, и вотъ оно—самое искреннее, самое живое, и я не нахожу въ этомъ ничего дурного.

Тетушка нахмурилась: ей, можетъ, это было неожиданно и для ея самолюбія обидно; но на меня признанье подѣйствовало благотворно. Я сидѣлъ, какъ бы сконфуженный, въ душѣ моей отозвалось что-то пріятное. Такое доброе созданіе должно было показать, что дѣйствительно меня любитъ, и, если судьба мнѣ прикажетъ быть ея мужемъ, то я не могу ожидать упрека, который часто повторяется между мужьями и женами, составившими союзъ по расчету: „Я васъ не просила на мнѣ же-

---

[1]) Она съ сестрою давно мнѣ дали довѣренность на управленіе имѣніями и дѣлами.

ниться“ и тому подобное. Такъ я сидѣлъ и погружался въ размышленіе.

— Поздравляю, поздравляю! перебила мои думы Розетта Андреевна. Вы отъ слова не откажетесь: я знаю, вы благородный человѣкъ. Вы сами сказали, что, если дѣвушка объяснится, вы женитесь. Чего же больше? Я вамъ рекомендую дѣвушку превосходную, достойную васъ невѣсту. Не правда-ли... а?...

Разстроенный, сконфуженный, какъ-то пріятно обманутый,— я всталъ, пожелавъ имъ покойной ночи, и ушелъ, пожавъ имъ руки.

Весь слѣдующій день—это былъ уже постъ—я провелъ грустный. Меня старались успокоить и даже сказали: „Если вы ужъ такъ настойчивы, мы вамъ не препятствуемъ ѣхать въ Бѣлоруссію, но съ условіемъ, какъ можно скорѣе возвращаться“.

Во вторникъ на первой недѣли поста, снабженный всевозможными пирожками и паштетами, я выѣхалъ на почтовыхъ и въ четыре дня доѣхалъ до Мстиславля, а оттоль въ шести верстахъ имѣніе Ольшевскихъ, Кудричи. Здѣсь арендовалъ имѣніе титулярный совѣтникъ Романъ Семеновичъ Шведовскій, претендентъ также къ меньшой владѣтельницѣ, но получившій отказъ; онъ принялъ меня радушно, какъ повѣреннаго своихъ же довѣрительницъ. Между дѣломъ познакомилъ у себя съ гостями, мстиславскимъ окружнымъ, полковникомъ Баумгарти Баумгарти, и ближайшимъ сосѣдомъ Самуиломъ Карповичемъ Илличемъ. Въ Мстиславлѣ бывали клубы, изъ коихъ въ одномъ былъ я съ Шведовскимъ и видѣлъ первый разъ въ жизни, какъ танцовалъ полковникъ Крагельскій съ одною полькою краковякъ.

Обозрѣвъ имѣніе Кудричи и Антоновку и получивъ полное понятіе о дѣлахъ, я на второй недѣлѣ поста выѣхалъ чрезъ Рославль и на той же недѣлѣ явился въ Василевку. Здѣсь меня встрѣтили по прежнему—отлично, и какъ я спѣшилъ въ Полтаву, то и не удерживали, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ къ Свѣтлому празднику въ Василевку; а Надежда Андреевна приглашала къ себѣ въ Будылку, давая замѣтить, что Пасху съ родными, ка-

кимъ она меня считала по дружбѣ съ ея мужемъ, встрѣтить приличнѣе, а оттоль предлагала ѣхать въ Василевку вмѣстѣ.

Кому отдать предпочтеніе, я не рѣшилъ, бывъ занятъ моей поѣздкой въ Полтаву. Пріѣхавъ, здѣсь я занялся прежде всего дѣлами и нашелъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Полтавскаго уѣзда, село Локощина съ 147 душъ крестьянъ и 1 тыс. десятинъ земли. На ней долговъ:

Приказу	28,000	руб.
Коллежскому совѣтнику Маньку	37,000	„
Купцу Смирнову	14,000	„
Помѣщику Бродскому 1000 р., полковнику Веселовскому 2200 р., полковнику Вакслунду 2300 р., нѣмцу Эпфнеру 2100 р., помѣщику Пащенку 1000 р., капитану Гончарову 2500 р., нѣмцу Эптеру 2700 р., помѣщику Лесевицкому 2100 р. полковнику Кутузову 1500 р., экономкѣ Невѣровичевой 500 р. и итого	16,900	„
b) Харьковской губерніи, лебединскаго уѣзда, село Будылка съ 57 душъ и 500 десят. земли, записанная Надеждѣ Андреевнѣ съ движимостью. На ней долгу Андрею Ивановичу Коваиьку . .	35,000	„
с) Могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ, сельцо Кудричи и деревня Антоновка съ 99 душъ и 1100 десятинъ земли. На нихъ долгъ Банку	19,400	„
Да арендаторъ Шведовскій объявилъ претензію въ	2,000	„
Разныхъ мелочныхъ долговъ на	1.000	„
Всего . . .	153,300	„

А имѣнія всего 303 души, если оцѣнить, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ 700 р. душа, maximum стоитъ 211,100 р.

Сообразивъ все это, дружбу Даніила Францовича, желаніе Розетты Андреевны, которую я отъ души уважалъ, и наконецъ истинную любовь Мари, я рѣшилъ жениться и спасти достояніе, безъ этого могущее совершенно разориться. Между тѣмъ мнѣ нужно было разрушить и мнѣніе публики, что духовную я со-

ставилъ въ пользу Надежды Андреевны. На этомъ основаніи я купилъ коляску, одѣлъ кучера, лошади у меня были,—и на послѣдней недѣлѣ отправился прямо въ Будылку, полагая навѣрное встрѣтить у тетушки и племянницъ.

Но между тѣмъ, какъ я въ Полтавѣ хлопоталъ цѣлый постъ по дѣламъ, Надежда Андреевна увѣрила Мари, что я пріѣду къ празднику не въ Будылку, а въ Василевку, поэтому она и переѣхала туда, не полагая, чтобы здѣсь сокрытъ былъ умыселъ, какъ впослѣдствіи оказалось. Надежда Андреевна задумала меня атаковать и сбыть соперницу, тѣмъ болѣе, что она ее и прежде не жаловала.

Ничего этого не зная, какъ сказалъ, я спѣшилъ въ Будылку въ самую великую пятницу. Тетушка была очень довольна, но крѣпко ошиблась, ибо предметъ мой составляла не она, и я, не найдя здѣсь Мари, примѣтно былъ недоволенъ. На вопросъ мой, гдѣ Мари, Надежда Андреевна отвѣчала, что она уѣхала на короткое время къ Р. А. и, вѣроятно, ее удержала распутица. И дѣйствительно, въ мартѣ тамъ уже распускаетъ рѣка и снѣгъ совершенно пропадаетъ. Дѣлать было нечего, приличіе требовало скрыть досаду, тѣмъ болѣе, что любезная хозяйка сама за мной ухаживала и даже расшевелила серіозную Теклю.

Въ то же время, какъ мы въ Будылкѣ грустимъ и приготовляемся къ празднику, Мари, по увѣренію тетушки, ожидала меня въ Василевкѣ,—но вдругъ поутру въ Великую субботу взбунтовалась. Она схватилась съ постели, вбѣжала полуодѣтая въ спальню къ Розеттѣ Андреевнѣ и разсказала сонъ, въ которомъ ясно видѣла, что вчера, т. е. въ пятницу, я пріѣхалъ въ Будылку и очень остался недоволенъ, не найдя ея; поэтому она и просила тотчасъ ее туда отправить. Сколько ее ни уговаривала Р. А. и Петръ Ивановичъ, представляя невозможность переплыть двѣ рѣки, Пселъ и Сулу, довольно широкія и быстрыя рѣки и особенно тогда, въ разливѣ,—но ничто не остановило героиню. Запрягли кибитку въ 5 лошадей, и Мари, что называется, поплыла.

Когда Мари перебиралась чрезъ рѣки и овраги, то вплавь, то на утлыхъ лодочкахъ, при всей однако боязни къ водѣ,—

мы въ Будылкѣ ничего не знали и суетились съ приборами, какъ обыкновенно въ Малороссіи водится—пекутъ Пасхи, папушники готической величины, жарятъ всевозможную живность и дичь, красятъ яйца, пишутъ писанки и устанавливаютъ все это на огромныхъ столахъ. Уже вечерѣло, кажется благовѣстили въ церкви на такъ называемое „дѣяніе“, какъ въ это время въѣзжаетъ на дворъ кибитка, и съ нея выскакиваетъ Мари и съ быстротою серны вбѣгаетъ въ комнаты. „Bonjour, ma tante, bonjour, ma soeur!“ кричала обнимая ихъ. Далѣе влетѣла въ гостинную, гдѣ сидѣлъ я, чуть не бросилась мнѣ на шею. Предметъ ея сидѣлъ спокойно и читалъ книгу; она схватила меня за руку и пожала руку.

— Какъ я счастлива, что нашла васъ здѣсь!

Она пересказала мнѣ и вошедшимъ въ гостинную тетушкѣ и Теклѣ все живо и подробно, какой ей снился сонъ, какъ она просила Розетту Андреевну и Петра Ивановича отпустить ее, какъ перебиралась и топилась, и заключила словами:

— Этимъ я доказала, что люблю васъ!

Ея лицо сіяло радостью и какою-то воодушевленной гордостью, приличною побѣдительницѣ стихій. Держа ея руку, я благодарилъ ее за чувства и первый разъ поцѣловалъ ее. Весь вечеръ мы провели неразлучно и, какъ водится между влюбленными, разговорамъ не было конца. Здѣсь вполнѣ высказался ея умъ и обнаружилось доброе и нѣжное сердце... Насъ, по обыкновенію, въ 12 часовъ ночи позвали на всенощную. Я слушалъ ее съ особеннымъ благоговѣніемъ; въ концѣ заутрени, по обыкновенію же, мы должны были христосоваться, и мнѣ пришлось кстати поцѣловать Мари, какъ ангелъ благовѣстилъ Богородицу, ибо этотъ годъ праздникъ Пасхи какъ разъ случился 25 марта, т. е. на Благовѣщеніе. Потомъ слушали обѣдню. Мы видѣли, какъ священникъ кропилъ святою водою пасхи, съ разными припасами, разставленныя въ нѣсколько рядовъ вокругъ церкви, и какъ потомъ каждый поселянинъ спѣшилъ съ этими яствами домой, чтобы всей семьей вкусить уготованнаго агнца и сладкаго хлѣба. Мы также отправились домой, гдѣ пасха освящена была еще наканунѣ праздника.

По обычаю, издревле здѣсь установленному, мы, вышедши отъ обѣдни, кажется, въ 5 часовъ утра, уже завтракали, т. е. сначала ѣли такъ называемую пасху, потомъ яйца, сыръ и далѣе по-немножку всякаго мяса, пили чай и, можно сказать, весь день закусывали, то садились отдыхать. Само собою разумѣется, мы почти были неразлучны съ Мари, и я рѣшился въ тотъ же день объявить тетушкѣ и сестрѣ о моемъ предложеніи, спросивъ предварительно согласія самой Мари. Когда я предложилъ ей быть спутницей жизни, она схватила мою руку и поцѣловала. О, скажутъ молодыя дѣвушки, какая простенькая эта Мари!— но я совѣтую вамъ, барышни, подражать этой простенькой въ подобныхъ случаяхъ. Мари отъ этого ничего не потеряла, а доказала кротость и ангельскую душу, о которыхъ всѣ твердятъ, а рѣдкая ихъ имѣетъ, тогда какъ это существенная и главная нравственная черта дѣвушекъ. За то я ее поцѣловалъ крѣпко, и мы объявили тетушкѣ о нашемъ сговорѣ.

Вы можете представить физіономію, пораженную неожиданно громомъ! Въ такомъ состояніи была Надежда Андреевна при нашемъ объявленіи. Она закрыла лицо руками, придумывала, что намъ сказать, и вмѣсто поздравленія, открывъ лицо, открыла вмѣстѣ и уста съ провозглашеніемъ:

— Я должна предупредить васъ, Иванъ Ивановичъ, что у Мари ничего нѣтъ изъ гардероба, а у меня развѣ какой старый найдется чепчикъ.

— Если только объ этомъ идетъ рѣчь, возразилъ я, то прошу васъ не безпокоиться. Мнѣ токмо нужно ваше согласіе, какъ главной родственницы моей невѣсты, а тамъ уже я самъ похлопочу о приданомъ.

Не помню, что на это отвѣчала тетушка—ушла въ свой кабинетъ и заперлась; а черезъ четверть часа летѣлъ уже гонецъ къ Розеттѣ Андреевнѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Многоуважаемая Розетта Андреевна! Г. Сердюковъ объяснился Мари, думаетъ на ней жениться. Но вы знаете, какъ это трудно устроить, когда у нея ничего нѣтъ. Онъ говоритъ, что самъ все сдѣлаетъ, а у меня, вы знаете, тоже ничего нѣтъ. Я никакъ не ожидала этой партіи, и полагаю, на это не согласитесь ни

вы, ни Юзефина Тимофеевна, и рада буду, если это не состоится. Мнѣ кажется, этого нельзя не желать. Вамъ преданная Н. Ольшевская. 26 марта 1841 г.

Розетта Андреевна, получивши это письмо, тотчасъ написала съ эстафетою въ Харьковъ Юзефинѣ и полученный отъ нея отвѣтъ по-французски препровождала ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Надежда Ивановна увѣдомила меня о сдѣланномъ вами предложеніи Мари. Поздравляю васъ отъ души и очень радуюсь вашему выбору: я знаю Мари хорошо и надѣюсь, что она вполнѣ можетъ составить ваше счастье и сама равно будетъ счастлива. Если вы затрудняетесь на счетъ свадьбы, то, при тѣснотѣ дома Надежды Андреевны, можете располагать въ Василевкѣ. Пріѣзжайте, обо всемъ потолкуемъ. Отъ Юзефины полученное письмо на счетъ васъ препровождаю для прочтенія. Всегда къ вамъ усердная Р. Миклашевская". Юзефина по-французски отвѣчала матери, что предложеніе мое не токмо для Мари, но считаетъ счастливымъ и для ихъ дома.

Отвѣтъ чрезвычайно не понравился тетушкѣ. Она ждала писемъ въ другомъ смыслѣ. Но дѣло объяснено, и она, вмѣсто хотя бы притворнаго участія, начала съ нами ссоры, давая разумѣть, что съ выходомъ Мари замужъ отказывается отъ всякаго участія въ дѣлахъ племянницъ. Такая перемѣна рѣшительно меня вооружила противъ тетушки. Бѣдная Текля, предубѣждаемая нынѣ противу меня, также страдала, тѣмъ еще болѣе, что, по словамъ ксендза, Мари, какъ католичкѣ, выходъ за русскаго предзнаменовалъ будто несчастіе. (На этотъ разъ ксендзъ совралъ—мы жили превосходно). Одна Мари не унывала и пѣла, а это тетушку бѣсило до ревности. При такомъ вступленіи нужно было самимъ хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего я съ Мари уѣхалъ въ Василевку для совѣщанія съ Розеттой Андреевной.

Въ Василевкѣ рѣшили вѣнчаться 13 мая 1841 года, въ Будылкѣ, дабы не обезславить тетушки. Я же взялся приготовить все нужное къ вѣнцу. Для этого отправился въ Полтаву и уже 14 апрѣля прислалъ къ Мари приданое при слѣдующемъ

регистрѣ: 26 аршинъ матеріи григро на два платья, одно голубое, другое темновишневое, аделаидъ, по 8 руб.—208 руб.; 3 штуки ивановскаго холста—60 руб.; 1 штука голландскаго, Вебе—220 р.; 1 платокъ шелковый большой—100 р.; 1 штука розовой китайки—20 руб.; 13 аршинъ холстинки—12 р. 35 к.; 2 штуки коленкору—64 р.; 7 аршинъ широкой парусины—32 р.; 17 золотн. шелку—4 р. 25 к.; 6 арш. кисеи—13 р. 50 к.; 2 аршина тюль илюзіонъ—13 р.; 2 арш. тюль блондъ—10 р. 16 аршинъ рюшу—5 р. 60 к.; 4 аршина блондъ—3 р. 20 к.; 50 аршинъ лентъ—5 р., 1 парасоль—5 р.; 25 золотник. китоваго уса—2 руб. 50 коп.; 16 аршинъ адамашки шелковой—72 руб.; 1 арш. прюнели—5 р.; 1 дамское манто—175 р.; 2 кровати съ матрацами—100 р.; 6 креселъ—90 р.; 1 туалетъ краснаго дерева съ зеркаломъ—250 р.; диванъ и столъ—115 р.; 1 лѣтняя коляска—700 р.; 4 лошади и сбруя—800 р.; 1 коляска зимняя—500 р.; 1 дрожки—450 р. Итого 4180 руб. 40 коп. Вѣнчальное платье сдѣлала Розетта Андреевна; шляпу выписалъ я изъ Петербурга, а салопъ лѣтній прислала изъ Харькова Юзефина. Послѣ того я купилъ карету у полковника Миллера за 3500 руб.

Въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ я отставку и жилъ въ Полтавѣ до мая, и собравшись въ первыхъ числахъ этого мѣсяца отправился въ Василевку, а оттоль въ Будылку, гдѣ 13 мая 1841 года мы вѣнчались въ тамошней церкви. У меня шафером былъ Егоръ Васильевичъ Далецкій, помѣщикъ гадяцкаго уѣзда полтавской губерніи, у Мари—Алексѣй Тимофеевичъ Богаевскій. Свадьба кончилась въ домѣ тетушки, въ присутствіи Розетты Андреевны и многихъ гостей. Тетушка на этотъ разъ съ нами примирилась и даже, когда мы возвратились отъ вѣнца, поцѣловала меня.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА-РОМАНОВИЧА МАРТОСА [1].

(1817—1830 г.г.)

VI. Письма Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго [2].

(1821—1827 г. г.).

21. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Весьма благодарю васъ и за поздравленіе меня съ новымъ годомъ и за благія мнѣ пожеланія ваши. Я не привѣтствую васъ съ первымъ, какъ уже отъ времени потерявшимъ сіе названіе, но только желаю взаимно и вамъ наслаждаться долголѣтно добрымъ здоровьемъ и всякимъ благосчастіемъ, а себѣ удовольствія увидѣться съ вами и прижать къ сердцу, искренно васъ любящему. Не всѣ вѣсти въ мірѣ семъ бываютъ справедливы, такъ напримѣръ, и свѣдѣніе, полученное вами отъ И. И. не совсѣмъ таково. Правда, я по случаю живу съ нимъ теперь въ одномъ городѣ, но не въ одномъ кварталѣ и весьма не близко другъ къ другу. Съ наступленіемъ весны, ежели Богъ дастъ мнѣ дожить ея, намѣреваюсь совершить послѣднюю часть пути, ведущаго къ тихому пристанищу. Такъ ласкаюсь пріятной надеждою узрѣть и васъ, къ коему никогда не престану быть съ нелицемѣрнымъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1896 г., октябрь, 77—92.

[2]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, бывш. министр. юстиціи. (р. 1794 † 1829). О немъ см. Русск. Стар. 1882 г. іюнь, и Историч. Вѣстн. 1891 г. май и іюль.

почтеніемъ и душевною приверженностію, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

Москва, февраля 5. 1821 г.

22. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Сколь много доставили вы мнѣ сердечнаго удовольствія пребываніемъ вашимъ въ Кибинцахъ и раздѣленіемъ скуки деревенскаго нашего общества, столь неменше утѣшили меня двумя любезными вашими письмами, отъ 6 и 13 ноября, единовременно мною полученными. За первое и за послѣднія чувствительнѣйшую приношу благодарность и надѣюсь на дружбу вашу, что во ожиданіи пока возможность предстанетъ быть намъ паки вмѣстѣ, вы не оставите услаждать меня вашими пріятными извѣщеніями. Прежде полученія вашихъ писемъ, я чрезвычайно безпокоился на щетъ вашей дороги, которую вы предприняли въ самую суровую погоду, но благодареніе Богу, вы совершили ее благополучно. Желаю, чтобъ святыя мѣста, въ коихъ вы теперь обитаете, послужили къ совершенному укрѣпленію здоровья вашего. Прекрасное дерево, кизиль, вами присланное, довезено сюда весьма бережно и посажено предъ окошками моего кабинета и слѣдственно всегда будетъ предъ глазами моими. На зиму оно кажется хорошо ограждено отъ стужи, и весна покажетъ, успѣли ли мы сберечь его, но впрочемъ, что бы ни случилось, я, какъ наблюдатель подобныхъ рѣдкихъ произрастеній, искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за снабденіе меня онымъ. Извѣстія ваши крайне интересны и я ни отъ кого ихъ не пріиму съ такою увѣренностію, какъ отъ васъ, ибо сужденіямъ вашимъ знаю истинную цѣну. Я положилъ съ нетерпѣніемъ ожидать, пока вы усовершенствуете извѣстныя книги вашими примѣчаніями. Съ сими послѣдними они для меня будутъ важнѣе и занимательнѣе и для того не хочу безпокоить сосѣда моего[1]) сообщеніемъ мнѣ его рукописи и ограничу свое любопытство до полученія вашего превосходнаго экземпляра. Пріймите увѣреніе и проч.

Кибинцы, декабря 3, 1821.

[1]) В. Я. Доминковскаго.

23. Введеніе, вами начертанное къ описанію моей библіотеки, я нахожу превосходнымъ въ отношеніи только сочиненія, а не по достоинству изображаемыхъ предметовъ. Однако жъ не меньше желалъ бы имѣть его въ такомъ видѣ, какъ вы оное обѣщаете усовершенствовать; нынѣшнее же недостаточно и потому, что по ошибкѣ, видно, переписчика пропущено одно не изъ малознающихъ отдѣленій или статей, именно VIII, о доходахъ торговли и пр. и пр. Съ сожалѣніемъ скажу вамъ, что и каталоги книгамъ остаются по...(?) въ прежнемъ положеніи, ибо къ исправному ихъ составленію и перепискѣ руководствовать некому; я же признаюсь, по немощамъ моимъ и по частымъ болѣзнямъ, не могъ возложить на себя сей скучной и заботливой обязанности и жаль очень, что предположеніе къ тому сдѣланное остается безъ исполненія до лучшаго и удобнѣйшаго времени. Весьма соглашаюсь съ вами, что искусство писмянъ есть совершенство, единому Богу свойственное, и ему за оное обязаны мы приносить жертву, хвалы и благодаренія. Сей божественный даръ, только человѣчеству полезный, доставляетъ и мнѣ то неизреченное удовольствіе, что я и въ отсутствіи утѣшаюсь пріятною вашею бесѣдою и могу изъявлять взаимность чувствованій отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности, съ коими навсегда пребуду...

Кибинцы, генваря 7, 1822.

24. Извините меня, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за продолжительное молчаніе мое и что я не отвѣчалъ даже на нѣсколько дружескихъ писемъ вашихъ, въ томъ числѣ и на привѣтственное по случаю прошедшаго свѣтлаго праздника, въ который я мысленно прижималъ васъ къ сердцу, и цалуя я радостно возглашалъ: Христосъ воскресе! Теперь пользуясь отъѣздомъ Алексѣя Васильевича (Капниста), предоставляю ему объяснить вамъ причину неключимости моей и болѣзненнаго состоянія, а самъ обращаюсь къ отвѣтамъ, хотя краткимъ на любезную для меня бесѣду вашу. Съ благодарностію получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя, и они-то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ преду-

вѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностію опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. [1]), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣль его творенія и показываютъ его или съумашедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на щетъ сего препрославленнаго сочинителя, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекали моего къ нимъ уваженія. По окончаніи чтенія сей книги, я поступлю съ ней такъ точно, какъ вы мнѣ предписали, о чемъ заранѣе уже предварилъ я и Вас. Яковл. (Ломиковскаго). Что касается до другова дара, вами мнѣ обѣщаннаго, я его буду ожидать съ нетерпѣливостію и напередъ восхищаюсь симъ прекраснымъ твореніемъ рукъ вашихъ. Я бы однако считалъ лишнимъ включить въ оное имя мое; но не смѣя отказать въ удовлетвореніи требованію вашему, сообщаю вамъ на особой запискѣ полный титулъ мой, прибавя къ тому, что въ 1802 году, безъ всякаго моего исканія и даже безъ моего свѣдѣнія, эстляндское рыцарство, принявъ меня въ свое сословіе и включивъ въ ихъ метрикулу, доставило мнѣ чрезъ депутацію дворянскаго предводителя грамоту на сіе достоинство. Оканчиваю увѣреніемъ въ непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго къ вамъ почтенія, искренней дружбы и душевной приверженности...

Кибинцы, октября 28, 1892 г.

25. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги, вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ея *евангельскою премудростію*, и слѣдуя вашему мнѣнію „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать“, не могу однако жъ не убѣждаться справедливостію того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной недавно мною другой книгѣ, подъ титуломъ *божественная философія*. Сочинитель сея послѣднія, на щетъ Г. Св... изъясняется сими словами: „жаль,

[1]) Сведенборгъ?

что онъ часто божественную истину св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову. Впрочемъ, онъ имѣетъ много". Не распространяясь болѣе о семъ важномъ и многова размышленія требующемъ предметѣ, я только обязанъ повторить вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, искреннѣйшую благодарность за дружескую довѣренность, съ которою вы мнѣ сообщили сію книгу, и увѣдомить васъ, что я оную согласно съ желаніемъ вашимъ передалъ въ руки общаго пріятеля нашего Василія Яковлевича, съ коимъ я разлучился можетъ быть на цѣлое лѣто, переѣхавъ для продолженія лѣченья и купанья, въ Ярески [1]), гдѣ часто воспоминаемъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ лишеніе того удовольствія, какое приносило намъ прошедшаго лѣта любезное и пріятное ваше сообщество. Теперь обращаюсь къ той посылкѣ, которую я отъ дружбы вашей получилъ предъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Кибинецъ. Не нахожу довольно словъ ни возблагодарить васъ, ни возхвалить по достоинству труды ваши, которыми вы съ такимъ краснорѣчіемъ изобразили виды деревенскаго моего книгохранилища. Но сказать ли вамъ истину? Я одинъ восхищался картиною прекраснаго и занимательнаго сочиненія вашего, и не хотѣлъ показать онаго даже никому и изъ домашнихъ моихъ, дабы не сочли меня самолюбивымъ, въ отношеніи тѣхъ качествъ, кои угодно было вамъ приписать мнѣ лично и которымъ я считаю себя чуждымъ. По сей единственно причинѣ прелестное твореніе ваше останется въ тайной моей архивѣ, въ числѣ піесъ никакому духу не сообщаемыхъ. Въ заключеніе, позвольте сказать нѣсколько словъ на щетъ предположенія вашего, что война у насъ съ турками неизбѣжна. Напротивъ, всѣ извѣстія, изъ столицы доходящія доказываютъ, что войны не будетъ, что турки уже согласны на удовлетвореніе требованіямъ Россіи, и что затѣмъ греки предоставляются собственному ихъ жребію. Можетъ быть, Богъ поможетъ имъ самимъ, по примѣру американцевъ, восторжество-

[1]) Село Ярески, миргородскаго уѣзда, полтавской губ.

вать надъ лютыми своими преобладателями и хотя въ нѣкоторой своей части возстановить независимость своей націи. Жаль только, если изгнаніе варваровъ изъ Европы, къ чему теперь насталъ самый лучшій случай, отлагается и о чемъ каждая православная душа печалиться должна. Оканчиваю длинное письмо мое подтвержденіемъ искреннѣйшаго увѣренія о непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной преданности...

Ярески, іюля 1, 1822.

26. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Мой жребій всегда извиняться въ медленности отвѣтствованія на любезнѣйшія письма ваши, которыя сколь не великое приносятъ мнѣ удовольствіе, но часто находятъ меня въ такой неключимости, что я ни перомъ владѣть, ни мыслями располагать не въ состояніи, будучи почти безпрестанно подверженъ различнымъ припадкамъ, свойственнымъ преклонности лѣтъ моихъ, приближающихъ меня къ послѣднему предѣлу жизни. Независимо отъ сихъ причинъ, встрѣтилась еще и новая, крайне меня огорчившая, по коей не могъ я уже писать къ вамъ черезъ почту. По пакету одного изъ писемъ вашихъ, и именно отъ 20 августа, который я нарочно сберегъ и при семъ къ вамъ нарочно препровождаю, усмотрѣлъ я съ неудовольствіемъ, что нескромное любопытство почтмейстера кіевскаго, или другого кого изъ сяужителей почтовыхъ, дерзнуло открывать содержаніе переписки нашей, долженствующей быть неприкосновенною. Симъ непозволеннымъ и наглымъ поступкомъ я столь много огорченъ былъ, что тогда же хотѣлъ принести жалобу почтдиректору и просить объ изысканіи, но избѣгая послѣдствій, непріятныхъ для нарушающихъ общественную довѣренность къ почтамъ, оставилъ оное и вамъ однимъ только сообщаю для употребленія, какое вы изъ того здѣлать благоразсудите. Что-же касается до меня, я рѣшился уже никогда писемъ моихъ ни ввѣрять подозрительной кіевской конторѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, доколѣ не буду выведенъ изъ сумнѣнія, что управляющій овою не только

самъ не причастенъ злоупотребленію, но и за подчиненными своими будетъ имѣть по обязанности лучшее наблюденіе...

Кибинцы. Ноября 16, 1822.

27. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Я не знаю, какъ и чѣмъ оправдаться предъ вами, почтенный мой другъ, въ долговременномъ моемъ молчаніи, кромѣ искренняго моего признанія, что къ старости моей и слабости здоровья, присовокупилась такая лѣность и неключимость, что и самомалѣйшій трудъ почитаю великою для себя тягостію, а къ письму такое чувствую отвращеніе, какъ больной къ лѣкарствамъ, коихъ долговременный безполезный пріемъ наскучилъ до безконечности. По сей то причинѣ не могъ я въ свое время отвѣтствовать на ваши любезныя письма, и теперь только приношу за оныя чувствительнѣйшую благодарность, прося не лишать меня удовольствія и впредь, хотя изрѣдка, получать ихъ. Благодарю также васъ, м. г. мой, за принятое вами дружеское попеченіе въ отношеніи приготовляемаго въ Кіевѣ евангелія для домовой моей церкви, которая съ помощію божіею освящена въ 7-й день нынѣшняго мѣсяца. Не считаю однакожъ нужнымъ включать въ сію святую книгу и я какой моей надписи, какъ вещи, по мнѣнію моему, являющей нѣкоторымъ образомъ тщеславіе или похвалу предъ Всевидящимъ. Ежели чего еще осталось мнѣ желать, такъ единственно того, чтобы видѣть васъ въ семъ новосозданномъ храмѣ св. великомученника Димитрія, возсылающаго моленіе ко Всевышнему, вмѣстѣ со мною и домашними моими, которые раздѣляютъ чувства нелицемѣрнаго моего въ вамъ почтенія и душевной преданности...

Кибинцы, октября 15, 1823.

28. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Сколь ни любезны для сердца моего дружескія поздравленія и желанія вами изъявленныя въ двухъ письмахъ вашихъ по случаю прошедшихъ именинъ моихъ и наступившаго новаго года, и какъ ни воображали вы, что празднества сіи проведемъ мы пріятно и весело, но судьба устроила противное тому, и вы безъ

сомнѣнія уже знаете плачевную причину, претворившую радостные дни наши на печаль и унынie, отъ которыхъ по сю пору еще не могъ я совершенно исцѣлиться. Не распространяюсь болѣе въ описаніи вамъ ни состоянія здоровья моего, ни другихъ здѣшнихъ обстоятельствъ: все, что вы пожелаете въ подробности узнать, достаточно удовлетворитъ васъ лично вручитель сего племянникъ мой[1]); а мнѣ остается только удостовѣрить васъ, что чувства искренняго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности пребудутъ неизмѣнны во всю жизнь...

Кибинцы, генваря 12, 1824.

29. Старинная наша пословица говоритъ: „повинную голову и мечъ не сѣчетъ". Я признаю себя повиннымъ предъ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Романовичъ, и прошу дружескаго, великодушнаго прощенія за долговременное молчаніе мое. Но что дѣлать! И лѣнь, и слабость налегли на меня тяжко. Повѣрите ли, что нѣсколько уже мѣсяцевъ не выхожу я изъ своихъ комнатъ далѣе столовой и церкви? Еще кой-какъ упражняюсь въ чтеніи, а къ письму рука не поднимается, ни самое золотое перо, къ употребленію коего вы подали примѣръ, не пособляетъ моей неключимости. На сей разъ собравъ послѣднія силы, свидѣтельствую вамъ искреннѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ наставшимъ новымъ годомъ...

Кибинцы, генваря 18, 1825.

30. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините почтенный другъ, что я поздно отвѣчаю вамъ на два дружескія письма отъ 22 ноября и отъ 22 декабря, во-первыхъ, по данному самому себѣ и вамъ уже извѣстному обѣту никогда не посылать писемъ моихъ на нескромную кіевскую почту, а во-вторыхъ, по причинѣ тяжкаго смущенія, въ какое духъ мой поверженъ былъ различными происшествіями, сколь неожиданными, столь и важными, коими ознаменованъ конецъ минувшаго года. Благодареніе Богу, мы дождались новаго и должны молить Святое Провидѣніе, да изліетъ на всѣхъ насъ

[1]) А. А. Трощинскій.

новую благодать и милость, въ особенности же да даруетъ новому нашему юному монарху долгоденственное, мирное и славное царствованіе. Прочитавъ съ удовольствіемъ присланную вами книгу, я съ благодарностію вамъ ее возвращаю, не желая лишить васъ сей рѣдкости. Я надѣюсь вскорѣ получить ее изъ Москвы для нашей библіотеки, которая далеко еще не достигла степени именоваться огромнѣйшею. Въ заключеніе, желаю вамъ отъ чистаго сердца наилучшаго здоровья и всякаго благополучія и проч.

Кибинцы, генваря 16, 1896.

31. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините, почтеннѣйшій другъ, что я по причинѣ слабости здоровья моего, отвѣчаю вамъ вдругъ на два ваши письма отъ 12 и 19 сего мѣсяца. Благодарю васъ отъ искренняго сердца и за привѣтствія, въ первомъ содержащіяся, и за доставленіе при послѣднемъ петербургскаго письма, котораго косвенный ходъ нѣсколько удивилъ меня. Новости теперь рѣдки у насъ, и тѣ, кои знаемъ, доходятъ только чрезъ газеты. Изъ нихъ видно, что смѣнены почти въ одно время два извѣстные намъ Алексѣи Петровичи, но причины, по коимъ сіе произошло, не достигли до насъ. По крайней мѣрѣ, не слышали-ль вы чего либо хотя объ одномъ, въ коемъ вѣроятно и вы столько же принимаете искреннее участіе. Мнѣ очень жаль, что онъ подвергся сему непріятному жребію своимъ какимъ-либо неосмотрительнымъ поступкомъ.

Кибинцы, апреля 27, 1827.

Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма[1].

Свадьба малорусская представляетъ очень выработанный и законченный циклъ знаменательныхъ обрядовъ и пѣсенъ, въ которыхъ подъ поэтической формой представлены слагавшіяся вѣками воззрѣнія народа на такой важный моментъ человѣческой жизни, какъ бракъ. Значеніе обрядовъ и художественныхъ образовъ, которые заключены въ пѣсняхъ, интересно само по себѣ, и уже нашло изслѣдователей среди нашихъ ученыхъ, каковы А. Аѳанасьевъ, Н. Сумцовъ и Н. Янчукъ;—поэтому мы обратимъ въ настоящемъ очеркѣ главное вниманіе на ту форму, въ которой довольно прочно отлилась вся свадебная обрядность. Эта форма

[1]) Малорусскій свадебный обрядъ издавна обратилъ на себя вниманіе образованныхъ людей. Взглядъ на него измѣнялся въ связи съ измѣненіемъ тѣхъ или другихъ сторонъ въ общемъ міросозерцаніи образованнаго общества. Въ половинѣ прошлаго столѣтія духовенство, представлявшее собою главную составную часть тогдашняго образованнаго класса, взглянуло на свадебный обрядъ исключительно съ христіанской точки зрѣнія и нашло въ немъ столько языческихъ элементовъ, что сочло нужнымъ искоренять отправленіе его въ народѣ. 24 декабря 1864 года изданъ былъ указъ кіевской духовной консисторіи: «О недѣланіи прихожанами при отправленіи законныхъ браковъ законопреступныхъ дѣйствій, яко то: по улицахъ безчинствъ, криковъ и вопліевъ, плесканій, плясаній, пѣній скверныхъ и иныхъ многихъ безстудій и беззаконій, и народныхъ соблазновъ». Приходскимъ священникамъ повелѣно было опубликовать указъ въ церквахъ «приватно увѣщевать и смирять о нечиненіи таковыхъ законопреступныхъ проступковъ, устрашая прихожанъ Божіимъ нелицепріятнымъ

представляетъ собою глубоко-интересный образчикъ житейской драмы, которой различные акты растянуты на цѣлую недѣлю. Та особенность малорусской свадьбы, что каждый обрядъ сопровождается объясняющей его пѣсней, каждое появленіе и дѣйствіе жениха, невѣсты, сватовъ, бояръ, дружекъ объясняется соотвѣтсвующими пѣснями, приближаетъ нашу свадьбу къ древнеклассическимъ мистеріямъ или къ трагедіямъ Софокла съ ихъ хоромъ, строфами и антистрофами.

Свадьба, разсматриваемая, какъ религіозно-бытовая эпопея, представляетъ слѣдующіе важнѣйшіе моменты: 1) сватанье, 2) заручины, 3) печеніе коровай, 4) дивич-вечиръ, 5) витье гильця, 6) посадъ, 7) вѣнчаніе, 8) покрытіе невѣсты, 9) брачное ложе и 10) торжество послѣ благополучнаго заключенія брака.

Кто видѣлъ свадебные обряды въ сердцѣ Малороссіи, гдѣ-нибудь въ глуши, гдѣ еще не коснулась новѣйшая нивелирующая жизнь, тотъ замѣтилъ, съ какой глубокой вѣрой относится народъ ко всѣмъ символическимъ дѣйствіямъ и церемоніямъ, совершаемымъ во время брачнаго веселья; между тѣмъ какъ насто-

---

судомъ и грядущею нечаянною и неминуемо жесточайшею временною и вѣчною казнію». Хотя священники доносили къ начальству, будто прихожане послѣ увѣщаній воздержали себя «отъ соблазнительныхъ и злочестивыхъ обычаевъ» при свадьбахъ, однако свадебный ритуалъ продолжалъ строго соблюдаться. Скоро на него обратили вниманіе съ другой стороны: какъ на остатокъ глубокой бытовой старины,— и явились любознательные и просвѣщенные люди, которые попытались записать для потомства весь ходъ свадебнаго обряда. Первою записью такого рода была книжка Григорія Калиновскаго «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ», изданная въ Петербургѣ въ 1777 году (Замѣтка о ней В. Горленка, Кіев. Стар. 1884, № 3, 505—507). Въ нашемъ столѣтіи научный интересъ къ свадебнымъ обычаямъ выступаетъ на первый планъ, и всѣ собиратели малорусскаго этнографическаго матеріала записывали не только самые обычаи, но и сопровождающія ихъ пѣсни. Многія записи были разновременно напечатаны. Припомнимъ важнѣйшія: 1) Pieśni ludu Galicyjskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie 1833. Стар. 1—39. При пѣсняхъ сдѣланы краткія указанія на обряды, во время которыхъ онѣ поются.

ящій смыслъ многихъ дѣйствій для народа давно уже утерянъ, такъ какъ происхожденіе ихъ очень древнее; они сложились за цѣлыя тысячелѣтія до настоящей эпохи.

Значеніе свадебной мистеріи и теперь еще на столько велико, что во многихъ мѣстахъ брачное сожитіе не начинается до тѣхъ поръ, пока она не исполнена, хотя-бы церковный бракъ и совершенъ былъ; такъ что случается, что невѣста цѣлыя недѣли, а то и цѣлый годъ живетъ и ходитъ, какъ дѣвушка, пока не отгуляютъ *весилля*.

Матеріаломъ для разсмотрѣнія малорусской свадебной эпопеи послужили мнѣ *обряды и пѣсни, записанныя г-жею М. Ганенко въ селѣ Ивановкѣ, елизаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи*.

Матеріалы эти появляются первый разъ въ печати; они довольно вѣрно передаютъ излюбленный типъ малорусской свадьбы; изрѣдка, впрочемъ, попадаются въ нихъ и оригинальныя черты. Обрядность, записанная въ херсонской губерніи, въ такой мѣстности, гдѣ старинные обычаи уже подверглись порчѣ и уничто-

---

Записаны пѣсни въ уѣздахъ Жолковскомъ, Станиславовскомъ и Тарнопольскомъ. 2) Ruskoje wesile, opysannoje czerez I. Lozinskoho. Перемышль 1835. 3) Русинське весілля надъ Збручемъ. Основа, 1862, апрѣль, стр. 1—40 (въ «Основѣ» принята была отдѣльная пагинація для каждой статьи). Эта-же статья перепечатана у Головацкаго, народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Т. II, М. 1878, стр. 625—676. 4) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Составлено Николаемъ Марковичемъ. Кіевъ 1860. Стр. 97—149. Описаны обряды полтавской губерніи, откуда родомъ былъ Марковичъ. 5) Галицко-русскіе и угро-русскіе свадебные обряды и пѣсни собраны въ огромномъ количествѣ у Головацкаго, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, М. 1878, т. IV, стр. 210—441. 6) Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ появленія въ печати перваго описанія малорусской свадьбы, составленнаго Григоріемъ Калиновскимъ, вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей Н. И. Костомарова IV-й томъ трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край (Спб. 1877); главное мѣсто отведено здѣсь свадебнымъ обычаямъ и пѣснямъ—(ст. 52—696). Кромѣ своднаго описанія свадьбы, составленнаго на основаніи прежнихъ

женію, оказалась вѣрною установившемуся образцу. Причина, объясняющая такое явленіе, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что Ивановка заселена выходцами изъ полтавской губерніи, сердца Малороссіи.

Сватанье.

Завязкой къ предбрачнымъ церемоніямъ считается *сватанье*. Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, а теперь чаще 21 годъ, послѣ освобожденія отъ воинской повинности, мать, посовѣтовавшись съ отцемъ, заявляетъ сыну, что „*пора уже ему маты пару*, что она уже становится стара, и трудно управиться по хозяйству, *та и тоби, сынку, не дожы бурлаковать*". Въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ обращается къ отцу съ словами: „*тату, женить мене!*".

Если сынъ *гуляѣ*, т. е. сошелся съ какой-либо дѣвушкой, то тутъ же указываетъ на нее. Родители не противорѣчатъ, замѣчая: „*беры, сынку, хоть свынку, аби мени по хати хрюкала*".

печатныхъ и рукописныхъ сборниковъ, здѣсь помѣщены описанія свадебъ отдѣльныхъ мѣстностей, населенныхъ малороссіянами, а именно: м. Борисполя переяславскаго уѣзда, с. Ждановки полтавскаго уѣзда, м. Гостомля кіевскаго уѣзда, с. Лучинокъ овручскаго уѣзда, с. Млынова дубенскаго уѣзда, с. Комосиковъ углицкаго уѣзда, м. Полоннаго новградъ-волынскаго уѣзда, с. Плотницы пинскаго уѣзда, с. Михалкова мозырскаго уѣзда, д. Кульгина бѣльскаго уѣзда; въ заключеніе помѣщена свадьба харьковской губерніи безъ обозначенія мѣстности. Не смотря на обширность матеріала, собраннаго въ IV томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, появлялись еще варіанты свадебнаго ритуала, между прочимъ въ Новороссіи, не входившей въ кругъ изученій экспедиціи. Упомянемъ сборникъ г-жи Елены Марковичъ: «Свадебныя цѣсни въ Елисаветградскомъ уѣздѣ» (Степъ, Херсонськый беллетристычный сбирныкъ, Спб. 1886, стр. 160—234) и четыре сборника, изданные нашимъ журналомъ: 1) Ф. Николайчика. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. «Кіев. Стар.» 1883 № 2, 336—400. Пѣсни записаны въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ посадѣ Вильковѣ бессарабской губерніи. 2) В. Милорадовича. Свадебныя пѣсни въ лу-

Сейчасъ же выбираются *старосты* изъ родственниковъ; въ старосты избираются люди *дрюкованные*, т. е. изъ *балакучихъ*, обладающихъ возможно большимъ краснорѣчіемъ, чтобы могли убѣдить родителей невѣсты, самоё невѣсту, чтобы были находчивы отвѣчать во многихъ затруднительныхъ положеніяхъ свадебной церемоніи. Отецъ и мать жениха просятъ *старостъ* потрудиться для ихъ сына, вручаютъ имъ хлѣбъ, полквартy водки и съ пожеланіемъ успѣха выпроважаютъ. Чаще всего старосты идутъ вечеромъ, *„щобъ не такъ стыдно було гарбуза нести“*.

Придя къ дому невѣсты, *молодый* остается на дворѣ, а старосты идутъ въ хату, крестятся на образа, кладутъ хлѣбъ на столъ и тогда уже здороваются съ хозяевами. Ихъ просятъ садиться, и старшій староста начинаетъ объяснять, за какимъ дѣломъ они пришли; по большей части принято говорить иносказательно, въ такомъ родѣ: *„Оце мы йшлы, колы дывымось, бижитъ попередъ насъ лысыця. Мы за нею! гналы, гналы, та въ вашъ двиръ загналы, а тутъ хто іи зна, де вона й дилась. Чи не бачили вы іи часомъ?“*

бенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 7, 8, 9 (приложеніе) и 3) Г. Сорокина. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда херсонской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 9 (приложеніе). 4) Стрижевскаго. Свадьба въ деревнѣ. «Кіев. Стар.» 1896 г., № 3. Были сдѣланы попытки объяснить научно тотъ богатый матеріалъ, который собранъ этнографами-собирателями. Наиболѣе извѣстны изслѣдованія: 1) Янчукъ, малорусская свадьба въ Корнинскомъ приходѣ. 2) Х. П. Ящуржинскаго. Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Варшава 1880. 3) Н. Ф. Сумцова. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ 1881. 4) Его же. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. «Кіев. Стар.» 1885, № 3, 417—436. 5) Его-же. Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. «Кіев. Стар.» 1886, № 1, 17—40. Изслѣдованія Н. Ф. Сумцова построены на широкомъ сравнительномъ изученіи свадебныхъ обычаевъ славянскихъ и иныхъ народовъ и рѣшаютъ нѣкоторые вопросы о смыслѣ этихъ обычаевъ окончательно.

Предлагаемая статья Х. П. Ящуринскаго представляетъ, какъ и упомянутая выше статья г-жи Елены Марковичъ въ сборникѣ «Степь»

Если родители согласны отдать дочь, то отвѣчаютъ: „*мы не бачили, а въ тимъ пошукайте: може де й е*“. Въ противномъ случаѣ говорятъ: „*Ни, такои въ насъ не було, може, де инче забигла; пошукайте по сусидахъ*“.

Вообще же, родные невѣсты считаютъ своимъ долгомъ отговариваться даже и въ томъ случаѣ, если рады выдать ее замужъ: *и молода ще и хлиба въ насъ не переила, и ще не готовылысь: нема скрыни, кожуха и т. д.* Старосты, разумѣется, хвалятъ жениха: *и тыхый, и роботящый, не балованый, не пьяныця, хорошого роду и свекруха буде, якъ маты*“.

Такимъ образомъ разговоры идутъ цѣлую ночь, а иногда и нѣсколько дней сряду: чѣмъ больше въ одну хату ходятъ старосты, тѣмъ больше почету для невѣсты. Когда родители, наконецъ, соглашаются, то перемѣняютъ хлѣбъ и перевязываютъ старостамъ *рушныки* черезъ плечо. Старосты уславливаются, когда придти за окончательнымъ рѣшеніемъ и устроить *заручины*.

Парни, обыкновенно, сторожатъ хату, гдѣ происходитъ сватанье, и въ случаѣ отказа, провожаютъ неудачника насмѣшками: „*А що, згивъ гарбуза? Солодкій? Несы до дому: стане на всю зиму!*“.

Женихъ бранитъ дѣвушку; иногда отшучивается въ свою очередь: „*Кабакъ, кабакъ, кабачокъ! Нема въ дивкы сорочокъ!!!?. Гарбузъ зъ диркою, чортъ зъ дивкою!*“.

(Спб. 1886), новые варіанты свадебныхъ обрядовъ изъ *елисаветградскаго уѣзда* херсонской губерніи и дѣлаетъ попытку болѣе рѣзко подчеркнуть дѣленіе свадебной драмы на отдѣльные акты. Мысль о сходствѣ малорусской свадьбы съ драмой высказывалъ уже и Н. Ф. Сумцовъ. «Хотя во всѣхъ малорусскихъ свадьбахъ», говорилъ онъ (О свадебныхъ обрядахъ Х. 1887, стр. 5), «много языческаго, древняго, свадьба южно-русская отличается особенной цѣльностью и торжественностью; пѣсни и обряды распространяются довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; *соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы*; большинство обрядовъ совершается въ домѣ отца невѣсты». — *Ред.*

Заручины.

Въ очень скоромъ времени назначается вечеръ для *заручинъ*. Въ этотъ вечеръ родители еще не сразу сдаются; но когда, наконецъ, согласятся, то ссылаются на дочь: „Якъ вона схоче". Дѣвушка въ это время стоитъ подлѣ печи и *колупаетъ* пальцемъ *коминъ*. Обыкновенно, въ случаѣ ея желанія, она отвѣчаетъ: „*Якъ тато та мама скажутъ*".—„*Часомъ бувае, що проморочаця коло неи часивъ 2—3: затнеця, и тилько колупа коминъ; а якъ не хоче, то швыдко одриже: не пиду*".

Когда добьются согласія всѣхъ, то посылаютъ *за дивчатами*. Родители невѣсты и старосты садятся за столъ, женихъ становится рядомъ съ невѣстою, и старосты торжественно спрашиваютъ:

— „Согласна ты, Марыно, выйты за Ивана?"

— „Согласна", она отвѣчаетъ. „А ты, Иванъ, согласенъ брать за себе Марыну?"—„Согласенъ", онъ также заявляетъ.

— „Ну, говорятъ родители: Боже, вамъ поможы, диты!" Отецъ снимаетъ со стѣны икону, беретъ ее въ лѣвую руку, а въ правую хлѣбъ и соль. Молодые бьютъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ и отца въ руку: потомъ мать беретъ икону и такимъ же образомъ благословляетъ, а послѣ матери—кто есть старшій въ семьѣ: дѣдъ, баба, старшая замужняя сестра и т. д.

Невѣста вынимаетъ изъ скрыни платокъ и два *рушника*; подноситъ жениху платокъ, которымъ онъ перевязываетъ себѣ правую руку, а ей кладетъ на тарелку отъ 30 коп. до 1 руб., смотря по стоимости платка и по состоянію *молодого*. Старостамъ подносятъ по *рушныку*; тѣ берутъ, кланяются и, перевязывая черезъ плечо, благодарятъ: „*спасыби батькови и матери, що рано будылы, всякому добру учылы! Спасыби й тоби дочко, що рано вставала, довги рушныки напряла*!

Старостъ приглашаютъ за столъ, и женихъ подчуетъ ихъ водкой, принесенной съ собой. Въ это время собравшіяся подруги невѣсты—*дружки* поютъ пѣсню, объясняющую смыслъ данной сцены:

„Не була жъ я дома,—(2 раза)
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прышли, (2 раза)
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—(2 раза)
Одъ нелюба старостоньки.
Не я жъ ихъ одпажала; (2 раза)
Рушныкивъ не давала.

—

Не була жъ бо я дома,
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прышлы:
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—
Одъ мылого старостоньки.
Сама ихъ одпажала,
Рушныки подавала".

Пѣсня, какъ видимъ, еще указываетъ на добавочную бытовую черту: невѣста при появленіи старостъ уходитъ иногда къ сосѣдямъ и появляется *у комина* послѣ приглашенія родителей, когда они даютъ окончательное согласіе.

Вторая пѣсня выражаетъ жалобу невѣсты на разлученіе съ матерью:

„Чы я жъ тоби, ненько моя, докучила,
Що ты мене молодую заручила!
А чы моя русая коса,
А чы моя червоная краса?
—Дочко моя, билозирочко!
Ой ты жъ мени не докучила,—
Докучылы твои старостоньки,
Воритечка одчиняючи,
Столы й лавки застеляючи".

Послѣ выпивки женихъ проситъ родителей невѣсты въ ближайшее воскресенье къ себѣ на *оглядыны*, осмотрѣть его хозяйство и ближе познакомиться съ его родителями. Если послѣ осмотра *худобы* и хозяйства родители невѣсты не заходятъ въ хату, то дѣло расходится: имъ возвращаютъ хлѣбъ и рушныки. Въ случаѣ мирнаго соглашенія, слѣдуетъ угощеніе. За столомъ договариваются, сколько платить *безчестя*, когда одна сторона откажется; уславливаются относительно подарковъ, которые дол-

женъ поднести женихъ: отцу невѣсты—сукна на чамарку, матери—сапоги или платокъ, невѣстѣ—цвѣты, ситцу на платье и *черевыки*. Невѣста, въ свою очередь, должна сшить жениху штаны, сорочку и свекрухѣ сорочку. Уславливаются также, сколько надо пригласить *старостъ*, *бояръ*, *свитылокъ*, дружокъ и посольку дарить имъ *рушниковъ*.

Коровай.

Обряды съ священнымъ значеніемъ для народа начинаются съ субботы передъ вѣнчаніемъ. Передъ вечеромъ у жениха и невѣсты пекутъ *коровай*, особенный круглый большой хлѣбъ, украшенный сверху голубками, шишечками и другими фигурами изъ тѣста. Подъ среднюю шишку кладутъ серебряную монету. Еще приготовляютъ *лежень*, продолговатый хлѣбъ, украшенный, какъ и коровай, и небольшіе хлѣбцы—шишки. Кромѣ того, у жениха пекутъ *борону* изъ тѣста въ подарокъ отцу и *праныкъ* (валекъ) въ подарокъ матери невѣсты, а у невѣсты пекутъ *калачъ*, который она носитъ на *рушникъ*, когда ходитъ приглашать дружекъ.

Когда тѣсто готово, посылаютъ по большей части меньшую сестру невѣсты къ молодымъ сосѣдкамъ просить на *коровай*. Каждая изъ женщинъ, идущая приготовлять коровай, беретъ съ собою хлѣбъ, миску муки, молока, яицъ. Двухъ изъ женщинъ связываютъ вмѣстѣ краснымъ поясомъ и ставятъ мѣсить коровай.

Коровай и другіе виды хлѣба, которые приготовляются для свадьбы, имѣютъ значеніе жертвеннаго хлѣба, или же, какъ шишки, соединяютъ въ себѣ смыслъ созрѣвшаго плода; значеніе *бороны и праныка*—очень ясное; *калачъ*, состоящій изъ кольца и двухъ переплетающихся полосъ тѣста, напоминаютъ косу невѣсты.

Пѣсни, которыя поютъ во время приготовленія коровая, весьма знаменательны: онѣ указываютъ способъ приготовленія коровая, заключаютъ обращеніе къ Богу и изображаютъ радость печи, которая принимаетъ коровай.

I.

Марусина маты
Та по улицямъ ходе,
Сусидочокъ просе:
Сусидочки, мои голубочки!
Та просю васъ до себе,
Та до своеи хаты,
Та до свого дытяты
Короваю та шишокъ бгаты.

II.

Ой пиду я та до Дунаю,
Та стану я та подумаю:
А чы мени возы браты—
Клычутъ мене коровай бгаты.
Наберу водыци въ керныци,
Зибгаю коровай сестрыци.

III.

Обращеніе къ пшеницѣ:

Ой годи, годи, пшеныце,
Симъ рикъ у стози стояты,
Часъ тебе, пшеныце, початы,
Маруси коровай зибгаты.

IV.

А вгадайте, люде,
Зъ чого въ насъ коровай буде?
Зъ семи пшеныцъ муки,
Зъ семы керныцъ воды,
Зъ семы коровъ масла,
Яець пивтораста.

V.

Та до бору, боляре, до бору!
Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосну на трисны—
Пекты коровай и лышки.

VI.

Свиты, Боже, зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько
Красыты гарнесенько!

VII.

Трійця по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла:
— Ой, Спасе нашъ, Спасе!

Иды до насъ Спасе!
А въ насъ усе гаразд:
Молодыи коровайнычки
Хорошенько коровай бгаютъ.
Сирцемъ прысыпаютъ,
Маслычкомъ прылываютъ.

Печь долженъ выметать у жениха *староста*, а у невѣсты *дружко*; при этомъ поется шуточная пѣсня. Вообще шуточныя и веселыя пѣсни въ значительномъ количествѣ входятъ въ малорусское *весилля*.

VIII.

Та помела, дружбонько, помела,
Щобъ твоя голова въ печи не була,
Щобъ твоя борода печи не мела;
Якъ не будешъ помела несты,
Буде твоя борода мести.

IX.

Пичъ наша регоче,—
Короваю хоче,
А прыпичокъ залываеця,—
Короваю сподиваеця.

Когда посадятъ коровай въ печь, то берутъ *дижу*, ставятъ въ нее бутылку водки, накрываютъ „віямъ“ (крышкой), подымаютъ до потолка, танцуютъ и поютъ три раза:

X.

А пичъ наша на сохахъ,
А дижу носитъ на рукахъ.
Пѣче наша, пѣче,
Печи намъ коровай легче!

Распиваютъ водку, которая была въ „дижѣ“, и расходятся, при чемъ каждая изъ коровайницъ получаетъ по шишкѣ.

Дивичъ-вечиръ.

Когда коровай готовъ и молодыя женщины разойдутся, къ невѣстѣ собираются дружки и идутъ вмѣстѣ за старшей дружкой. Потомъ невѣста съ дружками идетъ „рубать гильце“, верхъ вишни или сосны, или елки. Это гильце при пѣніи пѣсенъ укра-

шаютъ *квитками,* пучками васильковъ, колосьями ржи, мяты, калины и вѣточекъ елки.

Гильце, какъ и коровай, на свадьбѣ имѣетъ значеніе какого-то священнаго символа, котораго происхожденіе и смыслъ не вполнѣ еще выяснены. Едва ли въ *гильцѣ* не слѣдуетъ видѣть очень древняго почитанія священныхъ лѣсовъ и деревьевъ. Въ настоящемъ состояніи народнаго пониманія, народъ считаетъ *гильце* символомъ невѣсты, или же, какъ поется въ пѣсняхъ, это значитъ: *вьютъ гильце—вьютъ новое гнѣздо для молодыхъ.*

Пѣсни при этомъ поются слѣдующія:

I.

Вси луги-бережечки выходыли
Всю рожу-калыноньку выломыли,
Поки своій Маруси гильце звыли.

II.

Гильце-деревце зъ ялыны,
Изъ червонои колыны,
Изъ хрещатого барвинку,
Изъ пахучого васильку.

III.

Ой на гори ячминь
Срибломъ-золотомъ зацвивъ;
Хто его буде жаты?
— Марусына маты.

Въ послѣдней пѣснѣ подъ поэтическимъ покровомъ заключается уже намекъ на то, что невѣста оставляетъ свою мать, и послѣдняя будетъ жить безъ своей помощницы—дочери.

Это единственное время, когда невѣста имѣетъ право пѣть.

Расплетеніе косы.

Окончивъ приготовленіе квитокъ, невѣсту садятъ на *дижу* и разчесываютъ ей голову, причемъ каждая изъ присутствующихъ дѣвушекъ должна хоть разъ провести гребнемъ по волосамъ. Потомъ старшая дружка заплетаетъ косу, вплетаетъ ленты, надѣваетъ цвѣты, одѣваетъ, даетъ въ руки рушникъ и калачъ, надѣтый на платочекъ, и идутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха

благословляютъ молодыхъ иконой и хлѣбомъ; женихъ тоже беретъ калачъ, и идутъ къ невѣстѣ, гдѣ ихъ тоже благословляютъ родители невѣсты. Оттуда идутъ на поклонъ къ попу и пану и несутъ имъ въ подарокъ шишку и платочекъ, а потомъ идутъ по селу просить на свадьбу, не пропуская ни одной хаты, кланяясь всѣмъ въ поясъ три раза и цѣлуясь со всякимъ.

Когда идутъ отъ пана, то поютъ пѣсню, намекая, что не щедро угостилъ ихъ:

IV.

Ой були мы въ пана,
Не пили горилки.
Ходимъ до керныци,
Напьемся водыци!

При обхожденіи невѣсты распѣваются пѣсни, которыя, по обыкновенію, объясняютъ смыслъ церемоніи и чувства невѣсты.

V.

Ой бряжнули ключы,
Изъ неба летючы,—
Гукнули дружечки,
Улычками идучы.

VI.

Ой помалу, дружечки, улычками идить,
Та нашого винограду не поломить;
Бо нашъ виноградъ самъ порисъ;
Туды нашу Марысю самъ Богъ понисъ.

VII

Тыхо, дружечки, идите,
Пыломъ не пылите;
А щобъ наша пава
Пыломъ не припала,
А щобъ наша слава
По всимъ свити стала.

Отъ имени невѣсты поется:

VIII.

Сяду-паду орлыцею
Передъ горныцею;
Сяду-паду крылечками
Зъ молодыми дружечками.

IX.

Не сама я хожу,—
Сорокъ дружекъ вожу,
Сорокъ и четыри,
Та вси чорнобрыви;
А Маруся чорнобрыва
Та всихъ закрасыла.

Невѣста обращается къ вѣтру съ просьбой, чтобъ развѣялъ (расплелъ) ея косу, съ которой ей скоро предстоитъ распрощаться.

X.

Не вій, витре, въ рожи,
Повій по дорози,
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай, розмай по волосочку
По червонимъ поясочку.

XI.

Ой, просо, просо-волотта!
Ой, косо, косо-золотта!
Навикъ я тебе кохала,
За одинъ вечиръ зламала.

Пѣсня, указывающая на древнюю бытовую черту вражды родовъ:

XII.

Ой вы, вороги, вороги!
Не переходьте дороги;
Нехай перейде родина,
Щобъ наша Маруся щаслива!

Когда всѣхъ обойдутъ, идутъ къ жениху вечерять. Подходя къ дому, поютъ:

XIII.

Ой матинко-утко!
Увывайся хутко,
Увывайся хутенько,—
Дружечки близенько.
Сонечко у Бога
Дружечки коло порога.

XIV.

Уриж, матинко, китайки,
Застеляй столы и лавки,
Бо йдуть дружечки-панянки.

Поужинавъ, женихъ остается, а невѣста идетъ домой съ дружками, которыя поютъ пѣсни, указывающія на возвращеніе невѣсты домой съ музыкой и высказывающія удивленіе, почему мать не встрѣчаетъ невѣсту.

XV

Стелыся, хмелю, по тыну,
А ты, золото, по ёму.
Грайте вы, музыки, по двору,—
Иде наша Марыся додому.

XVI

Витеръ, витеръ кватырочку торкае,
Десь моеи матинки немае.
Десь моя матинка заснула,
Що за мене молодую забула.

На порогѣ дома встрѣчаетъ невѣсту мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью и зажженной свѣчой. Невѣста кланяется имъ въ ноги, а *дружка* разламываетъ у нея на головѣ калачъ, который она носила по селу, и роздаетъ по кусочку всѣмъ дружкамъ. Тоже самое дѣлаетъ у жениха бояринъ. Входя въ хату поютъ:

XVII

Добрый вечиръ тому,
А хто въ цёму дому,
Старому й малому,
И Богови святому!

Посадъ.

Невѣсту заводятъ за столъ на *посадъ*. Посадомъ называется мѣсто на *покути*, въ переднемъ углу подъ образами, гдѣ ставится пучокъ немолоченнаго жита и разстилается кожухъ шерстью вверхъ. Этотъ кожухъ есть остатокъ древняго обычая, по которому женихъ и невѣста садились на шкуру животнаго, принесеннаго въ жертву богамъ, покровителямъ брака.

Столъ бываетъ покрытъ скатертью; на немъ лежитъ леженъ, большой круглый калачъ на тарелкѣ и двѣ новенькихъ ложки, связанныхъ вмѣстѣ красной ленточкой, для молодыхъ, которые съ субботы вечера до понедѣльника не должны ничего ѣсть за столомъ. Дружка беретъ невѣсту за платочекъ, который она держала въ правой рукѣ, обводитъ три раза вокругъ стола и садитъ на *посадъ*. Съ этого времени и до понедѣльника къ молодымъ нельзя дотрогиваться голой рукой: принимать отъ нихъ что-нибудь или имъ давать не иначе какъ, обернувъ руку платкомъ. Точно также молодые не должны сами ни выходитъ изъ-за стола, ни садиться за столъ, а ожидать, пока дружка выведетъ ихъ или заведетъ.

Дружки поютъ пѣсню, напоминающую времена миѳическія:

XVIII

Ишла Маруся на посадъ,
Зустрича іи Господь Самъ
Изъ долею изъ щасливою,
Зъ дорогою годыною.

Эту пѣсню повторяютъ три раза, и въ продолженіе всей свадьбы поютъ ее всякій разъ, какъ заводятъ молодыхъ за столъ.

Теперь начинаются тѣ прекрасныя пѣсни, которыя воспѣваютъ волю и красу дѣвичью, жалкое разставанье невѣсты съ матерью, у которой дочь ночуетъ въ послѣдній разъ, обращеніе къ *зозулѣ* и соловью, чтобы они своею пѣснью оплакали ея судьбу,—это и есть характеристическая черта дѣвичника.

XIX

Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ,
Та рано, рано,
Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ—
Та ранесенько.
Не такъ славенъ, якъ изряженъ;
Славно его збудовалы:
На три стины каминяны,
А на четверту золотую;
А на золотенькій макивочка,
А на макивочци ластивочка,
Звыла гниздечко зъ чорного шовку;
Вывела дитки однолитки,—
Перве дытятко—молодый Иванко,
Друге дытятко—молода Маруся.

XX

Изный, маты, та головочку
Последнюю та суботочку:
Бо вже больше та не будешъ мыты,
Та не будешъ косы заплитаты;
Тилько будешъ въ гости дожидаты.
Пройшовъ тыждень, пройшло дви недили,
Нема дочки у гостыночку.

XXI

Летять галочки у три рядочки,
Зозуля попереду;
Уси галочки по лугамъ сили,
Зозуля закувала.
Ой чого куешъ, чого жалуешъ,
Сывая зозуленько?
А чы жаль тоби темного лугу,
Чы гиркои калыны?
— Ой не жаль мени темного лугу,
Ни гиркои калыны,
А якъ жаль мени политаннячка,
Раннего щебетаннячка,—
Ишлы дружечки у три рядочки,
Маруся попереду.
Уси дружечки по лавкамъ сили,
Маруся на посади;
Уси дружечки та й заспивалы,
Маруся заплакала.
Ой чого плачешъ, чого жалуешъ,
Молодая Марусе?
А чы жаль тоби батька старого,
Чы подвирьячка ёго?
— Ой не жаль мени батька старого,
Ни подвирьячка ёго;
Тилько жаль мени русои косы,
Ще дивоцькои красы;
Що дивки гуляютъ—кисоньки маютъ,
А мене не прыймають;
А хоча й прыймуть и приголублять,
Та правдоньки не скажуть.
Скажуть правдоньку, скажуть другую,
А третюю не такую:
Ой иды одъ насъ—ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена,
Ой иды одъ насъ ты, молодыце—
Чоловикъ тебе кличе.

XXII.

Де ты, калыно, росла
Такая высокая,
На лысту широкая?
— Ой росла-жъ бо я росла
У лузи при керныци,
При холодни водыци.
Тамъ Маруся воду брала,
Цвитъ-калыну ломала,
До лыченька римняла:
„Чи буду я такая,
Якъ калыноньки цяя?“
— Будешъ, доненько, будешъ,
Поки у мене будешъ,
А якъ пидешъ одъ мене,
Спаде красонька зъ тебе,—
Красонька изъ лыченька,
Кисонька изъ плеченька.

XXIII.

Черезъ синечки двое дверечокъ
У вышневый садочокъ;
Ой тамъ Маруся свого батенька
Голубы годувала,
И годувала, и напувала,
Зъ голубамы розмовляла:
„Загудить, голубы, загудить, сывыи,
Защебечи, соловейко!
Та завдайте тугу темному лугу,
Щей батеньку ридному,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
Доленьки не вгадае“.

XXIV.

А въ суботоньку на недиленьку
Ростворилося небо
Ой выдно хресты все золотыи,
А престолы новыи;
Коло тыхъ престоливъ
Маты Хрыстова
Плете виночки стоя,—
Що первый виночокъ зъ повнои рожи,
А другый изъ калыны;
Що первый виночокъ молодому Иванови,
А другій молодій Маруси.

Если невѣста сирота, поется слѣдующая, полная грустной поэзіи, пѣсня:

XXV.

Ой ходыла та Маруся
По крути гори,
Набачила селезня
На тыхій води:
— Плывы, плывы, селезню,
Тыхо по води,—
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку,
Теперъ къ мени,
Та дай мени порадоньку
Бидни сироти!
—„Ой радъ бы я, дочко моя,
Прыбуты къ тоби,—
Насыпано сырои земли
На груды мои,
Склыпылыся кари очи—
Устоньки моя:
Не дамъ тоби порадоньки—
Бидни сироти.
Склыпылыся кари очи
Изъ пивночи—
Ой Богъ тоби, дочко моя,
До помочи!
Ой кланяйся, дытя мое,
Чужи чужыни,
Нехай дае порадоньку
Бидни сироти!“
— Ой кланялась, мій батеньку,
Всій родыни,
Та не дае порадоньки
Сыротыни.
„Есть у тебе, дочко моя,
Ридный дядько,
Нехай дае порадоньку,
Такъ, якъ батько!“

Вскорѣ долженъ придти женихъ къ невѣстѣ съ своимъ *поѣздомъ*. Это ожиданіе невѣстой жениха объясняется слѣдующей пѣсней:

XXVI

Зеленая оришина, зеленая була,—
Чого тебе, мій мыленькій такъ довго нема!

Писала-бъ письмо—не вмію,
Посылала-бъ послывъ—не смію,
Пишла-бъ я сама—боюся:
Далекая дороженька—забарюся.

Другая пѣсня обращается къ брату невѣсты, который на свадьбѣ играетъ большую роль: онъ защищаетъ невѣсту, потомъ продаетъ ее, въ чемъ выразилась историческая форма брака, когда онъ совершался посредствомъ умыканія, похищенія, и братъ долженъ былъ защищать сестру, а затѣмъ, съ развитіемъ народа, похищеніе замѣнилось добровольной уступкой—продажей. Въ первой половинѣ пѣсни изображается, что невѣста будитъ брата, говоря, что наѣхали гости отъ немилаго; но еще ничего неготово. Во второй половинѣ пѣсни представлена картина противоположная: „*Найихалы гости одъ мылого,—вже и столыкы позастелянн, вже и рушнычки поторочилы, меду, вына тай уточилы*“.

Вечеромъ въ субботу къ жениху собираются *старосты*, *бояре*, *свашки*, молодыя женщины, родственницы жениха, *свитылки*, дѣвушки, тоже родственницы жениха. Обязанность *старшей свитылки*,—держать свѣтильникъ въ продолженіе всей свадьбы отъ субботы до воскресенья вечера, т. е. до той поры, когда невѣсту повезутъ къ жениху. Свѣтильникъ—это пучокъ васильковъ со вставленнымъ въ серединѣ деревяннымъ крестикомъ и зажженной восковой свѣчой.

Старшій *староста* заводитъ жениха за столъ, *на посадъ*; всѣ садятся вокругъ стола, свитылка приготовляетъ свѣтильникъ, свашки *вьютъ гильце*, т. е. къ заранѣе срубленной бояриномъ и воткнутой въ хлѣбъ вишнѣ привязываютъ *квитки*—пучки изъ васильковъ, мяты, калины, колосковъ ржи; нѣкоторые убираютъ, кромѣ того, еще *гильце* конфектами—признакъ вліянія уже новѣйшей цивилизаціи. Пѣсня объясняетъ это дѣйствіе такъ:

I

Летивъ горностай
Черезъ садъ,
Роспустывъ пирьячко
На весь садъ.

Збирайте, сванечки,
Пирьячко,
Звійте Ивасеви
Гиллячко!

II

Вси лугы, бережечки выходылы,
Всю рожу, калыноньку виломилы,
Покы свому Ивасеви гильце звылы.

Пѣсня объясняетъ угощеніе, которое предлагается вьющимъ:

III

Якъ мы гильце вылы,
Медъ-горилку пылы;
Якъ гильце довывалы,
Медъ-горилку допывалы.

По окончаніи украшенія *гильця*, просятъ снова угощенія:

VI

Зробылы мы дило,
Ажъ намъ чого вприло.
На Бога вы гляньте,
Намъ горилкы дайте!

Потомъ всѣ ужинаютъ. Послѣ ужина меньшой староста выходитъ въ сѣни и обращается къ старшему старостѣ за благословеніемъ: „Старосто, пани пидстаросто!“

— А мы ради слухать.

„Благословыть молодому до молодои иты“.

— Богъ благословыть!

„Разъ и другій, и третій!“

— Богъ благословить вси тры разы!

Такимъ же образомъ благословляются каждый разъ во все время свадьбы. Старшій староста беретъ жениха за платочекъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, и выводитъ изъ-за стола. Теперь женихъ идетъ въ домъ невѣсты. Пѣсни, которыя поются въ это время, весьма знаменательны; онѣ указываютъ на то, что мать подводитъ коня для сына, чтобы онъ ѣхалъ къ тещѣ, что было только въ древнюю эпоху, когда одинъ родъ дѣлалъ наѣзды на другой, а затѣмъ указывается на участіе въ этомъ поѣздѣ миѳическихъ существъ—*мисяца, зори*.

V

Визьмы, маты, конычонька за поводы,
Выпроводы свого сына за ворота
Та до тии тещоньки гордои,
Та до тии Маруси молодои.

VI

Маты сына породыла,
Мисяцемъ огородыла,
А зорею пидперезала,
Въ дороженьку выряжала:
Ой, йидь, сыночку,
До тещи въ гостымочку,—
Не пый, сыночку,
Первои налывочки;
Выпый, сыночку,
Конець на грывочку,
Щобъ була въ коня
Грывонька кудрявая,
Щобъ була теща
До тебе ласкавая.

VII

Соколонько та на вылети,
А Ивасё та на выизди;
Соколонько помижъ соколами,
А Ивасё помижъ бояpами.

Женихъ въ сопровожденіи музыкантовъ, старостъ, свашекъ и свитылокъ подходитъ къ дому невѣсты; ея дружки, заслышавъ это, поютъ:

VIII

Бубни гудуть
Удвиръ идуть,
Та снаряжайся,
Снаряжайся, дивко Марыно,
Бо тебе визьмуть.
— Хочъ я снаряжуся,
Та я не боюся,
Бо мене не визьмуть:
Есть у мене родный батько,
Та не дасть мене.

Пѣсня продолжаетъ, что *ридна ненька и ридный братикъ* также не выдадутъ ее. *Свашки* и *свитылки* съ женихомъ, ставши передъ порогомъ дома невѣсты, поютъ:

IX

Любонь же мы та не втрапыли,
Не до свата заихалы
Бо якбы до свата,
То просылы-бъ у хату.

X

Выйды, Маруся, выйды,
Не буде тоби крывды;
Стань соби на помости,
Частуй свои гости.

Староста идетъ въ хату, выводитъ невѣсту изъ-за стола въ сѣни, ставитъ рядомъ съ женихомъ; отецъ и мать хлѣбомъ-солью и иконою благословляютъ молодыхъ, а они кланяются три раза въ ноги. Староста благословляется у дружка 3 раза и заводитъ жениха и невѣсту *на посадъ*. Пѣсни объясняютъ этотъ обрядъ съ миѳической точки зрѣнія и приводятъ миѳическое сравненіе жениха и невѣсты *съ мисяцемъ и зорею*.—Если невѣста сирота, то поютъ ей:

XI

Одчиняй, Боже, ворота,
Иде на посадъ сырота;
Ій серденько ножикомъ крае,
Що батенька не мае.

Когда посадятъ молодыхъ, дружки поютъ:

XII

Сходыла зоря проты мисяца—
Та рано, рано,
Сходыла зоря проти мисяца
Та ранесенько:
„Ты, мисяцю, ты мій братику!
Не сходь же ты попередъ мене;
Та зійдемо обое разомъ,
Осіяемъ небо и землю,
Звиря у поли, щуку-рыбу въ мори“,
Слався Иванъ до Маруси:
„Ты, Марысе, ты моя дружино!
Не сидай же ты попередъ мене,
Та сядемо обое разомъ,
Звеселымо отця и неньку,
Отця-неньку, всю родыноньку“.

Потомъ дружки, обращаясь къ старостамъ, поютъ пѣсню, выражающую упрекъ за то, что такъ долго заставили себя ждать:

XIII

Ой вы старосты,
Вы люде статечніи!
Ой вы буяре, вы сыны отецкіи!
Десь вы, старосты,
Коникивъ добувалы,
Десь вы, буяре,
Жупанивъ позычалы,
Що такъ нерано
До насъ понаизжалы.

Свашки отвѣчаютъ, что дружки *звычая* не знаютъ, что кони старостъ *по станяхъ стоялы, а жупаны по скрыняхъ лежалы*, но ихъ задержала ненька Иванова привѣтными словами, *солодкими* медами.

Дружка вноситъ невѣстино гильце, ставитъ его въ хлѣбъ на столъ; старшая дружка благословится у старосты *гильце квичать*. Получивъ благословеніе, даетъ сперва жениху и невѣстѣ по квиткѣ; они привязываютъ ихъ къ *гильцю*, тогда начинаютъ *квичать* дружки и поютъ такія же пѣсни, какъ и у жениха при украшеніи *гильця*.—Когда украшеніе окончено, дружка поетъ пѣсню, въ которой предлагаетъ боярину выкупить гильце; Боринъ трясетъ его, пробуя, хорошо-ли свито, и бросаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Дружка поетъ насмѣшливыя пѣсни, въ которыхъ выражается недовольство полученными деньгами.

XIV

Шкода мени, буярине,
Твоихъ чорныхъ бривъ:
Я думала, буярине,
Що ты короливъ.
Ажъ ты мужычыще,—
Выкинувъ пъятачыще,
Ажъ ты мужыкъ бидный,
Выкинувъ пъятакъ мидный;
Выкинувъ на тарилку,
Якъ на смихъ, копійку.

XV

Було-бъ тоби, буярыне,
Въ бояре не йты;
Було-бъ тоби, боярыне,
Симъ день молотыть,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты.

Бояринъ прибавляетъ денегъ, ставитъ на тарелку рюмку водки и подноситъ дружкѣ; та выпиваетъ, беретъ деньги, и *гильце* продано. Потомъ пришиваютъ *квитки* къ шапкамъ бояръ съ пѣсней:

XVI

Що я тебе, буярине, попрошу
За твою шапочку хорошу:
Дай мени шапочку носыти
Та до неи квиточку пришыты.

Женихъ и всѣ *попъжане*, вся его свита, въ продолженіе всей свадьбы, т. е. до понедѣльника, сидятъ у невѣсты въ шапкахъ и только снимаютъ, когда крестятся послѣ обѣда и ужина. Шапка здѣсь означаетъ величаніе, почетъ. Дружка пришиваетъ къ шапкѣ квитку, надѣваетъ себѣ на голову и требуетъ выкупа, распѣвая насмѣшливыя пѣсни, когда мало денегъ положено на тарелку. Потомъ пѣсня обращается къ старостѣ: „Староста старесенькій, голубе сывесенькій, выведы насъ изъ хаты на двиръ погуляты, буяръ оглядаты, чи высоки пидборы, чи чорны бровы“.

Послѣ выхода молодежи, подаютъ ужинъ: дружки поютъ:

XVII

Роступитеся, чужына,
Нехай приступе родына:
Нехай батенько частуе,
Щастямъ-долею даруе!

Послѣ ужина староста благословится *„молодыхъ зъ-за стола вывесты“*. Идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди староста ведетъ за платочекъ жениха, женихъ невѣсту, а за невѣстой идутъ дружки по старшинству и поютъ:

XVIII

Утка йде,
Утенята веде
Та на рясочку,
На зелену попасочку,
На зелену травыцю,
На холодну водыцю.

На дворѣ молодые кланяются на всѣ четыре стороны, и всѣ, кромѣ жениха (которому нельзя), танцуютъ. Погуляютъ порядочно, а потомъ невѣста идетъ проситъ кого-нибуь изъ сосѣдей, гдѣ хаты попросторнѣе, принять „музыки“ на всю ночь. Вся молодежъ идетъ туда; женихъ угощаетъ хлопцевъ водкой. Если женихъ изъ чужого села, то договариваются, сколько долженъ дать *парубкамъ выкупу за дивку*. Обыкновено даетъ отъ 1/4 до 1-го ведра водки. Женихъ съ невѣстой идетъ домой, а *челядь* (молодежь) остается гулять на всю ночь. Старшая дружка обязательно должна провести эту ночь со старшимъ бояриномъ (конечно, ничего дурного здѣсь подразумѣвать нельзя). За несоблюденіе этого вѣками освященнаго обычая ее можетъ ожидать масса оскорбленій: бывшій боярынъ можетъ ее выгнать изъ любого общественнаго гулянья.

Вѣнчанье и весилле.

Въ воскресенье до звона къ обѣднѣ родные жениха посылаютъ музыканта въ сопровожденіи младшаго боярина къ невѣстѣ и потомъ ко всѣмъ роднымъ *грать на добрыдень*. Потомъ идутъ всѣ въ церковь, кромѣ родителей жениха и невѣсты. Если молодые еще не вѣнчаны, то благословляютъ иконами жениха и невѣсту, каждаго отдѣльно дома. Обыкновенно вѣнчаются за недѣлю-двѣ до свадьбы. Случается, что или у невѣсты не готово приданое, или жениху не на что свадьбы справлять, а вмѣстѣ съ тѣмъ боятся, чтобы невѣста *не одкинулась*; тогда вѣнчаются безъ всякихъ приготовленій, сейчасъ послѣ заручинъ, и живутъ до свадьбы каждый у своего батька иногда полгода и даже годъ, считаясь чужими другъ другу. Невѣста ходитъ въ цвѣтахъ и ничѣмъ не отличается отъ дѣвушекъ. Отсюда видно

что собственно брачной мистеріей, по народному представленію, считается та народная обрядность, которая сохранилась отъ временъ самыхъ отдаленныхъ. Пѣсни, которыя поются, идя по пути изъ церкви, выражаютъ собою способъ собственно церковной церемоніи и значеніе совершившагося уже *шлюба*.

I

Ой на гори копа—
Обманулы попа:
Далы ёму пятачыще.
А винъ думавъ що рубыще;
Далы ему пятакъ мидный,
А винъ думавъ, що рубъ срибный.

II

Ой спасыби тоби,
Моя ненько,
Що ты мене нарядыла хорошенько!
Та на мене й попы глядять,
Та на мене й дяки глядять,
Та на мене задывляються,
У книжечкахъ помыляютьця.

III

Якъ мы свою Марысю винчалы
Дороги книгы чыталы,
Воскови свичы палылы,
Поки свою Марысю звинчалы.

IV

Якъ руки вязалы,
Той правду казалы.
Розвязавъ пипъ руки
Не буде розлуки.

V

Ой булы мы въ церкви,
Та бачылы дыво:
Два винця на стильци,
Третій на головци.

VI

Шлюбъ брала,
Шлюбъ шлюбовала,
Трычи разомъ,
Передъ образомъ прысягала.

Ой, матинко моя,
Теперъ я не твоя:
Теперъ я того пана,
Зъ кимъ до шлюбу стала.

VIII

Сичена калынонька,
Сиченая—
Уже наша Марыся
Звинченая.
Червони чобиточки
на нози
Золотый перстенекъ
На руци,
Що купивъ Ивасе
Въ дорози.

Иногда невѣста изъ церкви заходитъ къ свекрови на обѣдъ. Когда она возвращается домой, то поютъ:

IX

Леты, леты, соколоньку,
Попереду,
Скажы, скажы моій неньци,
Що я иду,—
Нехай выходыть
Зъ калачемъ,
Бо вже я иду
Зъ панычемъ
Та не такъ зъ панычемъ,
Якъ зъ мужыкомъ,—
Извъязали билы ручы
Рушныкомъ.

X

Ой котыться яблочко зъ Райгорода,
Прыкотылося пидъ ворота:
Одчыняйтеся, воритця,
Бо йде наша Марыся одъ винця!

Передъ порогомъ поютъ:

XI

Выйды, матинко, не тайся,
Свого дытяты пытайся,
Де воно було бувало—
Пидъ царскимъ винцемъ стояло.

Отецъ и мать выходятъ съ хлѣбомъ и иконой, благословляютъ, невѣста кланяется три раза до земли. Дружки поютъ:

Похильнее та деревце
Похыляється,
Покирнее та дытятко
Уклоняється.

Дружко, благословясь, заводитъ „молоду“ за столъ, дружки садятся по лѣвую сторону на лавѣ и поютъ:

XIII

Де ты, Марысю, де ты, дивочко,
Цей ранокъ ранкувала?
— Ранкувала я, пробувала я
У старшои дружечкы;
А у дружечкы, у голубочкы
Тры писарыка пыше.
Що одынъ пыше, другый малюе,
А третій одпысуе.
А одпысуе, одмалевуе
Марысю одъ батенька,
Та прыпысуе, прымалевуе
Марысю до свекорка.

XIV

Ой на гори трава-мурава,
А на неи роса впала,
Ой тамъ М... красу сіяла,
А сіючи розсивала.
Та прыйшовъ до неи рядный батенько:
— Що ты, доненько, діешъ?
„Ой дію, дію, я красу сію,
А сіючи розсываю;
А якъ буде мени замужемъ добре,
То я іи позбираю;
А якъ буде мени замужемъ-худо
То я іи занехаю.

Другая пѣсня выражаетъ желаніе невѣсты пойти на крутую гору посмотрѣть на чужую сторону: „*Чужа дальня сторононька безъ витру шумыть; чужый батько, чужая маты не бье, та болыть. Серце мое камнянее кровью окипыть*“.—Если невѣста сирота, то поютъ слѣдующую поэтическую пѣсню.

XV

Ой велыкій двиръ,
Та маленькій збиръ:
Не вся моя родынонька,—
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька рыдного.
Та пошлю галочку на Вкраиночку,
По рыдну родыночку,
А соловейка выще до неба,
Бо мени батька треба.
А галочка летыть,
Крылечкамы вie—
Вся родынонька иде;
Соловейко летыть—
Крылечкамы мае—
А батенька немае.
Ой нема батенька, нема й не буде,
Споряжайте, добри люде!
Та споряжайте сыротыночку,
Въ чужую краиночку.
Та стоять столы все тесовии,
Та никому застеляты,
Та сыдять сусиды блызьки й далеки,
Та никому частуваты.

Въ пѣснѣ невѣста жалуется, что отецъ обѣщалъ не отдавать ее, *„а теперъ даешъ ты мене, та й не жалуешъ, и свитъ мени та й завязуешъ червоною та кытайкою, дротяною та нагайкою.*

Вскорѣ ожидается прибытіе жениха съ поѣздомъ; дружки изображаютъ это въ пѣснѣ:

XVI

Ой батенько, сывый голубонько!
Ой пиды жъ ты на ту гироньку,
Подывыся у дибривоньку:
А чы шумыть та дибривонька,
А чи йде мій розмай-коса,
Изъ лыченька загубы-краса?
Дочко моя, билозирочко!
Ой ходывъ я на ту гироньку
И дывывся у дибривоньку:
Шумыть-гуде та дибривонька,
Иде, иде твій розмай-коса
Изъ лыченька загубы-краса!

XVII.

Ой встань, Марысе, пидведысь,
У виконечко подывысь:
А чы далеко бояре идуть,
Чы скоро у насъ будуть?
А ще бояре на мисти,
Сидлають коней сто-двисти.
Кинь вороный припавъ росою,
Самъ молодець красою.

XVIII

Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ,
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ королевычъ конемъ грае,
Пидъ царскій двиръ пидъизжае
Хоче царя звоювaты,
А царивну соби взяты.
Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ;
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ Ивасе конемъ грае,
Пидъ тестивъ двиръ пидъизжае,
Хоче тестя звоювaты,
А Марысю соби взяты.

Когда поѣздъ приближается, пѣсня изображаетъ страхъ невѣсты; она проситъ отца спрятать ее за горы каменныя, *обсадить вишнями, черешнями, хрещатымъ барвинкомъ.*

Въ это время у жениха идутъ приготовленія для отправленія *съ поиздомъ* къ невѣстѣ. Старшая свашка пришиваетъ всѣмъ поѣзжанамъ: *свашкамъ*, боярамъ, свитылкамъ, старостамъ, музыкантамъ *по квиткѣ* изъ красной ленты; при чемъ всѣ мужчины, исключая музыкантовъ, бросаютъ ей немного денегъ. Отецъ даетъ жениху два хлѣба подъ руки, старшій бояринъ беретъ *гильце*, меньшій *коровай*; свашки—*шишки, борону, пранык* и подарки всѣмъ родичамъ невѣсты, о которыхъ было условлено на заручинахъ; свитылка беретъ зажженный *свитильникъ*, и выходятъ всѣ на дворъ. Съ порога хаты за ворота провожаетъ ихъ мать, обсыпая жениха житомъ, овсомъ, сѣмечками, орѣхами, у богатыхъ деньгами. Обсыпаніе зернами, въ особенности *житомъ*, деньгами предзнаменуетъ жизнь, *житя добре, богате*.

Пѣсня изображаетъ, что мать выводитъ коня для сына и отправляетъ его къ тещѣ гордой. Другая пѣсня поэтически представляетъ борьбу сына.

Ой по-пидъ лисомъ бытая дориженька;
А середъ лису рублена керныченька.
Ой туда йихавъ Ивасе зъ бояраии;
Ему калына дорогу заступыла.
Выйнявъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до его промовляты:
— Не рубай мене голою шабелькою,
Обмотай мене сынею китайкою,
Не за-для тебе ця калына сажена,
А за-для тебе Маруся наряжена.

Подходятъ къ двору невѣсты; но тамъ паробки заперли ворота, завалили ихъ, чѣмъ попало: бревнами, поставили поперекъ возъ, однимъ словомъ, устроили что-то вродѣ баррикады и не пускаютъ во дворъ, требуя выкупа *за дивку*. Свашки въ пѣснѣ просятъ не преграждать дороги:

Поселяне, городяне,
Просимо васъ,
Не спынайте дориженьки
Насупротивъ насъ,
Бо въ насъ письмечко
Одъ государя,
Щобъ намъ дорога не запынана.

Поѣздъ жениха не пропускаютъ. Происходитъ примѣрная битва: старосты и бояре нападаютъ, парубки защищаются; при чемъ вмѣсто сабель служатъ имъ палки. Примѣрное сраженіе служитъ напоминаніемъ древняго обычая похищать и воевать изъ-за невѣстъ. Свашки объясняютъ въ пѣснѣ причину препятствія:

Дывны люде городяне,
Аще дывнищи поселяне:
Поставалы на воротяхъ зъ кыями,
За чарку горилки не пускаютъ до дивки.

Дружки въ хатѣ поютъ пѣсню, въ которой выражается желаніе узнать, что это происходитъ за стычка:

Ой що жъ бо то повнихало?
Чи зъ села селяне,

Чи зъ міста мищане?
Нехай будемъ знать,
Кому уступать.

Женихъ даетъ паробкамъ, защищающимъ ворота, на водку; они пропускаютъ только однихъ *старостивъ*, а остальныхъ еще задерживаютъ. Старосты идутъ въ хату, неся кружку съ водой и шишку и привѣтствуютъ слѣдующимъ образомъ: „*Здравствуйте! зъ недилею будьте здорови; Кланявся молодый молоди, а сватъ сватови, а сваха сваси, а бояре дружкамъ!*“ Дружки поютъ насмѣшливую пѣсню относительно старостъ:

Первыи послы прышлы,
Не вміють говорыты,
Не шапочкы зняты,
Не ручки даты:
Шапочка прышыпая,
Ручечка прыбытая.

Староста подчуетъ дружка изъ кружки; но тотъ не хочетъ пить, говоря: „*прызволяйтесь перше вы, може вы намъ помый прынеслы, або якого яду*“. Староста увѣряетъ, что это хорошее вино *зъ-загряныци*, пробуетъ и шатается, какъ пьяный. Младшій староста поддерживаетъ его: *помалу, бо ще впадешъ*“. *О! що це за вино? Отъ потребуйте нашого: наше зъ Адесу, а це, мабуть, якесь нимецьке, не крипке*“. Попробуютъ старосты, но имъ тоже не нравится: они уходятъ къ своимъ за ворота, говоря: „*Кланялась молода молодому, а сваха свашкамъ, а дружки боярамъ*, а кочерга лопатамъ, а пичъ музыкантамъ!“.

Старосты идутъ второй разъ и возвращаются, и наконецъ за третьимъ приглашаютъ; подаютъ имъ кружку воды, которой они умываютъ руки и два рушныка которыми старосты перевязываютъ другъ друга черезъ плечо. Пѣсня объясняетъ обрядъ:

Мые дружка ручкы
Поглядае на килочкы,
Чы не высять рушнычки
Въ нашои паняночкы.
Въ нашои паняночкы
Рушнычкы зъ китаечки.

Староста обращается къ поѣзжанамъ. Женихъ упрашиваетъ хлопцивъ пропустить ихъ: „*Мы люде хороши, не розбишаки, не воры, пустить пожалуста!*“

— „*Ну, мабуть, не дуже хороши! Головы попробываны—кровъ тече* (красныя ленты на шапкахъ), *а котри пишлы въ хату, то повыходылы позвъязуваны*“. Эта рацея, которая теперь въ устахъ народа кажется странною, есть отголосокъ сѣдой древности, войны и похищенія невѣстъ.

Жениха пропускаютъ во дворъ, а не въ хату; передъ порогомъ ставятъ столъ, накрытый скатертью, хлѣбъ, соль, ведро воды. Тутъ женихъ подноситъ подарки *батькови борону изъ тѣста*, сукно, матери *пранык* и сапоги; мать надѣваетъ сапоги и поетъ извѣстную пѣсню:

Оце жъ тіи чоботи, що зять давъ,
А за ціи чоботы дочку взявъ и т. д.

Со стороны невѣсты дружко выноситъ подарки: жениху платокъ, который беретъ старшій бояринъ, обводитъ имъ три раза вокругъ головы, вытретъ ему носъ и привязываетъ къ поясу; старостамъ и дружкови подносятся „рушныки“, а свашкамъ, свитылкамъ по платочку. Въ это время поется пѣсня, что пріѣхали гости, они убѣждаютъ Марусю поѣхать на чужую сторону: „*тамъ горы крейдовыи, ростуть травы шелковыи, текуть рики все медовыи. Летила зозуля—сила, впала и закувала: „не йидь, не здавайся!*“

Далѣе идутъ обряды продажи невѣсты въ чужую сторону, которая рисуется ужасной. Пѣсни теперь изображаютъ тяжелое чувство невѣсты:

I

Ой глянь, Марусе, кризъ калачъ
Карымы очима, та й заплачъ,
Бо иде твоя розмай-коса, загубы-краса.
Горихови квитки, завъязанный свите!

II

Ходять буяре по двору,
Сыплять золото по столу
Мы жъ того золота не беремо,
Мы жъ своей Маруси не даемо.

Въ это время невѣста обязательно должна плакать. Пѣсни въ утѣшеніе изображаютъ жениха, какъ солнце, что *краще и выще всихъ*.

Лита лита соколонькy
Коло сонця,
Прилитае соколонько
До виконця,
„Чы се жъ тая свитлонька
Рубленая,
Чы се жъ тая Маруся
Шлюбленая“

Затѣмъ идетъ сцена, представляющая переговоры свашекъ на дворѣ и дружекъ въ хатѣ: переговоры ведутся при помощи пѣсенъ. Свашки приглашаютъ невѣсту:

Выйди, Марусе, выйди,
Не буде тоби кривды и т. д.

Дружки изъ хаты отвѣчаютъ:

Нема Маруси дома:
Пишла въ лугъ по калыну;
Якъ прийде зъ калыною
Зійдется зъ родыною.

Свашки поютъ:

Пусты, свату, въ хату,
Тутъ насъ не багато:
Четверо та пьятеро,
Та всихъ девьятеро.

Дружки отвѣчаютъ:

Просимъ, буляре, до хаты,
Годи шальпіи топтаты
Червонными чобитками
Золотыми пидкивками.

Свашки поютъ:

А въ нашого свата
Соломяна хата,—
Боиться пустыты,
Щобъ не розвалыты.

Дружки отвѣчаютъ:

Ой на хати зимля,
А въ хати весилля;
На двори буляре,

Явъ макъ процвитаютъ.
А въ синяхъ болото,—
За столомъ, якъ золото.

Передъ тѣмъ, какъ поѣзжане входятъ въ хату, братъ долженъ сѣсть подлѣ сестры съ палкой, а пѣсня ему поетъ: сичи, рубай, сестры не давай!"

Когда женихъ входитъ въ хату, его встрѣчаетъ теща въ вороченомъ кожухѣ, верхомъ на кочергѣ, въ мохнатой шапкѣ и съ горшкомъ въ рукахъ, наполненнымъ водою и овсомъ. Она, не говоря ни слова, подноситъ ему *оброкъ* (овесъ), а сама ходитъ вокругъ и бьетъ его кочергой. Горшокъ съ оброкомъ женихъ бросаетъ себѣ черезъ голову, а стоящіе тутъ хлопци спѣшатъ на лету разбить его. Въ этомъ темномъ обрядѣ слѣдуетъ видѣть напоминаніе о жертвѣ, и разбиваніе горшка указываетъ на разбиваніе посуды при жертвоприношеніяхъ, чтобъ она уже не служила ни для какого другого употребленія. Кочерга является въ знакъ почитанія священнаго очага.

Сватъ, входя въ хату, ударяетъ три раза накрестъ по одвиркамъ,—очевидно почитаніе дверей или пенатовъ:

Такъ какъ будутъ отнимать у брата сестру и покупать ее, то пѣсня изображаетъ это:

Не наступай Литва,
Буде въ намы битва,
Будемъ биты, вожвати,
Маруси не давати.

Происходитъ также драматическая сцена покупки у брата сестры. Пѣсни передаютъ всѣ моменты торга и продажи.

Старосты заводятъ жениха къ невѣстѣ *на посадъ*. Невѣста въ это время стоитъ, низко нагнувшись къ столу; на головѣ у нея старшій дружко держитъ калачъ, накрытый платкомъ. Когда сядетъ женихъ, дружки поютъ:

Ще жъ наша тарилочка
Не цинована,—
Ще жъ наша Маруся
Не цилована.
Треба тую тарилочку
Оцинувати—
Треба нашу Марысю
Поцилувати!

Женихъ срываетъ съ нея платокъ и спѣшитъ поцѣловать. Если же дружка поцѣлуетъ раньше его, всѣ смѣются надъ его неловкостью, а дружки поютъ:

Було бъ тоби не женытыся,
Було бъ тоби волочытыся,
Бубо бъ тоби жинкы не браты,—
Бо не вмiешъ цiловаты.

Происходитъ обѣдъ съ упрашиваньемъ ѣсть, выраженнымъ въ драматической формѣ пѣсенъ.

Подъ конецъ дня невѣста съ старшей дружкой старается спрятаться гдѣ-нибудь, но ихъ сторожатъ и вскорѣ находятъ. Это опять, вѣроятно, обычай изъ эпохи умыканья.

За ужиномъ идетъ шуточная пересмѣшка въ формѣ пѣсенъ между свашками и свитылками, въ родѣ обращенія: *„не будь така горда, якъ свыняча морда!“*.

Покрываніе невѣсты.

Наступаетъ затѣмъ драматическій моментъ покрыванья невѣсты; свашка снимаетъ съ нея вѣнокъ, братъ долженъ расплетать косу; свашки скручиваютъ ее и хотятъ надѣть *каптуръ*; невѣста три раза сбрасываетъ его; но за послѣднимъ разомъ надѣваетъ. Пѣсни изображаютъ эту борьбу:

Ой, Марысе-дивко,
Скынь очипокъ къ дидьку:
Винъ тоби не подоба,
Не прыставъ до лоба.
Искынь, искынь, бо не годытьця:
Краща дивка, якъ молодыця
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстае чилка до лоба.

Свашка со стороны жениха надѣваетъ шапку, которую снимаетъ съ нея, а со стороны невѣсты ея вѣнокъ; потомъ становятся на лаву по сторонамъ *молодыхъ*, берутъ платокъ, принесенный съ короваемъ, за концы; машутъ имъ надъ головами молодыхъ (покрываютъ ихъ) и поютъ:

Мы жъ тебе, сестрыце, покрываемъ,
Щастямъ, здоровьямъ надиляемъ.

Щобъ була здорова, якъ вода,
А багата, якъ земля.
Дай, Боже, дай!
Цилуватися, мылуватыся
Одъ молодости до старости,—
Дай, Боже, дай!

Цѣлуются три раза черезъ столъ, мѣняются вѣнкомъ и шапкой, и такъ происходитъ три раза.

Въ пѣснѣ свашки объясняютъ совершившійся обрядъ:

Ой такъ мы зробылы
Якъ сами схотилы:
Зъ киыша паляныцю,
Зъ дивчыны молодыцю.

Дружки отвѣчаютъ:

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ ій розвертилы
И въ садокъ повелы,
И винокъ изплелы;
Мы бъ ій заквичалы,—
Вы бъ ій не пизналы.

Въ драматической формѣ также происходитъ обрядъ раздаванья коровая:

Наконецъ, невѣста должна собираться въ домъ жениха; родители благословляютъ ее; невѣста горько плачетъ, разставаясь съ ними. Когда выходятъ на дворъ, отецъ беретъ плеть, бьетъ слегка дочь и передаетъ плеть зятю; тотъ обходитъ невѣсту кругомъ три раза, бьетъ, каждый разъ приговаривая: „*Покидай батькови, та матерыни норовы, та беры мои*!“ Пѣсня объясняетъ пріѣздъ невѣсты къ жениху въ поэтической формѣ:

Прылетила та тетеречка,
Не учора, та теперычка,
Сила середъ двору,
Просыться въ комору.
Та не кишкайте,
Не полохайте,—
Нехай вона прывыкае,
Та до дому не втикае.

Другая пѣсня далѣе реальнаго свойства:

Невистко моя, жадэнко!
Весь викъ я тебе ждала,
Симъ годъ сорочокъ не прала,
Поки тебе молодую дожыдала.

Родители жениха благословляютъ ихъ; при этомъ мать насыпаетъ сыну за воротникъ жита—символъ хорошей жизни, а невѣсткѣ накрываетъ голову платкомъ, нагибаетъ, беретъ голову ея себѣ подъ руку, говоря; „*Якъ не бачишъ, куды йдешъ, щобъ такъ лыха не бачыла*!

Обычай коморы.

Брачное ложе устраивается обычно; благополучіе невѣсты объявляется пѣснею съ ея стороны:

Не бійся, матинко, не бійся!
Въ червоныи чобитки узуйся!
Топчи ворогы пидъ ноги,
Щобъ твои пидковки брязчалы,
Щобъ твои вороги мовчалы!

А гости поютъ по улицамъ:

Темного лугу калына,—
Доброго роду дытына:
Хочъ вона по ночамъ ходыла,
Пры соби красу носыла.
Куповалы купцы—не продала,
Просылы хлопци—вона не дала.
Шовкомъ ниженьки звъязала,
Для свого Ивася держала.

Въ такихъ случаяхъ невѣста повязывается краснымъ платкомъ, и бояре украшаются такими же платками. Пѣсня изображаетъ это такъ:

Знаты Марысю, знаты
Зъ которои вона хаты.
Черчикомъ обсыпано,
Калиною обтыкано,
И лавки и прылавки
Зъ червоной китайки.

Въ то время, когда родители угощаютъ за радостную вѣсть о цѣломудріи невѣсты, молодая женщина относитъ въ *комору къ молодымъ вечерять жареную курицу* и меду. Первая составляла жертвенное животное бога-громовника, какъ покровителя брака, да и медъ принадлежалъ къ священнымъ жертвеннымъ кушаньямъ. Отъ этого обрядового кушанья у насъ и пошло названіе *медового мѣсяца*.

Въ понедѣльникъ молодые идутъ къ матери невѣсты; мать сначала не узнаетъ своей дочери, *молодый* снимаетъ съ нея платокъ; дочь цѣлуетъ руку матери; *молодые* входятъ въ хату и исполняютъ обязанности хозяевъ. Послѣ закуски бояринъ беретъ *виху*, красный платокъ, привязанный къ палкѣ, и отправляются къ попу, которому подносятъ шишку съ калиной, перевязанную красной лентой. Потомъ идутъ къ пану, жиду-шинкарю, старостѣ.

Во вторникъ молотятъ жито, которое было на *посадѣ*.

Въ среду опять собираются къ отцу невѣсты; строятъ посреди улицы хату, т. е. ставятъ три жерди, накрываютъ ихъ рядномъ, привязываютъ кота, собаку и пѣтуха, вносятъ столъ, скамейку, хлѣбъ, ведро воды; потомъ святятъ хату, продаютъ ее и требуютъ, чтобы родители выкупили.

Въ четвергъ рядятся, кто жидомъ, кто цыганомъ, и идутъ по сосѣдямъ, просятъ куръ, а иногда и сами ловятъ ихъ, варятъ и угощаются.

Вода, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ является при свадебныхъ обрядахъ; она есть символъ небесной воды—дождя, дающаго плодородіе, что въ свадьбѣ должно имѣть существенную цѣль. Пѣтухъ и курица посвящались богу, покровителю брака.

Всѣ обряды и пѣсни, изъ которыхъ состоитъ малорусская свадьба, опоэтизировали то жизненное явленіе, которое представляетъ собою бракъ. Этотъ моментъ содержитъ въ себѣ много драматическаго, и потому религіозная народная мистерія представляется намъ въ знаменательной драматической формѣ первобытнаго свойства.

Подобная народная драма послужила въ древности основаніемъ для величественной классической драмы, и мы убѣждены, что и наша драма, вышедшая изъ этой глубоко-жизненной основы, могла бы развиться въ цвѣтъ, который пышностью своею затмилъ бы все ходульное, насколько правда и жизнь затмеваютъ всякую поддѣлку подъ живое чувство, и насколько кривлянье паяца уступаетъ естественной простотѣ народнаго мудреца!.

Хр. Ящуржинскій.

Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка.

(1628).

Куруковскій договоръ (1625), явившійся какъ результатъ одного изъ многочисленныхъ козацкихъ возстаній первой половины XVII вѣка, возстанія, извѣстнаго по имени его предводителя Жмайла, установилъ ту норму отношеній къ козакамъ со стороны польскаго правительства, которую послѣднее признавало единственно возможною. Козачество, не признаваемое какъ сословіе, должно было составлять не болѣе какъ отрядъ постояннаго наемнаго войска, подчиненный польскимъ гетманамъ; отрядъ этотъ не долженъ былъ превышать незначительнаго, точно опредѣленнаго количества (6,000).

Козакамъ вмѣнялось въ обязанность не вмѣшиваться ни во внутреннія сословныя и религіозныя столкновенія на Украинѣ, ни во внѣшнія политическія отношенія речипосполитой къ ея сосѣдямъ. Въ текстѣ договора съ особенною настойчивостью формулированы были статьи, воспрещавшія козакамъ предпринимать морскіе походы на турецкія владѣнія, сноситься безъ вѣдома правительства съ иностранными государями, наниматься къ нимъ въ военную службу, главнымъ же образомъ нарушать въ чемъ бы то ни было мирныя отношенія речипосполитой къ турецкой имперіи. Гарантіею въ исполненіи этихъ предписаній польское правительство признавало установленный имъ контроль по отношенію къ выбору козацкихъ начальниковъ,

который по силѣ Куруковскаго договора предоставленъ былъ польскимъ гетманамъ.

На первый же разъ коммиссары, составлявшіе статьи договора, собственною властью, безъ выбора со стороны козаковъ, назначили „старшаго войска Запорожскаго“. Должность эта предоставлена была Михаилу Дорошенку, хорошо извѣстному полякамъ, какъ старый товарищъ Сагайдачного, которому тотъ поручалъ вести переговоры съ польскими начальниками еще во время Хотинскаго похода.

Въ дѣлѣ внутренней политики, т. е. польско-русскихъ отношеній, Дорошенко былъ представителемъ того теченія въ козачествѣ, которое стремилось идти по слѣдамъ Сагайдачного въ указанномъ имъ направленіи; оно имѣло въ виду, не разрывая установленныхъ отношеній къ польскому правительству, напротивъ того, оказывая ему услуги въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ вознагражденіе за эти услуги требовать уступокъ, необходимыхъ для всего населенія южно-русскаго края. Благодаря такому образу дѣйствій, Сагайдачный въ награду за два похода, Московскій (1618) и Хотинскій (1621), достигъ признанія правительствомъ легальнаго существованія „войска Запорожскаго“ въ кіевскомъ воеводствѣ, безъ ограниченія количества его реестромъ и возстановленія православной церковной іерархіи, упраздненной уніатами.

Разумѣется, подобная политика требовала извѣстной доли терпѣнія, умѣнья выжидать и пользоваться обстоятельствами, значительной выдержки и сознанія; къ несчастью народъ южно-русскій не былъ въ данное время политически развитъ на столько, чтобы соразмѣрить свои силы и средства съ возможностью постепеннаго и послѣдовательнаго достиженія своихъ политическихъ и общественныхъ дезидератовъ. За исключеніемъ немногочисленной группы людей болѣе развитыхъ и сознательныхъ, вся остальная масса козаковъ и крестьянъ, стремившихся въ козачество, находила частичныя уступки неудовлетворительными, требовала безотлагательнаго переворота и, предъявляя безусловный протестъ существующимъ отношеніямъ, готова была вступить въ рѣшительную борьбу, не соразмѣряя своихъ силъ и шансовъ успѣха. Правда, Сагайдачный, воспользовавшись присут-

ствіемъ польской арміи во время Хотинскаго похода, успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, подавить это направленіе безусловнаго протеста въ лицѣ его представителя Бородавки; но уже вскорѣ послѣ смерти самого Сагайдачнаго направленіе это, не сдерживаемое его авторитетомъ, проявилось въ рѣзкой формѣ въ возстаніи Жмайла, которое повлекло за собою потерю значительной доли того, что было пріобрѣтено Сагайдачнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ возстанія является ограниченіе числа козаковъ реестромъ, контроль надъ выборами ихъ начальниковъ и запретъ оказывать вліяніе на ходъ общественной жизни въ краѣ; все это представляло огромный шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ, какое заняло козачество при Сагайдачномъ.

Положеніе новаго гетмана Дорошенка было весьма трудное: съ одной стороны, слѣдуя программѣ Сагайдачнаго, онъ старался, не смотря на стѣснительныя для козаковъ постановленія Куруковскаго договора, сохранить добрыя отношенія къ польскому правительству, въ то же время выжидая лишь удобнаго случая, чтобы потребовать отъ него возможныхъ уступокъ; съ другой стороны, онъ принужденъ былъ считаться съ порывами козачества къ протесту, къ несчастью не предвѣщавшими успѣха. Среди такого колебанія прошли первые три года гетманства Дорошенка, о которыхъ встрѣчается весьма мало данныхъ въ источникахъ; за все это время мы находимъ только два указанія на его дѣятельность. Въ 1626 году онъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ участвовалъ въ походѣ регимента Стефана Хмелецкаго противъ татаръ; во время этого похода Буджацкіе татары, ворвавшіеся въ Кіевщину въ количествѣ сорока тысячъ, понесли рѣшительное пораженіе въ окрестности Бѣлой Церкви. Объ участіи козаковъ въ этомъ походѣ Хмелецкій доносилъ королю слѣдующими словами: „въ этой битвѣ запорожскіе козаки выказали большое мужество и преданность В. К. М-ти и речипосполитой“ [1]). Преданность эта не мѣшала, однако, Дорошенку домогаться отъ польскаго правительства уступокъ въ пользу южно-русскаго народа и

[1]) Сборникъ Лѣтописей, относящ. къ Южной и Западной Руси, стр. 256

протестовать противъ испытываемыхъ имъ отъ поляковъ притѣсненій. Такъ, въ 1627 году, когда королевичъ Владиславъ потребовалъ Дорошенка со всѣмъ его войскомъ для участія въ шведскомъ походѣ, гетманъ не подчинился этому требованію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что козакамъ не уплачено жалованье, что ихъ обременяютъ поборами и притѣсняютъ православную вѣру, вслѣдствіе чего они, вѣроятно, вынуждены будутъ поступить на службу къ московскому царю [1]).

Въ 1628 году на южной границѣ Запорожья возникла коллизія, дозволившая Дорошенку выступить въ активной роли и удовлетворить народнымъ порывамъ, оставаясь въ тоже время, хотя отчасти, на легальной почвѣ. Мотивы этого дѣла истекали изъ внутреннихъ отношеній крымскаго ханства.

Вассальная зависимость Крыма отъ Турціи была крайне неопредѣленно обусловлена во время подчиненія Крыма при Менгли-Гиреѣ; несомнѣнно, султану принадлежало право по желанію смѣщать и назначать хановъ, но въ выборѣ ихъ онъ долженъ былъ ограничиваться членами рода Гиреевъ; сверхъ того, онъ связанъ былъ обѣщаніемъ не подвергать смертной казни членовъ этого рода; наконецъ, султанъ пользовался правомъ требовать военной помощи отъ хана по своему усмотрѣнію и занимать своими гарнизонами нѣкоторыя крѣпости въ предѣлахъ ханства. Впрочемъ, эти условія зависимости никогда не были точно установлены, держались они исключительно на обычѣ, а не на письменномъ трактатѣ [2]) и, благодаря такой неопредѣленности, болѣе энергичные изъ хановъ старались по возможности ослабить долю своей зависимости отъ султана, не подчинялись его распоряженіямъ относительно военныхъ походовъ и т. д. Султаны съ своей стороны нашли вѣрный способъ для постоянной угрозы ханамъ: пользуясь многочисленностью рода Гиреевъ, они постоянно удерживали въ Стамбулѣ нѣсколько десятковъ представителей этой фамиліи и, при малѣйшемъ ослушаніи со стороны хана, грозили ему смѣщеніемъ и замѣною его однимъ изъ родственниковъ.

---

[1]) Акты Московскаго Государства I, 215—216.

[2]) Смирновъ. Крымское ханство, стр. 294—32.

Сверхъ того, автономныя стремленія хановъ значительно ослаблялись вслѣдствіе причинъ, скрывавшихся въ внутреннихъ отношеніяхъ самого ханства. Въ вассальной зависимости отъ крымскаго хана находились ногайскія орды, которыя въ свою очередь тяготились этою зависимостью. Болѣе сильные и болѣе энергичные изъ ногайскихъ начальниковъ съ своей стороны мечтали освободиться отъ подчиненія хану и готовы были стать въ непосредственныя вассальныя отношенія къ Портѣ, т. е. сдѣлаться самимъ самостоятельными ханами; такимъ образомъ они представляли внутри самого ханства выгодное для султановъ орудіе въ борьбѣ ихъ съ автономическими стремленіями Гиреевъ.

Всѣ указанные мотивы особенно рѣзко проявились въ третьемъ десятилѣтіи XVII вѣка: ханъ Джанибекъ-Гирей, заподозрѣнный въ стремленіи къ излишней самостоятельности, былъ смѣщенъ въ 1623 году подъ предлогомъ небрежнаго поведенія въ персидскомъ походѣ и преемникомъ ему, по протекціи визиря Гуссейна-паши, назначенъ Мухамедъ-Гирей III, находившійся въ то время въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ. Новый ханъ оказался человѣкомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и самостоятельнымъ; опираясь на содѣйствіе своего брата Шагинъ-Гирея, которому онъ предоставилъ званіе калги [1]), онъ не пожелалъ выполнять предписаній Порты, не доставлялъ требуемыхъ военныхъ контингентовъ и не строилъ указанныхъ султаномъ крѣпостей. Послѣ многократныхъ напоминаній, султанъ рѣшился смѣнить непокорнаго хана; на мѣсто его вновь назначенъ былъ Джанибекъ-Гирей, котораго послали въ Кафу въ сопровожденіи турецкаго флота съ сильнымъ отрядомъ войска. На этотъ разъ однако смѣна не состоялась: Мухамедъ-Гирей нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе и принудилъ ихъ удалиться изъ Крыма. Съ своей стороны Порта, занятая въ то время другими политическими отношеніями, на время покрыла молчаніемъ это сопротивленіе своего

[1]) Должность калги была установлена еще Менгли-Гиреемъ; калга былъ намѣстникомъ хана и пользовался въ его отсутствіи всѣми аттрибутами его власти на эту должность ханы обыкновенно назначали самыхъ любимыхъ родственниковъ, которымъ желали передать престолъ послѣ своей смерти. (Смирновъ, стр. 350—355);

вассала, даже возобновила съ нимъ сношенія, какъ-бы ничего не произошло, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріискивала средства къ его удаленію и съ этою цѣлью обратила вниманіе на положеніе ногайскихъ ордъ.

Въ то время самымъ сильнымъ изъ мурзъ ногайскихъ былъ начальникъ Буджацкой орды Канъ-Темиръ мурза, владѣвшій южною частью нынѣшней Бессарабіи отъ Аккермана до Киліи, т. е. такъ называемымъ Буджакомъ. Онъ давно уже тяготился зависимостью отъ Крыма, уклонялся отъ выполненія ханскихъ приказовъ, предпринималъ набѣги на Русь безъ вѣдома хана и стремился къ учрежденію самостоятельнаго ханства подъ турецкимъ протекторатомъ. Его-то и избрало турецкое правительство для противовѣса Мухамедъ-Гирею послѣ столкновенія съ послѣднимъ; теперь власти особенно милостиво отнеслись къ Канъ-Темиру: ему обѣщано было покровительство султана, затѣмъ предоставлено званіе силистрійскаго паши, благодаря чему онъ, какъ высокій турецкій сановникъ, становился въ непосредственную зависимость отъ султана и освобождался отъ подчиненія крымскому хану. Замѣтивъ опасность, грозившую ему со стороны Буджака, Мухамедъ-Гирей рѣшился предупредить ее и послалъ Канъ-Темиру грозный приказъ—переселить Буджацкую орду въ Крымъ для прекращенія ея самовольныхъ набѣговъ на польскія владѣнія. Приказъ этотъ, разумѣется, не былъ исполненъ и въ Буджакъ посланъ съ войскомъ калга Шагинъ-Гирей, чтобы принудить Канъ-Темира къ повиновенію; но тотъ заблаговременно перевелъ свою орду на правый берегъ Дуная, въ Добруджу, входившую въ составъ Силистрійскаго пашалыка и слѣдовательно числившуюся во владѣніяхъ оттоманской имперіи внѣ территоріи, подвластной хану. Шагинъ-Гирей въ свою очередь переправился въ Добруджу, сразился съ Канъ-Темиромъ, но былъ разбитъ на голову и съ трудомъ спасся обратно въ Крымъ; туда же, преслѣдуя его по пятамъ, явился Канъ-Темиръ и осадилъ въ Бахчисараѣ обоихъ Гиреевъ, которые заперлись тамъ съ небольшою горстью приверженцевъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ сдѣланы уже были всѣ приготовленія на случай побѣды Канъ-Темира, и Ди-

ванъ, узнавъ о желанномъ исходѣ столкновенія, объявилъ и хана, и его калгу измѣнниками, дерзнувшими вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ одну изъ турецкихъ областей. Оба они были отрѣшены, на мѣсто хана назначенъ вновь Джанибекъ-Гирей, а на должность калги его братъ Девлетъ-Гирей, и сильный турецкій флотъ съ численнымъ дессантомъ отправленъ въ Кафу для возведенія на престолъ новаго хана при помощи Канъ-Темира. Осажденные Гиреи, очутившись въ столь критическомъ положеніи, попытались спастись путемъ привлеченія новаго неожиданнаго союзника, и Шагинъ-Гирей послалъ на Запорожье Болгаръ-мурзу просить помощи у козаковъ.

Въ то время находился на Запорожьи и самъ гетманъ Михаилъ Дорошенко, который, согласно требованію статей Куруковскаго договора, обязанъ былъ постоянно пребывать на Низу съ 1,000 реестровыхъ козаковъ для предотвращенія козацкихъ морскихъ походовъ. Переговоры мурзы съ гетманомъ привели къ заключенію слѣдующихъ условій, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ: Шагинъ-Гирей обязался уплатить козакамъ 100,000 червонцевъ и сдать имъ недавно отстроенную у границъ Запорожья крѣпость Исламъ-Керменъ, если они своевременно придутъ на выручку хану. Дорошенко принялъ эти условія и немедленно двинулся въ Крымъ съ 4,000 козаковъ (очевидно къ реестровымъ присоединилась и проживавшая на Запорожьи вольница). Непосредственно за Перекопомъ козаки были окружены ногайскими сонмищами, тотчасъ построили таборъ и храбро двигались къ Бахчисараю, въ теченіи шести сутокъ непрерывно отбиваясь отъ татаръ. Въ этомъ переходѣ палъ гетманъ Дорошенко съ четвертою частью всего товарищества, но оставшіеся въ живыхъ козаки все-же пробились къ Бахчисараю, подъ стѣнами котораго разгромили Канъ-Темира, принудили его бѣжать въ Кафу подъ прикрытіе турецкаго гарнизона и освободили союзниковъ изъ осады; въ это самое время прибылъ въ Кафу и турецкій флотъ, сопровождавшій Джанибекъ-Гирея.

Между тѣмъ пораженіе Шагинъ-Гирея въ Добруджѣ, вторженіе Канъ-Темира въ Крымъ и появленіе турецкаго флота у Кафы — всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя совершенно уничтожили автори-

тетъ Мухамедъ-Гирея среди подданныхъ; не смотря на побѣду, одержанную козаками у Бахчисарая, предводители крымскихъ татаръ отказали ему въ поддержкѣ, приняли сторону новаго хана и отправились къ нему въ Кафу. Оставленные татарами Мухамедъ и Шагинъ вынуждены были бѣжать изъ Крыма, а козаки возвратились на Запорожье, куда вскорѣ явился и Шагинъ-Гирей.

Согласно условію онъ сдалъ Исламъ Керменъ [1]) козакамъ, которые снесли укрѣпленія этого города и перевезли на Запорожье бывшую въ крѣпости артиллерію, послѣ чего временно дозволили Шагинъ-Гирею кочевать на земляхъ запорожскихъ впредь до полученія по этому дѣлу королевскаго рѣшенія. Затѣмъ оба союзника снарядили совмѣстно посольство къ королю. Шагинъ-Гирей просилъ для себя покровительства и помощи королевской, обѣщая въ случаѣ успѣха подчинить Крымское ханство протекторату Польши [2]). Съ своей

---

[1]) Ниже пороговъ, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, находилась самая удобная переправа на Днѣпрѣ, который въ этомъ мѣстѣ не раздѣленъ на рукава и представляетъ одно русло. Здѣсь обыкновенно переходили Днѣпръ татары, когда устремлялись въ набѣгъ на Украину; мимо этого пункта спускались также изъ Запорожья козацкія флотиліи, отправлявшіяся въ Чорное море; поэтому обладаніе Таванскою переправою представлялось вопросомъ чрезвычайной важности какъ для козаковъ, такъ и для турокъ и мы видимъ, что съ этою цѣлью еще Витовтъ, послѣ битвы надъ Ворсклою, спѣшитъ построить крѣпость у Тавани (M. Bielski. Kronika, стр. 283 Михаилъ Литвинъ, стр. 9). Съ своей стороны Менгли-Гирей выстроилъ въ 1492 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра новую крѣпость, извѣстную подъ именемъ Тавани (Сборн. Русск. истор. Общ. т. XLI стр. 149). На противуположномъ берегу Днѣпра существовала въ XVI стол. татарская крѣпость Исламъ-Керменъ, которую разрушилъ въ 1576 году кн. Дмитрій Вишневецкій; султанъ приказалъ крымскому хану возстановить ее и ослушаніе этому приказу было главнымъ поводомъ гнѣва падишаха противъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1627 г. послѣдній занялся наконецъ постройкою крѣпости, но уже въ 1628 г. Шагинъ-Гирей сдалъ ее козакамъ, которые разметали укрѣпленія.

[2]) Впрочемъ попытки Мухамеда и Шагина-Гиреевъ возвратить свою утраченную власть были безуспѣшны, не смотря не многократныя ихъ вторженія въ Крымъ при помощи козаковъ, черкесовъ, кумыковъ и своихъ татарскихъ приверженцевъ. Въ одной изъ такихъ попытокъ (1629 г.) Мухамедъ-Гирей палъ въ битвѣ у Кара-су; Шагинъ еще въ теченіи четырехъ лѣтъ безпокоилъ хана смѣлыми набѣгами, но наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, онъ добровольно принесъ повинную султану (1633) и былъ удаленъ въ ссылку на островъ Родосъ. (Смирновъ, стр. 497 и 605).

стороны козаки извинялись въ томъ, что предприняли этотъ походъ въ Крымъ, не испросивши предварительно королевскаго разрѣшенія, и утверждали, что вмѣшались они въ татарскія междоусобія исключительно въ виду политическихъ выгодъ рѣчипосполитой, имѣя цѣлью способствовать ослабленію ханства; они указывали на предложеніе Шагинъ-Гирея и на разрушеніе Исламъ-Кермена, какъ на положительные результаты ихъ экспедиціи. Польское правительство воздержалось отъ наказанія козаковъ за самовольный походъ и утвердило избраннаго ими новаго „старшаго войска Запорожскаго". Послѣ гибели Дорошенка въ Крыму, выбранъ былъ начальникомъ въ козацкомъ таборѣ нѣкто Мойженица, но онъ вскорѣ былъ уличенъ въ утайкѣ части войсковыхъ суммъ и по приговору рады казненъ смертью; на мѣсто его избранъ Григорій Савичъ, извѣстный у козаковъ подъ именемъ Грыцька Чорного, который и былъ утвержденъ правительствомъ.

На этотъ разъ умиротворенію польско-козацкихъ отношеній способствовали двѣ причины: направленіе, котораго держался вновь избранный гетманъ, и взглядъ на отношеніе правительства къ козакамъ бывшаго въ то время представителемъ польской власти на Украинѣ регимептаря, Стефана Хмелецкаго.

Григорій Савичъ является послѣднимъ представителемъ въ козачествѣ той партіи мирныхъ политиковъ, которая образовалась подъ вліяніемъ Сагайдачнаго и подобно ему стремилась, сохраняя дружественныя отношенія къ польскому правительству и оказывая ему существенныя услуги, въ свою очередь постепенно склонять его къ легальнымъ уступкамъ. Въ слѣдующемъ году послѣ его избранія козаки со своимъ старшимъ принимаютъ дѣятельное участіе въ походѣ противъ татаръ, вторгшихся въ Червоную Русь подъ начальствомъ калги Довлетъ-Гирея (сентябрь 1829). Походъ этотъ завершился блестящею побѣдою, которую козацко-польскія войска, подъ предводительствомъ Хмелецкаго, одержали надъ татарами у города Бурштына. Все татарское скопище было разсѣяно и почти поголовно истреблено, при чемъ отняты захваченные ими плѣнники и награбленная добыча; въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ татаръ оказался одинъ

изъ выдающихся членовъ рода Гиреевъ, Исламъ-Гирей, который впослѣдствіи достигъ ханскаго престола и во время возстанія Хмельницкаго оказывалъ значительное вліяніе на козацко-польскую борьбу въ качествѣ союзника этого гетмана [1]). Въ означенномъ походѣ главную военную силу, какою могъ располагать Хмелецкій, составляло „все войско Запорожское со своимъ старшимъ, паномъ Григоромъ Савичемъ“ [2]). Разумѣется, въ виду такой услуги центральному правительству, не подобало уже вчинать взысканія за самовольный походъ въ Крымъ.

Съ другой стороны представителемъ польскаго правительства на Украинѣ въ данный моментъ и непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками былъ Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ высоко цѣнившій ихъ боевыя качества, относившійся къ нимъ вѣсьма дружелюбно и старавшійся всѣми силами поддержать доброе отношеніе къ нимъ со стороны центральной власти. Послѣ крымскаго похода козаки обращаются къ нему съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ правительствомъ, а также указать имъ дальнѣйшій образъ дѣйствій по отношенію къ Шагинъ-Гирею. „Мы обращаемся къ Вашей Милости за совѣтомъ, пишутъ они, и покорно просимъ Васъ не отказать намъ въ указаніяхъ, какъ намъ поступить. Мы увѣрены, что Ваша Милость благоволитъ не отказать намъ въ совѣтѣ подобно тому, какъ всегда Вы давали намъ существенныя указанія, направленныя ко благу речипосполитой и къ нашей пользѣ.“ [3]) Дѣйствительно, въ донесеніи правительству о крымскомъ походѣ Хмелецкій не только воздержался отъ порицанія этого предпріятія, но постарался указать всѣ выгоды, вытекавшія изъ него для речипосполитой и тѣмъ самымъ склонилъ короля на негласное разрѣшеніе козакамъ оказывать дальнѣйшую поддержку Шагинъ-Гирею. [4])

---

[1]) Przyłęcki. Ukrainne Sprawy, стр. 87—89.

[2]) Рукописная книга дворянина Собекурскаго, хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ № 401, стр. 163—168.

[3]) Przyłęcki. Ukr. Spr. стр. 26.

[4]) Также, стр. 50.

Въ ряду польскихъ военныхъ начальниковъ, которымъ подчинены были козаки въ первой половинѣ XVII столѣтія, Хмелецкій представляетъ единственное отрадное исключеніе, какъ вслѣдствіе болѣе широкаго пониманія имъ козацкихъ отношеній и стремленій, такъ и потому, что въ личныхъ его отношеніяхъ къ народу не было сословной гордости и эксклюзивности, которая составляла отличительную черту характера шляхтичей того времени. Современный ему мемуаристъ слѣдующими словами изображаетъ его личность и образъ дѣйствій: „Хмелецкаго не любили въ войскѣ за излишнюю скромность... онъ сурово запрещалъ солдатамъ грабить и притѣснять бѣдныхъ, утверждая, что подобные поступки навлекаютъ Божью кару и на самихъ солдатъ, и на ихъ начальниковъ; онъ былъ одаренъ такимъ человѣколюбіемъ, что не могъ переносить вида обиженнаго, плачущаго крестьянина и спѣшилъ удовлетворить его, чѣмъ могъ, нерѣдко самъ проливая слезы“ [1]).

Гуманное отношеніе Хмелецкаго къ народу въ значительной мѣрѣ обусловливалось его происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ въ группѣ шляхетства: отецъ его принадлежалъ къ числу бездомныхъ служилыхъ шляхтичей Перемышльской земли и еще въ концѣ XVII столѣтія поступилъ на службу въ надворную милицію кн. Василія-Константина Острожскаго [2]), который впослѣдствіи наградилъ его должностью войта въ Острогѣ и небольшимъ хуторомъ надъ Горынью. Стефанъ Хмелецкій началъ военную службу также въ милиціи Острожскихъ; въ 1620 году онъ въ чинѣ ротмистра принималъ участіе въ походѣ въ Молдавію Жолкевскаго и во время разгрома на Цецорѣ успѣлъ пробиться со своимъ отрядомъ сквозь турецкую армію и возвратился на Подоліе. Въ 1621 году онъ перешелъ на службу къ кіевскому воеводѣ Ѳомѣ Замойскому, который

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza I, стр. 156.

[2]) Хмелецкіе правдоподобно были православными, на что указываетъ какъ служба ихъ у кн. Василія Острожскаго, такъ и родство ихъ съ православнымъ родомъ Ерличей; сынъ Стефана, Лука, вѣнчался въ православной церкви въ м. Таборовѣ. (Jerlicz. Latopisiec I, стр. 46. Dr. Antoni J.-Niewiasty Krzesowe стр. 96).

предоставилъ ему начальство надъ всею своею надворною милиціею, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ охранять отъ татарскихъ набѣговъ обширныя имѣнія Замойскихъ въ южной Брацлавщинѣ; съ этого времени начинается извѣстная его дѣятельность, направленная къ отраженію хищниковъ. Въ теченіи десяти лѣтъ крайне энергичныхъ и неутомимыхъ усилій Хмелецкій успѣлъ снискать для края относительное спокойствіе, какого не могли ему доставить другіе польскіе военачальники, располагавшіе значительно большими силами. Въ современныхъ ему запискахъ упоминается около двадцати болѣе или менѣе крупныхъ стычекъ, въ которыхъ Хмелецкій постоянно наносилъ татарамъ рѣшительныя пораженія; были въ томъ числѣ и двѣ большія битвы, у Бѣлой Церкви (1624) и у Бурштына (1629), доставившія ему громкую извѣстность.

Въ 1625 году гетманъ Конецпольскій, выступая съ арміею въ прусскій походъ, передалъ Хмелецкому, носившему въ то время скромный титулъ брацлавскаго хорунжія, должность регментаря на Украинѣ, т. е. главнаго начальника польскихъ военныхъ силъ въ этой области; регментарю украинному, какъ замѣстителю гетмана, принадлежала также верховная власть надъ Запорожскимъ войскомъ, которою Хмелецкій и воспользовался для того, чтобы смягчать по возможности отношенія правительства къ козакамъ и ходатайствовать передъ королемъ о нуждахъ послѣднихъ. Въ исходѣ 1629 года Стефанъ Хмелецкій въ награду за Бурштынскую побѣду былъ, по представленію Ѳомы Замойскаго, возведенъ въ санъ кіевскаго воеводы, мѣсто котораго оставалось вакантнымъ по смерти князя Александра Заславскаго. Не смотря на выдающіяся его заслуги, назначеніе худороднаго шляхтича на высокій сенаторскій постъ возбудило сильнѣйшее негодованіе въ средѣ польской аристократіи и сенаторы готовили уже весьма не дружелюбную встрѣчу новому коллегѣ, но Хмелецкому не суждено было дождаться этой встрѣчи: спустя шесть недѣль послѣ своего назначенія, въ февралѣ 1730 г., Хмелецкій скончался на Украинѣ, не успѣвши побывать въ столицѣ.

Со смертью Хмелецкаго тотчасъ измѣнился установившійся при немъ характеръ отношеній польскаго правительства къ козачеству, которое

поставлено теперь въ зависимость отъ лицъ, совершенно иначе къ нему расположенныхъ. Новые начальники козаковъ относились къ нему или строго и высокомѣрно подобно гетману Конецпольскому, или презрительно и жестоко какъ гетманъ Николай Потоцкій, или же, какъ напримѣръ коронный стражникъ Самуилъ Лащъ, они представляли собою полный обрезецъ шляхетскаго своеволія и разнузданности, который не допускалъ даже мысли о признаніи какихъ-бы то ни было человѣческихъ правъ за лицами, не принадлежавшими къ дворянскому сословію. Подобная перемѣна въ направленіе польскаго военнаго начальника быстро отразилась и въ настроеніи козачества: партія мирныхъ политиковъ утратила почву подъ ногами и всѣ ея надежды на возможность послѣдовательныхъ уступокъ со стороны центральнаго правительства отнынѣ казались несбыточными; въ массѣ козачества напротивъ усилилась реакція въ пользу немедленнаго вооруженнаго протеста. Уже къ концу 1630 года реакція эта вспыхнула въ видѣ рѣшительнаго возстанія подъ начальствомъ новоизбраннаго гетмана Тараса; первою жертвою ея палъ Григорій Савичъ, казненный по приговору козацкой рады за неудачный исходъ политики, которой онъ былъ представителемъ.

Возстаніе Тараса было первымъ крупнымъ проявленіемъ той козацкой реакціи, которой суждено было послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ закончиться побѣдою Богдана Хмельницкаго.

К. Мельникъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Сказки о жабахъ. Убѣжденіе въ ядовитости лягушекъ и жабъ распространено повсемѣстно. Въ 7-й новеллѣ 4-го дня «Декамерона» разсказывается, какъ Паскино и Симона гуляли на любовномъ свиданіи въ саду около роскошнаго куста шалфея. Паскино сорвалъ листокъ съ этого куста и началъ жевать. Вдругъ среди разговора у Паскино помутилось въ глазахъ, голосъ пресѣкся, и вскорѣ онъ умеръ, покрывшись желтыми пятнами. Симону обвинили въ отравленіи любовника, и судья, чтобы лучше выяснить случай, пожелалъ осмотрѣть мертвое тѣло и садъ, въ которомъ совершилось предполагаемое преступленіе. Здѣсь Симона, представляя судьѣ событіе, также сорвала листикъ шалфея и, пожевавъ, упала, подобно Паскино, и умерла. Когда изслѣдовали кустъ, то нашли подъ нимъ огромную жабу (botta di maravigliosa grandezza), которую и сожгли вмѣстѣ съ отравленнымъ ею кустомъ. (Il Decameron di G. Boccaccio. V. I., p. 307—311 Лейпц. изд. Брокгауза 1877 г.) Безъ сомнѣнія, настоящая новелла основана на итальянскомъ народномъ разсказѣ. Затѣмъ, хотя пѣсни западныхъ славянъ Мериме, переведенныя Пушкинымъ, и поддѣльны, но эпизодъ отравленія Елены сливой, которую предъ тѣмъ лизала жаба, и забереме-неніе жабой же также, вѣроятно, заимствованъ изъ какого-нибудь славянскаго народнаго разсказа (соч. Пушкина. Изд. Анскаго. Москва. 82 г., пѣсня IV.; т. 3., стр. 285) По великорусскимъ народнымъ повѣріямъ даже крикъ (воркованіе) жабы фаталенъ: предвѣщаетъ смерть. (Костом. Оч. жизни вел. нар. Соврем. 60 г., № 10, стр. 534) Малорусскія представленія о ядѣ жабъ слѣдующія: столченная въ порошокъ лягушка производитъ тошноту и боль желудка у отравленнаго, 2., свѣдущія женщины могутъ насылать лягушекъ вслѣдствіе ссоры, 3., вредно положить подъ голову спящему лягушку, 4 лягушка

имѣетъ и цѣлебное значеніе, какъ и всякія яды; между прочимъ, отъ укушенія змѣи лягушку прикладываютъ къ укушенному мѣсту съ кислымъ молокомъ, можетъ быть, по правилу: клинъ клиномъ вышибай, а отъ лихорадки даютъ пить въ водѣ высушенную и столченную лягушку, или бросаютъ спящему больному живую лягушку за пазуху (Труды этногр. эксп. Чуб. т. 1. стр. 120, 122, 136, 137 и 357).

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ печатнымъ свѣдѣніямъ собраны мною приводимыя ниже народныя сказки, сходныя нѣкоторыми чертами, напр.—помѣщеніемъ жабы подъ кустомъ, силой ея яда, зарожденіемъ лягушекъ внутри женщины, какъ съ новеллой Декамерона, такъ и съ пѣсней Мериме.

1.

Одинъ кумъ ходывъ до кумы и каже ему та кума: «якъ бы мени стребыть твою жинку та свого чоловика?» Пишла кума до бабы, просыть ін: «бабусю! якъ бы мени чоловика свого стравыть та кумыну жинку?» —Що-жъ, каже баба, ходимъ за мною. Пишлы воны на купыну, одкрыла баба одну купыну—ни, не таке; раскрыла другу,—каже: «держи ты мишка, я ін вжену» —и выгнала жабу, такъ не ту, шо въ води,—съ тіи нічого не буде,—а ту, шо въ купыни, шо волосся по ій.

Вернулась кума до дому, колы й кумъ увійшовъ у хату, сивъ тай пытае: «кумо! чого вы такъ довго топыте? уже у васъ въ печи нагорило. Шо въ васъ у хати клока?» —Квочка, каже.—Ни, не квочка.—То та жаба клока, прызналась кума: якъ бы ін въ пічъ посадыть та твою жинку стребить та мого чоловика. Взялы ту жабу, вкынули въ пічъ, вона вытаскуется зъ печи; воны прыдержалы заслонки, щобъ не вытаскувалась; вона й спеклась. Взяла кума посикла ту жабу, потерла, балакають у двохъ изъ кумомъ: «куме, якъ бы стребыть тобі жинку, а менѣ чоловика? Я натерла такого, що якъ сухе, такъ довше схнутыме, мучытыметься чоловикъ, а якъ не сухе, такъ те живо помреть.» Кумъ и каже: «давай, кумо! заразомъ стребымъ и жинку и чоловика.

А въ тіи кумы свадьба була: оддавала вона дочку. Кумъ узявъ пидъ ниготь собі запустывъ яду того, що теръ зъ тіи жабы, та взявъ тай выпустывъ у чарку,—нихто не бачывъ,—тай каже куми: «у твоій хати тобі перва чарка!» и дае ій ту чарку выпыть. Выпыла кума, каже: «не хорошои водкы ты менѣ давъ.» Подрочылась, упала зъ лавки и душу Богови оддала, або не Богови, а идолови въ пекло. Люды по-

лякались та съ хаты соби хода. А кумъ каже: «не пужайтесь, то пусте: якъ вона приготовыла моій жинцы и своему чоловикови, нехай сама пропаде, нажъ вона душъ изъ десять запакувала бъ людей.» Тоди ій взялы поховалы, а люды сталы гулять свадьбу.

2.

Йихавъ чоловикъ черезъ лисъ, взявъ выризавъ лищину, та прыйихавъ до дому, та поставывъ у синяхъ у куточку. А маты его стала иты на двиръ та на ту палочку подывылась; а зъ надвору,—та взяла палочку, ввійшла въ хату, каже: «де ты, сыну, сю лищину выризавъ?»—Въ лиси въ кущи. А вона впьять каже: «запрягай же, сыну, живо кобылу та пойидемъ до того куща.» Винъ запригъ кобылу тай пойихали. Вона взяла лопату и коробочку. Выкопали той кущъ, колы пидъ тимъ кущемъ жаба; взялы ту жабу та въ коробочку та прывезлы до дому. Маты вкынула ій въ пичъ. У печи горяче, а та жаба скреготыть та скака по печи. Якъ та жаба изсохла, маты взяла и потерла ій. Маты на жинку, на свою сусиду сердылась та увійшла до тієй сусиды та накыдала жабы у чашечку та каже: «на, оце пый, я оце пыла, на й тоби!» Такъ та жинка якъ выпыла, два дни походыла, завелысь у неи маленьки жабенята въ середыни. Такъ вона давай блювать назадъ; выблювала чисто ти жабы. То блювала кровью, а то вже зеленю.

3.

Була соби жинка знахурка. Свыни загодовуе, щобъ сало товсте було; загодовуе на девять сутокъ. Отъ наварыла та жинка жабы и поставыла на полыцю, щобъ выхолонуло. А дочка ій замужемъ не далеко,—прыбигла до матери. Въ хати нема никого, а юшка та стоить на полыци червона, выхолонула. Дочка й напылась тіи юшки. Ось маты входыть у хату. «Мамо! пыта дочка, що то въ васъ на полыци стоить таке солодке? Я напылась.» Маты вдарылась у груды, крычыть: «сежъ я не тоби, а кабанови! Ты тилько девять сутокъ и пожывешъ, тебе розирве!» Стало ту дочку розпырать, стала вона така якъ груба: уже й въ двери не влизе. На десяти сутки уже и въ хати не вмистыться. Докторы ій такого далы, шобъ умерла, а то бъ ій розирвало.

4.

Була дочка у матери, та пишла замижъ за багатого, а сама зъ биднаго состоянія. А маты, бидна удова, прыйшла до дочки у гости.

Маты сыдила въ дочкы день и другый, дочка ій ничого не дае: дала й паляныци чорствои гречанои та сывороткы напыться, та съ тимъ и выпроводыла. А було и лучше, бо дочка багата здорово: есть и волы и кони. Пишла маты, плачучи, до дому. Прыходыть до дочкы ій кума гулять. Посадыла вона куму за стилъ, найшла сметаны, вареныкивъ; найшла и водки:—давай гулять! Пойилы ту сметану, дочка полизла у погребъ за другою, а та сметана накрыта кружечкомъ и на тому кружечку дви жабы сыдыть; одна ій въ щоку впылась, а друга—въ груды. Такъ кума дожыдала, дожыдала, прыйшла до погреба, колы сыдыть та дочка: жаба одна на щоци, а друга на грудяхъ. Кума ій вытягла та ввела у хату. То тп жабы булы ряби, а то сталы червони: кровы понапывались. Воны ій зассалы. То та дочка була здорова женщина, а то вже неможна ій и ходыть: изоссалы нинавищо. Полежала недиль скилько тамъ тай умерла; такъ съ жабами и умерла: тоди жабы поопадалы, якъ умерла.

5.

Одна жинка пишла рвать орихивъ на перву Пречысту. Нарвала може такъ якъ изъ пригорщъ орихивъ, де взялась на оришыни зелена жаба и впала ій на шію и якъ упъялася у тило, такъ вона прыбигла и додому съ нею. Вона и по дохторахъ йиздыла, щобъ одирвалы ту жабу, потимъ и у Кіивъ йиздыла,—ничого не помоглось. Такъ вона до святытеля, угодника Божого Аѳанасія, ажъ тры недили поспиль молебенъ наймала; та вже якъ третій молебень наняла та съ усердіемъ Богу молылася, такъ ій священныкъ сказавъ: «иды ты до дому та иды на те мисто, де вона впала.». Жинка та пишла туды: на те мисто, де вона впала. Такъ вона трычи квокнула на жинци: кво, кво, кво! скочыла зъ жинкы и полизла на деревыну.

В. Милорадовичъ

Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ 1854 и 55 годахъ, во время Севастопольской войны, я получалъ двѣ газеты: Русскій Инвалидъ и Сѣверную Пчелу. Почта приходила разъ въ недѣлю, и, когда она получалась, желающихъ знать, что дѣлается на театрѣ войны, было много, тѣмъ болѣе что газетъ, кромѣ меня и предводителя дворянства, въ городѣ почти никто не выписывалъ. Изъ посѣтителей иные читали газеты, иные только любопытствовали узнать, что дѣлается

въ Севастополѣ. По прочтеніи газетъ, въ которыхъ тогда печатали самыя невѣрныя свѣдѣнія (уменьшали наши потери, а потери союзниковъ преувеличивали), между публикой возникали сужденія, споры; одни, помня 1812-й годъ, повторяли слова извѣстной пѣсни:

Кто противъ Бога?
Кто противъ Русскихъ?—
Выхвативъ саблю,
Рекъ атаманъ!

Другіе совѣтовали послать побольше русскихъ мужиковъ,—такъ они союзниковъ шапками и лаптями закидаютъ.—Не нужно мужиковъ посылать, что-бы не отрывать отъ работъ,—помѣщикамъ будетъ убытокъ, а послать туда три или четыре полка донскихъ козаковъ, такъ они все союзное войско плетями въ Черное море загонятъ, какъ барановъ, тамъ они и пропадутъ,—доказывали третьи. Разные хорошіе совѣты предлагали. Были и такіе, которые знали дѣйствительное положеніе не изъ газетъ, но говорить объ этомъ было опасно; таково было патріотическое настроеніе тогда.

Въ числѣ посѣтителей приходилъ одинъ учитель, пріятный собесѣдникъ, всегда бывшій въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ никогда не читалъ газетъ, а спрашивалъ у читающихъ о новостяхъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ такое время, когда газеты были получены, а публики еще не было. «Что новаго, что новаго? Пожалуйста, скажите скорѣе!»—Вотъ газеты—читайте и будете знать.—«Некогда мнѣ читать, пожалуйста скажите!—Новаго вотъ что: Въ городѣ Цареградѣ стоитъ султанъ на оградѣ, рукою махаетъ, къ себѣ Омера-пашу призываетъ. Послушай-ка ты, Омеръ-паша армія не стоитъ и гроша. Тебѣ-то хорошо, что ты деньжонокъ пособралъ и въ англійскій банкъ отослалъ, а что-жъ въ султанѣ, когда денегъ нѣтъ въ карманѣ. Тебѣ то хорошо, а мнѣ то каково!

— Чтожъ теперь султанъ будетъ дѣлать?—А кто его знаетъ. Его теперь такое положеніе хоть вѣшайся! Да! да! да! такое положеніе—подтвердилъ учитель.

Отъ меня учитель отправился къ предводителю дворянства, (который также былъ и почетнымъ попечителемъ уѣзднаго училища), чтобы разсказать эту новость. Онъ вообще имѣлъ забавную привычку узнавать и разсказывать другимъ новости и непремѣнно переиначить слышанное, такъ что и подобія не оставалось отъ того, что слышалъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Чуть не бѣгомъ прибѣ-

жалъ онъ къ попечителю и засталъ тамъ много гостей. Не сказавши даже «здравствуйте», началъ махать руками.— «Господа! Господа! Позвольте, позвольте! Новость важная!»

— Что такое? спросили у него— «Въ Константинополѣ взбунтовались министры и повѣсили султана».—Откуда вы это узнали?— «Сейчасъ читалъ въ газетѣ.» —Быть не можетъ.

— Ей-Богу, Богъ меня накажи, самъ читалъ!—Да въ какой газетѣ? я самъ получаю газеты,—спросилъ попечитель—Не посмотрѣлъ, какая газета, но самъ читалъ. Попечитель прислалъ ко мнѣ за газетами и, прочитавши, не нашелъ ничего подобнаго. Разказчикъ хотѣлъ улепетнуть,но его не пустили. Попечитель разсердился. Онъ былъ малороссъ, ни въ чемъ терпѣть не могъ неправды, а разсердившись объяснялся на украинскомъ нарѣчіи, что означало высшую степень гнѣва: «Щожъ оце вы, учытель, прыйшлы мене и гостей моихъ у дурни пошываты! Таку нисенитныцю сочынылы! Якый-же вы учитель и чому можете научыть дитей? Якъ вамъ не стыдно! Га? Я на дняхъ буду въ Харькови, скажу директору, такъ васъ винъ за це похвалыть» Бѣднякъ видѣлъ, что попался, началъ изворачиваться, что онъ не читалъ, а слышалъ отъ меня. «Вы знову?... вы заразъ ны всихъ божылись и говорылы, що самы чыталы. Глядить, щобъ я одъ васъ не чувъ николы такихъ новостей». Учитель жаловался своимъ знакомымъ на меня, что я его подвелъ подъ непріятность, сказавши ему, будто министры повѣсили султана.

Новость отъ него дошла до бывшаго смотрителя училища. Это былъ почтенный, много лѣтъ служившій смотрителемъ старикъ, всѣми въ городѣ и уѣздѣ уважаемый. Смотритель пришелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ спрашиваетъ: «что вы надѣлали? На что вы сказали ему, что султана повѣсили? Вы этимъ можете себѣ надѣлать большихъ непріятностей.

Я объяснилъ ему, какъ было дѣло.—Ну, знаете, что я вамъ скажу: вы еще человѣкъ молодой и неопытный. О владѣтельныхъ особахъ такъ нельзя говорить. Хотя султанъ магометанинъ и врагъ нашъ, а все таки падишахъ. Я вамъ разскажу, что было въ 1812 году во время нашествія Наполеона. Говорили, будто антихристъ ходитъ переряженный по Россіи, все высмотритъ, а его войска нежданно набѣгутъ, разорятъ, сожгутъ, что получше—заберутъ, жителей, кто не уйдетъ, перебьютъ, и что день, то все были слухи: тамъ и тамъ сожгли село, городъ, а жителей побили. Конечно, послѣ оказывалось, что все это неправда, но тогда со страху всему вѣрили; а тутъ еще

комета явилась съ большимъ хвостомъ, всѣ были увѣрены, что это передъ большою бѣдою. Такъ и говорили: «помететъ бѣда землю Русскую!» Вотъ мы, бывало, чтобы не такъ страшно было, соберемся къ городничему; тамъ, знаете, кто любитъ выпить—выпьетъ хорошо, а кто не любитъ—въ карты поиграетъ. Городничимъ былъ штабъ-офицеръ Тутолминъ, человѣкъ хорошій, веселый, въ компаніи любилъ выпить, былъ, что называется, душа-человѣкъ.—«Это я пью, говоритъ, для храбрости, что-бы не страшно было Наполеона!—Вотъ однажды пришелъ ко мнѣ стряпчій и говоритъ:—«Слышали вы? У насъ въ уѣздѣ Наполеона поймали въ селеніи Василевкѣ».—Не можетъ быть!—Поймали, я достовѣрно вамъ говорю.—Какъ поймали?—Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ.

Услышавши это, я поскорѣй, чтобы первому сообщить новость, къ городичному:—«Очень радостную вамъ новость сообщу»—Что такое?—«Наполеона поймали въ Василевкѣ».—Быть не можетъ, кто поймалъ?—«Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ?—Ну, если Воскобойникъ, то повѣрю. Это, батюшка, такой человѣкъ, на три аршина видитъ, что подъ землей дѣлается, и если ему дать строжайшее предписаніе, повытащитъ всѣхъ чертей изъ болота Каратуль; а Бонапартъ, какъ бы онъ ни переодѣвался, отъ него не спрячется, сей часъ его узнаетъ».

Ну, знаете, городничій съ такой радости приказалъ подать водки и закуску, послалъ за частнымъ приставомъ полицейскимъ письмоводителемъ, тоже любившими выпить,—еще выпили, и тутъ-же приказалъ городничій написать рапортъ генералъ-губернатору такого содержанія:

«Симъ честь имѣю рапортовать Вашему Высокому Превосходительству. Горя усердіемъ и ревностію къ службѣ и не щадя даже живота своего, ради общественной Россійской пользы и спокойствія, вчерашнего числа пойманъ въ лебединскаго уѣзда селеніи Василевкѣ засѣдателемъ Воскобойникомъ, въ переодѣтомъ и несвойственномъ ему видѣ, Наполеонъ Бонапартъ, о чемъ честь имѣю симъ рапортомъ рапортировать».

Написавши рапортъ, сейчасъ эстафетой послалъ въ Харьковъ генералъ-губернатору. Прошло дня три. Приходитъ ко мнѣ частный приставъ.—Пожалуйте, говоритъ, къ городничему по очень важному дѣлу.—Прихожу, смотрю—жандармъ стоитъ во всемъ оружіи. Какъ глянулъ я на него, такъ и обмеръ:—ну, думаю, бѣда. Городничій сидитъ ни живъ, ни мертвъ.—«Вотъ, говоритъ, генералъ-губернаторъ

за Наполеономъ прислалъ жандарма, такъ давайте его сюда». Я говорилъ, что я слыхалъ отъ стряпчаго. Послали за стряпчимъ. Тотъ видитъ, что дѣло плохо: я, говоритъ, ничего не говорилъ.—Чтожъ вы отпираетесь? Вы приходили ко мнѣ въ домъ и увѣряли, что Наполеона поймали въ Василевкѣ.—Нѣтъ, я вамъ не говорилъ, можетъ вамъ приснилось, а вы и пошли разсказывать.

Я уже послѣ одумался: и чтобы мнѣ сказать, что я не говорилъ городничему, пускай-бы онъ самъ какъ зналъ, такъ и отдѣлывался,— да все это послѣ на умъ пришло. Я къ жандарму, говорю: что слышалъ, то сказалъ, а онъ отвѣчаетъ:—я объ этомъ ничего неизвѣстенъ, а генералъ-губернаторъ приказалъ доставить Наполеона прямо къ нему, такъ и подавайте его сюда; что мнѣ приказано, я долженъ исполнить.—Не знаю, какъ отписался городничій. Онъ за это получилъ строжайшій выговоръ.—А для меня такъ скоро дѣло не окончилось. Узналъ директоръ и пишетъ мнѣ бумагу, какъ это я поймалъ Наполеона и почему до сихъ поръ не представилъ генералъ-губернатору. Повѣрьте, какъ услышу колокольчикъ, такъ и думаю: вѣрно за мною жандармъ пріѣхалъ, возьмутъ да завезутъ туда, гдѣ и свѣта больше не увидишь; такъ я, бывало, сейчасъ ухожу куда-нибудь. Страшное тогда было время! было очень строго!

Директору я отвѣтилъ, что я не ловилъ Наполеона, а что слышалъ, то и сказалъ городничему. Такъ еще съ полгода бумагами и запросами меня мучили, да попечитель училища упросилъ директора, чтобы оставить дѣло.

Тогда директоръ написалъ бумагу, что бы я получше смотрѣлъ за своимъ дѣломъ, а не разсказывалъ пустыхъ новостей; этимъ прилично заниматься, говоритъ, какой-нибудь базарной бабѣ, а не смотрителю!

Такъ вотъ вамъ! Пожалуйста, будьте осторожнѣе и не говорите ничего нехорошаго, хотя бы и о султанѣ. Прошло время, когда запорожцы писали султану вольныя письма и относились къ нему съ неуваженіемъ. —*

Отецъ Петръ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ началѣ этого столѣтія, въ небольшой деревнѣ Будылкѣ, лебединскаго уѣзда, былъ священникъ о. Петръ. Человѣкъ онъ былъ не старый, учительный, готовый всякому нуждающемуся отдать свою послѣдюю рубашку, весьма

любимый прихожанами, веселаго нрава, а потому любилъ повеселиться. На его бѣду, рано овдовѣлъ, дѣтей не было, значить—вольный козакъ.

Ему перевѣнчать кума съ кумой и родича съ сомнительно дальней родней ничего не значило, а консисторія за это взыскивала строго. Если были желающіе дерзнуть на такой поступокъ, то должны были просить сначала разрѣшенія въ духовномъ правленіи, затѣмъ въ консисторіи, а послѣ у владыки. Чтобы пройти всѣ эти мытарства, нужно ѣздить самому, хлопотать и вездѣ подмазывать, да не одинъ разъ поѣхать и подмазать, а нѣсколько разъ, и тогда проситель получалъ разрѣшеніе.

Рѣшались на это люди состоятельные, которымъ было чѣмъ платить, а человѣку небогатому нельзя было объ этомъ и думать. Отецъ Петръ смотрѣлъ на это иначе: «Чого ты будешъ йиздыть по канцеляріяхъ да по духовныхъ правленіяхъ да тратыть гроши!.. Я такый-же священникъ, якъ и воны; дай лучше мени трошки грошей, два видра горилки та жывности, яка есть въ хозяйстви, я перевинчаю». И дѣйствительно, вѣнчалъ.

Какъ только узнавалъ о томъ кто-нибудь изъ товарищей священниковъ, сейчасъ на него доносъ благочинному, а тотъ въ консисторію,—и начнутъ его тягать, пока не повытрусятъ изъ кармановъ, что у него окажется; послѣ этого сдѣлаютъ ему наставленіе, чтобы впредь не рѣшался такъ дѣлать.

Водилась и другая слабость за отцомъ Петромъ: любилъ онъ поплясать. Гдѣ музыка, тамъ и отецъ Петръ отплясываетъ. Музыка своя, ведро «доброи горилки» стоило 20 копѣекъ,—какъ-же не веселиться?

Не смотря на это, былъ онъ человѣкъ чистой нравственности,—душевный былъ человѣкъ и очень бѣдный.

По какому-то доносу благочиннаго, владыка потребовалъ обвиняемаго въ Харьковъ. На этотъ вызовъ отецъ Петръ отвѣтилъ:—«Ни въ чымъ, ни съ чымъ, ни на чому, ни зачымъ, не пойиду, не хочу».

Получивши такой отвѣтъ, владыка положилъ резолюцію: ни въ чымъ—дать одежду; ни съ чымъ и ни на чому—дать изъ церковныхъ денегъ на проѣздъ; ни за чимъ—скажутъ; не пойиду, не хочу—приведутъ по этапу.

Поѣхалъ отецъ Педръ и такое искреннее и правдивое передалъ владыкѣ объясненіе своего житія и дѣяній, что владыка простилъ

его, но приказалъ удерживаться, быть поскромнѣе, а благочинному предложилъ съ разборомъ внимать доносамъ.

Такъ отецъ Петръ дожилъ вѣкъ съ миромъ, и долго поминали его прихожане: «добрая душа была!—говорили въ одинъ голосъ.

—*

Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ [1]).

Въ Черниговѣ и Полтавѣ были въ то время (незнаю есть ли теперь) такъ называемые *воспитательные дома*. Въ нихъ на счетъ Приказа общественнаго Призрѣнія содержалось по 60 чиновничьихъ дѣтей, учившихся въ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Ихъ обыкновенно называли воспитанниками. Въ 1827 г., когда я поступилъ въ Черниговскій воспитательный домъ, въ первый классъ гимназіи (тогда было только четыре гимназическихъ класса), я засталъ еще на половину воспитанниковъ, близившихся къ двадцатилѣтнему возрасту и большею частью сидѣвшихъ еще въ уѣздномъ училищѣ. Въ гимназіи, за рѣдкими исключеніями, были какъ то все помоложе. Ученіе вообще шло изъ рукъ вонъ плохо: доказательство, что въ выпускномъ классѣ гимназіи обыкновенно бывалъ одинъ воспитанникъ, рѣдко два, иногда ни одного—изъ шестидесяти. Правда, и всего то выходило ежегодно не болѣе 8—12 учениковъ [2]). (Въ 1832 г.—три). Въ воспитательномъ домѣ я засталъ еще стародавняго смотрителя этого воспитательнаго дома—Гембецкаго. Онъ сидѣлъ тутъ что-то лѣтъ съ двадцать. Жирная, мѣшковатая, обрюзглая личность, невылѣзавшая изъ грязнѣйшаго халата. Онъ почти не выходилъ изъ дому вовсе. Въ мое время изъ воспитанниковъ видѣли его только горькіе *субботники*. Нужно сказать, что въ гимназіи составлялись ежемѣсячно списки объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ. Странное дѣло—съ августа, перваго учебнаго мѣсяца въ году, каждый воспитанникъ, какъ получитъ, бывало, какую нибудь отмѣтку, такъ ужъ и несетъ ее до мая. Субботники очень хорошо знали, что ждало ихъ въ каждую послѣднюю субботу мѣсяца, но совершенно равнодушно... За 5—10 минутъ истязанія—цѣлый мѣсяцъ впереди безшабашной жизни. Конечно, проскакивали и классныя экзекуціи, какіе нибудь *колѣни*, *гусочки*, даже иногда розги, даже иногда—*пàли*,—вмѣсто линейки—*ожогомъ*, но все это былъ чистый вздоръ передъ домашнимъ *виноградомъ*.

---

[1]) Отрывокъ изъ воспоминаній В. М. Л.

[2]) Т. е. вмѣстѣ съ экстернами.

Я разъ только видѣлъ его... Не помню ужъ за какую провинность, повели въ едину отъ субботъ и меня, раба божія, въ сонмѣ *отчаянныхъ*, въ швальню. (Швальня была одна изъ комнатъ квартиры смотрителя, гдѣ дѣйствительно одинъ изъ рабовъ Грембецкаго обшивалъ ноги воспитанниковъ). Привелъ насъ Макаръ Алексѣевичъ, одинъ изъ помощниковъ смотрителя. Насъ было десятка два... Сапожникъ, привычный къ явленію, словно не замѣтилъ насъ. Помню, что это даже произвело на меня благопріятное впечатлѣніе... Но проклятый Грембецкій заставилъ насъ ждать добрыхъ полчаса. Но вотъ онъ лѣзетъ... шлепаютъ туфли по коридору, пыхтитъ... Позеленѣли всѣ...

— Варрава! винограду!

Приземистый, коренастый—онъ тихо и лѣниво поднялся съ своей обсиженной табуретки, медленно поднялъ крышку какого-то длиннаго ящика и медленно сталъ вынимать пучки розокъ.. Тутъ-же, въ швальнѣ, въ это время топилась печь, а около нея стоялъ ушатъ съ водою. Печка эта топилась въ субботу послѣ каждаго перваго числа... Нужна она была въ эти субботы...

Между тѣмъ Грембецкій усаживался на Варравиномъ табуретѣ и ждалъ... А Варрава выложивъ изъ ящика пучки розогъ, выбиралъ изъ нихъ должно быть лучшій и обмокнувъ его въ ушатъ, быстро сажалъ въ печку... Вынувъ оттуда распаренный пучекъ и тряхнувъ имъ въ воздухѣ, Варрава ожидалъ... Въ это время Гребецкій, держа въ рукахъ списокъ, прошипитъ: Пулинца.—*Акимъ и Артемъ* берутъ Пулинца, отстегиваютъ то и другое, садится одинъ на голову, другой на ноги—и Варрава пишетъ... Разъ на вѣку только и видѣлъ я эту экзекуцію, но и теперь, лѣтъ черезъ сорокъ, отъ воспоминанія о ней—морозъ по кожѣ пробѣгаетъ...

Недоразумѣніе. Въ кіевск. газетѣ «Жизнь и Искусство» съ мѣсяцъ назадъ, (№ 267), напечатана слѣд. замѣтка: «*Открытіе нѣмецкаго историка.* Недавно въ нѣмецкомъ еженедѣльникѣ «Archiv für geschichtliche Denkmäler» молодой историкъ І. Эвелингъ напечаталъ изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ еврейскаго происхожденія, родомъ изъ г. Хмѣльника, Калишской губ., и подтверждаетъ это ссылками на документы изъ Калишскаго архива, попавшіе въ руки нѣмцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.» Желая познакомиться съ этимъ изслѣдованіемъ, мы обратились къ книгопродавцу Гирземану, въ Лейпцигъ, прося его выслать

указанную книжку этого «Архива», но въ отвѣтъ получили, что это изданіе «никому не извѣстно». Желательно поэтому имѣть болѣе точное названіе «еженедѣльника» съ изслѣдованіемъ г. Эвелинга.

А. Л.

Протоіерей Н. А. Лащенковъ. *(Некрологъ).* Харьковская газета «Южный Край» (№ 5401) извѣщаетъ о смерти этого полезнаго дѣятеля на поприщѣ бытописанія слободской Украины, преимущественно церковнаго. Протоіерей Лащенковъ (р. 1829 г.), уроженецъ с. Гавриловки изюмскаго уѣзда, учился сначала въ Харьковской семинаріи, а потомъ въ Кіевской академіи. Поселившись въ Харьковѣ, умершій протоіерей сталъ заниматься въ мѣстныхъ архивахъ (консисторскомъ, церковныхъ и друг.) и оставилъ нѣсколько работъ по мѣстной исторіи. Изъ нихъ лучшая—«Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій» [1]). Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи церковныхъ приходовъ Харьковской губерніи за первую половину настоящаго вѣка. Другія работы прот. Лащенкова были слѣдующія: О В. Н. Каразинѣ,» «Домовыя церкви въ домовыхъ покояхъ Слободско-украинскихъ дворянъ—помѣщиковъ», «Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулака-Артемовскаго» и друг.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Н. А. Чаевъ, прочитавъ наше приглашеніе публиковать всѣ ненапечатанные матеріалы для будущей біографіи М. А. Максимовича (см. № 9-й 1896 г.), прислалъ намъ, въ 1-хъ, письмо М—ча къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, написанное въ 1869 году на листкѣ, на которомъ напечатанъ малорусскій переводъ «Плача Ярославны», выпущенный отдѣльнымъ оттискомъ въ этомъ году, и во 2-хъ, другой листочекъ, на, которомъ напечатано его-же малорусское стихотвореніе «На смерть юнаго П. Г.», съ слѣдующей рукописной выноской самого М—ча: «Прекрасный Павлусь, долго жданный и единородный сынъ Гр. Павл. Галагана, неожиданно скончался на Свѣтлой Недѣлѣ. Въ память его Гр. П. учреждаетъ въ Кіевѣ степендію для юношей всѣхъ сословій

---

[1]) Печаталась въ Харьковскомъ Сборникѣ 1894 и 1895 гг., а потомъ вышла отдѣльною книгою. О ней см. Кіевск. Стар. за настоящій годъ.

жертвуя на нее 240 тысячъ рублей». Такъ-какъ самое стихотвореніе почти никому неизвѣстно, а между тѣмъ только на дняхъ Коллегія Павла Галагана отпраздновала 25-лѣтіе своего существованія, возникнувъ въ память безвременно погибшаго юноши Павлуся Галагана, то мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь это стихотвореніе, чтобъ оно не затерялось, подобно многимъ другимъ мелочамъ изъ писаній Максимовича.

На смерть юнаго П. Г.

И не вѣриться, и сумно,
Що не стало въ свѣтѣ
Тебе, любая дитино,
Ненаглядный цвѣте!

—

Такъ горицвѣтъ той весняный,
Якъ золото сяе;
Весна стале въ повнôй силѣ,
А его й немае

—

Твоя воля надъ всѣмъ свѣтомъ,
Боже всемогущій!
Суета увесь и всякій
Чоловѣкъ живущій!

1 мая 1869 г. М. М.

Письмо М. А. Максимовича къ А. П. Елагиной.

Какъ много обрадовала меня свѣтло-праздничная *Ласточка* ваша, дражайшая Авдотья Петровна, и какую сладкую душѣ моей мелодію она прощебетала!... Благодарный Вамъ за нее сердечно, я отвѣчаю нынѣ своимъ украинскимъ, печатнымъ, майскимъ стихотвореніемъ [1]), съ которымъ я къ іюню вернулся изъ Кіева на свою Михайлову Гору, къ сожалѣнію, и простуженный, и невеселый, хотя, впрочемъ, и то и другое уже прошло и сошло съ меня, какъ съ гуся вода... А вотъ еще и новенькіе стишки, которые для *Васъ* набѣжали въ эту первую *нôчку-петрôвочку*.

Въ минуты скорбныхъ помышленій
О жизни, мною прожитой,
Въ минуты тягостныхъ волненій,
Производимыхъ суетой,

[1]) Плачъ Ярославны.

Вашъ образъ мнѣ, какъ добрый Геній,
Внушаетъ радость и покой.
Гляжу я на него вседневно;
И нынѣ, въ полуночный часъ,
Благословляю васъ душевно
И *Всѣхъ Святыхъ* молю о *васъ*.

1869 г. 16 іюня утромъ.

P. S. Прошу передать поклонъ всѣмъ вашимъ—сынамъ и внучатамъ. Былъ у меня здѣсь, 13 іюня, новый знакомецъ мой, кіевскій попечитель Антоновичъ, который вспоминалъ о Васъ и о Языковѣ, глядя на портреты ваши и знавши васъ во время студентства своего въ 1833 году или передъ тѣмъ... Погодинъ пишетъ мнѣ, что будетъ у Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, или вѣрнѣе—осенью, въ сентябрѣ, по пути въ Кіевъ... И я, пробывъ тамъ уже половину мая, прибуду туда къ 15-му августа, съ тѣмъ, чтобы остаться и на сентябрь, въ 26 день котораго будетъ знаменитый юбилей Кіевской Академіи, на который сберется небывалый еще въ Кіевѣ соборъ епископовъ, какъ полагаютъ, до двадцати душъ святительскихъ!... Нельзяже не быть тамъ и намъ... Но когда-то приведетъ Господь меня провести еще день-другой въ Уткинѣ вашемъ такъ-же пріятно, какъ въ октябрѣ 1858 года! Точно не вѣдаю также, какъ не знаю до сего дня, гдѣ обрѣтается наша дорогая Ольга Ѳедоровна[1]) На этихъ дняхъ буду писать ей, въ отвѣтъ на ея посланіе, въ которомъ прилетѣла и ваша милая *Ласточка*. Еще разъ благодарю Васъ за нее вседушевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

И стихотвореніе на смерть Павла Галагана, и это письмо оказались у Н. А. Чаева потому,что въ годъ кончины М. А. М—ча, онъ по должности временнаго предсѣдателя Общества Россійской Словесности, произносилъ рѣчь [2]) въ этомъ Обществѣ и, приготовляя ее, обратился къ друзьямъ покойнаго и между прочимъ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, которая и переслала ему приведенное письмо вмѣстѣ съ двумя печатными стихотвореніями.

Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ принести нашу глубочайшую благодарность Николаю Александровичу Чаеву, предоставившему въ наше распоряженіе эти матеріалы.

В. Науменко.

---

[1]) Кошелева.

[2]) Напечатана въ Рус. Архивѣ 1873 г.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: М. А. Галина и И. В. Макаренка—по 5 рублей, всего *10 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *610 р. 2 к.* (См. № 9) составитъ *620 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. Почаевъ-Житоміръ. 1896 г.

Юго-Западный край—одинъ изъ богатѣйшихъ по количеству и разнообразію памятниковъ старины, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ, кажется, не обращается такъ мало надлежащаго вниманія на эти памятники, какъ именно здѣсь. Общество и администрація относились равнодушно къ нимъ; совершенно не организовано дѣло сбереженія, собиранія и изученія ихъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются факты уничтоженія, разграбленія или несоотвѣтственнаго направленія (какъ напр.— продажа за границу) иногда очень цѣнныхъ памятниковъ мѣстной старины. Нельзя, конечно, отрицать того, что отдѣльныя лица—ученые и любители—занимались изученіемъ и собираніемъ древностей, нельзя отрицать также, что въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлано. Но, въ данномъ случаѣ, единичныхъ усилій недостаточно: нужна болѣе широкая организація дѣла, необходимо, привлеченіе возможно большаго числа мѣстныхъ силъ, необходимо, чтобы интересъ къ остаткамъ нашего прошлаго вышелъ за стѣны ученыхъ кабинетовъ, проникъ въ общество, былъ сознанъ массой. Только такой совмѣстной работой можно достичь извѣстныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, можно хотя отчасти приблизиться къ той постановкѣ этого дѣла, какая существуетъ, напр., въ Западной Европѣ. Помочь горю можетъ учрежденіе *мѣстныхъ* обществъ и музеевъ, которые съ одной стороны сплотили бы ученыя силы, дали бы общее направленіе дѣлу, занялись бы собираніемъ и храненіемъ памятниковъ старины, съ другой— возбудили бы интересъ къ нимъ въ публикѣ, внушили бы увѣренность, что каждый можетъ быть полезенъ дѣлу, какъ бы мала ни

была работа отдѣльнаго лица, какого бы, повидимому, незначительнаго вопроса она ни касалась... Такого рода учрежденія въ Юго-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ, и только въ послѣднее время поставленъ на очередь и близокъ къ осуществленію вопросъ объ устройствѣ въ Кіевѣ какъ общества, такъ и музея, въ кругъ дѣятельности которыхъ войдетъ также и изученіе и собираніе мѣстныхъ древностей.

Говоря такъ, мы должны сдѣлать оговорку: слова наши относятся не ко всему обществу,—одна часть его явилась передовой въ этомъ отношеніи, сознала важность изученія и собиранія мѣстной старины, сравнительно много сдѣлала и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи; часть эта—наше духовенство: въ Кіевѣ, при академіи, давно уже утверждено Церковно-Археологическое Общество, при немъ устроенъ музей, разросшійся въ послѣднее время до громадныхъ размѣровъ; на Подоліи работаетъ Епархіальный Историко-Статистическій Комитетъ, давшій рядъ въ высшей степени цѣнныхъ работъ; въ Холмѣ устраивается Церковно-Археологическій Музей, и наконецъ послѣдняя оставшаяся область Юго-Западнаго края—Волынь получаетъ Волынское Церковно-Археологическое Общество съ Древлехранилищемъ при немъ. Какъ видимъ, организація получила областный характеръ, каковой и является наиболѣе цѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе отсутствія учрежденій съ вышеуказанными задачами, церковно-археологическія общества и музеи вышли за предѣлы своей спеціальной цѣли—церковныхъ древностей: въ музеи стали стекаться и предметы другого характера, изученіе коснулось и другихъ областей и не только прошлой, но и современной жизни. Церковно-археологическія общества имѣютъ за собой большую силу въ лицѣ священниковъ; кому, какъ не имъ, лучше знать сохранившіеся памятники мѣстной старины, удобнѣе всего наблюдать мѣстную жизнь, собирать матеріалы, такъ или иначе характеризующіе различныя проявленія ея? Вопросъ только въ томъ, чтобы силы эти получили надлежащую организацію, получили толчекъ, извѣстное направленіе, такъ какъ нужно признать, что въ общемъ, и въ массѣ нашего духовенства еще очень мало развитъ интересъ къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы служебныхъ обязанностей или хозяйственныхъ нуждъ; и дѣломъ этимъ, конечно, удобнѣе всего заняться церковно-археологическимъ обществамъ, и слѣдуетъ только пожелать, чтобы поставлено было оно возможно шире.

Съ такими именно стремленіями широко поставить дѣло мы и встрѣчаемся въ *„Отчетѣ о состояніи Волынскаго Церковно-Археоло-*

ническаго Общества въ 1894 году", составляющемъ первую статью «Волынскаго историко-археологическаго сборника». Здѣсь помѣщены также и свѣдѣнія о возникновеніи Общества. Коснемся сначала этого вопроса. «Потребность въ изученіи мѣстной родной старины и въ собраніи памятниковъ ея чувствовалась на Волыни уже давно и не однократно высказывалась даже въ печати» — говорится, въ отчетѣ; осуществленіе этой потребности принадлежитъ волынскому архіепископу Модесту, которому обязаны также своимъ возникновеніемъ церковно-археологическій музей въ Холмѣ и древлехранилище въ Нижнемъ Новгородѣ. На Волыни до этого времени существовало только древлехранилище въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, при св. Владимірскомъ православномъ братствѣ, но оно, конечно, не могло имѣть центральнаго, объединяющаго значенія, и вотъ, 15 мая 1893 г., было открыто древлехранилище въ Житомирѣ, получившее временное помѣщеніе въ бывшей Крестовой церкви архіерейскаго дома. При открытіи его, преподавателемъ Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства О. А. Фотинскимъ, однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ работниковъ въ этомъ дѣлѣ, была произнесена рѣчь, гдѣ указывалось вообще на значеніе памятниковъ старины и на положеніе ихъ на Волыни. «Въ этомъ отношеніи Волынь отстала отъ многихъ другихъ областей русскихъ. Уже во многихъ провинціальныхъ даже городахъ видимъ ученыя историко-археологическія общества, видимъ музеи и древлехранилища, а драгоцѣнные памятники волынской старины гибнутъ отъ времени, переходятъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ, попадаютъ даже путемъ продажи за границу, а въ лучшемъ случаѣ — въ центральныя столичныя древлехранилища. Достаточно указать на печальныя развалины древнихъ храмовъ во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Овручѣ, Острогѣ и другихъ городахъ Волынской губерніи, на громадное количество цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ волынскихъ въ львовскомъ Институтѣ Оссолинскихъ, даже въ вѣнской и берлинской академическихъ библіотекахъ, на безслѣдно погибшее цѣнное собраніе памятниковъ волынской старины, принадлежавшихъ покойному Л. Рафальскому, на большое собраніе волынскихъ древностей извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго, которое наслѣдники собирателя намѣреваются продать какому-либо заграничному обществу, — чтобы понять, какъ мало до сихъ поръ обнаружила заботы волынская интеллигенція для охраненія памятниковъ своего прошлаго и какъ много этихъ памятниковъ посему погибло безвозвратно или перешло въ другія мѣстности безъ пользы для мѣстнаго

цѣлью измѣненія той непригладной картины, которая нарисована выше, тѣмъ-же О. А. Фотинскимъ была представлена преосвященному Модесту записка объ учрежденіи въ Житомірѣ историко-археологическаго общества, которому было бы подчинено и древлехранилище. Мысль эта получила осуществленіе, и въ январѣ 1894 г. было открыто Волынское Церковно-Археологическое Общество.

Въ уставѣ общества находимъ между прочимъ слѣдующіе параграфы, опредѣляющіе дѣятельность Древлехранилища и Распорядительнаго Комитета Общества: «Въ древлехранилище поступаютъ: а, старопечатныя и рукописныя церковно-служебныя книги, б) древнѣйшія рукописи религіозно-нравственнаго содержанія, в) замѣчательныя, по древности своей, принадлежности православныхъ храмовъ, какъ-то: св. иконы, сосуды и разнаго рода церковная утварь; г) дарственныя грамоты, фундушевыя записи, акты, привилегіи, презенты и эрекціи православнымъ храмамъ, монастырямъ, братствамъ, и вообще православному населенію древней Волыни —въ подлинникѣ или въ копіяхъ; д) памятники разнаго рода, относящіеся къ исторіи уніи въ предѣлахъ Волыни; е) памятники, относящіеся къ религіозной и общественно-бытовой исторіи всего Западнаго края Россіи. Что касается Распорядительнаго Комитета, то онъ «разыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность памятники доселѣ неизвѣстные, а равно и собранія матеріаловъ церковно-историческихъ, церковно-археологическихъ и этнографическихъ, хранящіяся въ различныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, оцѣниваетъ ихъ и рѣшаетъ, какое можетъ быть сдѣлано изъ нихъ, соотвѣтственное цѣли общества, употребленіе», собираетъ въ особенности свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ церквахъ и церковныхъ памятникахъ Волынской Епархіи, а также о церквахъ, отличающихся особенною архитектурою, и снимаетъ съ нихъ виды, наконецъ, «разсматриваетъ изслѣдованія и матеріалы, представляемые членами общества, и, если найдетъ ихъ достойными напечатанія, то печатаетъ вмѣстѣ съ своими протоколами въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» или отдѣльными изданіями. Какъ видимъ, программа дѣятельности довольно широка: кромѣ церковныхъ древностей, сюда включены и другія; кромѣ древностей, привлечена и этнографія, и даже раіонъ дѣятельности расширенъ за предѣлы Волыни и обнимаетъ собой весь Западный край.

Изъ отчетовъ за 1894 и 1895 гг., помѣщенныхъ въ «Сборникѣ», мы можемъ судить о первыхъ шагахъ молодого Общества. Главнымъ дѣйствующимъ органомъ въ Обществѣ является Распоря-

дительный Комитетъ; этотъ послѣдній входилъ въ сношенія съ различными учеными учрежденіями, обратился съ воззваніемъ ко всему духовенству Волынской епархіи съ просьбой сообщить свѣдѣнія о памятникахъ старины и присылать таковыя въ древлехранилище, затѣмъ, «не оставляя безъ вниманія и живой старины Волыни, Комитетъ постановилъ обратиться къ духовенству, къ сельскимъ учителямъ, ко всѣмъ, имѣющимъ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, съ просьбою о сообщеніи разнаго рода этнографическихъ свѣдѣній»; слѣдуя дальше, мы встрѣчаемъ еще одну симпатичную мысль: «по предложенію члена Комитета О. А. Фотинскаго, Комитетъ призналъ дѣломъ неотложной необходимости ежегодную командировку кого-либо для систематическаго изученія и описанія въ историко-археологическомъ отношеніи Волыни, особенно найболѣе глухихъ ея мѣстностей и теченія главныхъ волынскихъ рѣкъ, по которымъ располагались древнія волынскія поселенія»... Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ, такая командировка не могла состояться. При ближайшемъ участіи Комитета была предпринята постройка новаго обширнаго зданія для древлехранилища, положено основаніе исторической библіотеки и предпринято изданіе Историко-археологическаго Сборника, первый выпускъ котораго и лежитъ уже передъ нами.

Кромѣ этого, въ общихъ собраніяхъ Общества было прочтено нѣсколько рефератовъ, нѣсколько лицъ занималось въ древлехранилищѣ, и вообще вновь учрежденное Общество способствовало объединенію мѣстныхъ научныхъ силъ и возбудило интересъ къ прошлому края въ болѣе широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія. Поэтому мы вполнѣ присоединяемся къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ «заключеніи» отчета за 1894 г.; послѣ указанія на важность Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, здѣсь говорится слѣдующее: «странно послѣ этого становится слышать доселѣ раздающіеся голоса о централизаціи въ столицахъ всѣхъ русскихъ историческихъ памятниковъ. Это давнишнее желаніе столицы выжать все лучшее изъ провинціи, хотя съ ослабленіемъ провинцій, понижаетъ общій культурный уровень государства. Будемъ надѣяться, что себялюбивыя пожеланія централизаторовъ такъ и останутся въ области пожеланій только»...

Мы нарочно подольше остановились на отчетѣ Общества, такъ какъ начинанія его вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы на него было обращено вниманіе.

Переходя теперь къ «Сборнику», ограничимся указаніемъ на его содержаніе. Объ общемъ характерѣ изданія даетъ указанія небольшая вступительная статья: «Сборникъ не претендуетъ на цѣльность и оригинальность. Онъ даетъ мѣсто всякой интересной статьѣ, относящейся къ прошлому Волыни и вообще Юго-Западнаго края Россіи. Соотвѣтственно задачѣ Общества, въ сборникъ могутъ попасть и статьи современно-этнографическаго характера, относящіяся къ Волынскому краю. Стараясь преимущественно объ опубликованіи новыхъ матеріаловъ и разработкѣ вопросовъ малоизвѣстныхъ, редакція сборника не ставитъ однако этого своею исключительною задачею, имѣя въ виду не однихъ ученыхъ спеціалистовъ, но и всѣхъ любителей родной старины,—а такихъ большинство среди духовенства волынскаго, для котораго сборникъ главнымъ образомъ предназначенъ. Сборникъ предположено выпускать ежегодно. Послѣ отчетовъ за 2 года существованія общества, помѣщена большая (въ 75 стр.) статья *Г. Крыжановскаго*—«*Рукописныя евангелія Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища (историко-діалектологическіе очерки)*; здѣсь подробно разобрано съ діалектологической точки зрѣнія и описано 9 евангелій (восемь тетровъ и одно учительное), относящихся по времени къ слѣдующимъ эпохамъ: XV—XVI в.—одно, XVI в.—четыре, XVI—XVII в.—одно, XVII в.—два и XVIII в.—одно. «Всѣ они писаны въ Галицко-Волынскомъ краѣ и отражаютъ въ себѣ въ значительной степени особенности Галицко-Волынскаго нарѣчія въ періодъ XVI—XVII вв., а текстъ Учительнаго Евангелія (начала XVII в.) написанъ почти чисто народной юго-западно-русской рѣчью. Помимо текста рукописей, интересны и находящіяся на нихъ записи, касающіяся бытовой стороны жизни того времени. *О. Фотинскій* въ статьѣ «*Юрій Немиричъ. Эпизодъ изъ исторіи Волыни XVII вѣка*», дѣлаетъ характеристику этой во всякомъ случаѣ выдающейся личности: «Могущественный магнатъ, въ своихъ мелкихъ ссорахъ и дракахъ съ мѣстными панами, подкоморій Кіевскаго воеводства, маршалокъ мѣстныхъ сеймиковъ и руководитель мѣстнаго дворянства, перебѣжчикъ къ шведскому двору и посолъ шведскаго короля къ козакамъ, козацкій полковникъ, предполагавшійся канцлеръ Великаго Княжества Русскаго, сначала социніанинъ, получившій образованіе въ Голландіи и дѣятельно поддерживавшій единовѣрцевъ на родинѣ своимъ вліяніемъ и своими литературными трудами, впослѣдствіи православный,—онъ принималъ участіе во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ волненіяхъ своего времени... Тому-же *О. Фотинскому* принадлежитъ и за-

мѣтка «*Къ литературной исторіи южно-русскихъ апокрифовъ*», гдѣ перечисленъ рядъ апокрифовъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ сборникѣ, находящемся въ древлехранилищѣ; нѣкоторые изъ апокрифовъ приведены цѣликомъ, именно: «Житіе и страданіе великомученика Григорія. Пострада 5796 года»; «Чудо св. Григорія Змѣеборца»; «Житіе преподобнаго отца нашего Агапита»; «Слово св. Василія Великаго, якъ отъ человѣка злаго духа отъгналъ»; въ концѣ помѣщенъ перечень святыхъ, къ какимъ нужно обращаться въ различныхъ случаяхъ жизни, взятый изъ того же сборника. *Пр. Н. Трипольскимъ* помѣщены: «*Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери Дерманской и пѣсни въ честь Ея*», составленное на основаніи польской рукописи XVIII в.; «*Дерманскій архимандритъ Мелетій Смотрицкій, его сочиненія и подробная надпись на его могилѣ въ Дермани*»; Отдѣлъ статей заключаетъ очеркъ *О. Фотинскаго* — «*Посланіе м. Никифора къ Волынскому князю Ярославу Святополковичу*». Отдѣлъ «Varia» состоитъ изъ небольшихъ замѣтокъ, документовъ и др. матеріаловъ: *О. Ф.* — «*Иконописное отраженіе стараго апокрифа*», въ замѣткѣ описывается одна картина религіознаго содержанія, находящаяся въ древлехранилищѣ, для сюжета которой, по предположенію автора, взято Псевдо-Меѳодіево откровеніе; *О. Фотинскій* — «*Изъ архива Жидичинскаго монастыря*» — приводится въ подлинникѣ рядъ документовъ XVI—XVII вв., касающихся земельныхъ отношеній между монастыремъ и частными лицами, *св. Н. Бурчакъ-Абрамовичъ* — «*Къ исторіи древне-волынской письменности*» — здѣсь мы находимъ предисловіе къ рукописи 1524 года, заключающей бесѣды св. Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Матѳея, и приписку къ рукописи толкованій его же на Евангеліе отъ Іоанна, 1605 года; свящ. *А. Бордюковскій* сообщилъ «*Надпись о времени построенія церкви въ с. Охлоповъ* 1638 г.; и наконецъ — *свящ. И. Дучинскій* — «*Пѣсни про польское повстаніе 1863 года.*

При перечнѣ статей вновь вышедшаго «Сборника» мы намѣренно пропустили помѣщенные протоіереемъ Н. Трипольскимъ «*Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря*», вполнѣ заслуженно подвергшіеся осужденію въ предыдущей книгѣ нашего журнала [1]). Нельзя достаточно надивиться, какъ почтенный

[1]) Смотри въ октябрьской кн. „К. Старины“ статью Волынца „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія“.

протоіерей могъ принять грубѣйшую и безграмотнѣйшую фальсификацію за подлинные лѣтописные отрывки и документальные акты якобы XIII—XV ст.! Страннымъ кажется намъ и то обстоятельство, что редакція »Вол. Епарх. Вѣдомостей», гдѣ первоначально были напечатаны эти мнимые «Документы», не замѣтила поддѣлки, а редакція «Сборника», перепечатывая ихъ, впала въ сугубую ошибку, ничто же сумняся помѣстивъ, на ряду съ солидными изслѣдованіями и цѣнными матеріалами, это грубо-наивное измышленіе какого-то малограмотнаго писаки.

Впрочемъ, какъ ложка дегтю все же не вполнѣ портитъ бочку меду, такъ и эти злосчастные «Документы» не даютъ права обезцѣнивать научное значеніе остальныхъ пьесъ «Сборника». Принимая же во вниманіе тѣ скромныя задачи, которыя имѣла въ виду редакція и тѣ малочисленныя научныя силы, какія она могла привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что это первое начинаніе ея вышло довольно удачнымъ: «Сборникъ» составленъ разнообразно, помимо спеціальныхъ статей онъ заключаетъ и статьи болѣе общаго характера, доступныя для большаго числа читателей Единственно въ чемъ чувствуется, на нашъ взглядъ, недостатокъ— это отсутствіе руководящихъ статей, въ видѣ ли программъ или указаній, на что могутъ обратить вниманіе жители деревни, что нужно собирать, записывать и т. д.; статьи такого рода были бы очень кстати въ изданіи, предназначенномъ главнымъ образомъ для лицъ, живущихъ вдали отъ центровъ, въ изданіи, которое и имѣло главной цѣлью возбудить интересъ въ массѣ нашего сельскаго духовенства, подвинуть его на общую работу по изученію прошлой и настоящей жизни края. Но не все, конечно, дѣлается сразу, будемъ благодарны и за то, что сдѣлано, и пожелаемъ только, чтобы энергія лицъ, руководящихъ дѣломъ, не ослабѣла и впредь...

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ о составѣ Древлехранилища, пользуясь для этого очень обстоятельными описаніями поступившихъ въ Древлехранилище предметовъ, составленными О. А. Фотинскимъ [1]). Преобладающіе по количеству пред-

---

[1]) а) О. А. Фортинскій. Краткое описаніе предметовъ древности, пожертвованныхъ въ Волынское Епархіальное Древлехранилище по іюль 1893 г. Почаевъ 1893 г.
б) Тоже вып. 2-ой, съ 1 іюля 1893 г. по 1 августа 1894 г. Почаевъ, 1894 г.

меты—религіознаго характера; здѣсь хранятся древнѣйшіе кресты—энколпіоны (энколпіонъ съ изображеніемъ св. Владиміра, пожертвованный барономъ де Шодуаръ; крестъ этотъ описанъ Н. Петровымъ въ «Кіев. Стар.» 1888 г. августъ), образки (иконки съ надписью: «спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое победы княземъ на»..., затѣмъ т. н. змѣевикъ, и др.), деревянные рѣзные и металлическіе кресты и образки болѣе поздняго времени, иногда съ обозначеніемъ, кто дѣлалъ крестъ или кѣмъ онъ пожертвованъ, привѣски (напр. серебряная привѣска съ изображеніемъ вола и съ надписью: Року 1711 бидло барзо здихало. Пріими офѣру Чистая Дѣво Мати вола срибного); масса всевозможныхъ предметовъ церковно-богуслужебныхъ, церковныхъ принадлежностей (напр. царскія врата, изображающія «жезлъ изъ корене Іессова», изъ Введенской церкви г. Ковля, другія рѣзныя врата изъ бывшаго Гощанскаго базиліанскаго монастыря и т. д.), много иконъ и картинъ религіознаго содержанія (укажемъ на икону Богородицы съ портретами устроителей ея: «справа стоитъ, молитвенно воздѣвъ руки горѣ, молодой панъ, безъ бороды, съ подбритымъ чубомъ, въ синемъ кунтушѣ и красныхъ чоботахъ; слѣва, въ такой-же позѣ—пани, въ бѣлой рубахѣ съ кружевными рукавами, такой-же юпкѣ и плахтѣ, въ красной корсеткѣ и синемъ лѣтникѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; посрединѣ между ними дѣвочка съ вьющимися волосами, убранными цвѣтами, въ бѣлой рубахѣ и юпкѣ, синей корсеткѣ и розовомъ лѣтникѣ, въ рукахъ у нея развернутая книга»; подъ иконой помѣщена подпись, плохо сохранившаяся, но все таки въ ней можно разобрать, что икону соорудилъ Янъ Вербскій съ женою Меланіею въ 1745 г. Есть также довольно много предметовъ и другого характера, напр. портреты Януша Острожскаго, Анны-Алоизы княжны Острожской, Януша Вишневецкаго, короля Михаила Вишневецкаго, тронъ и кресло князей Острожскихъ, оружія до исторической эпохи и т. д. Очень богатъ отдѣлъ рукописей—богослужебныхъ книгъ, поученій, сборниковъ; въ Древлехранилище поступаютъ также и документы; такъ напр., сюда поступили остатки архива бывшаго Жидичинскаго монастыря—акты XVII и XVIII вв., документы Тригорскаго, Каневскаго и Уманскаго Монастырей—XVII—XIX вв.; интересъ представляютъ и *церковно-приходскія лѣтописи*, переданныя изъ Волынской Духовной Консисторіи. Наконецъ, Древлехранилище обладаетъ уже очень большимъ числомъ старопечатныхъ книгъ, имѣются также гравюры (напр. очень рѣдкая аллегорическая гравюра въ честь импе-

ратрицы Елизаветы Петровны, по поводу заключенія мира съ Шведами въ 1743 г., поднесенная Кіевскою Духовною Академіей) и фотографіи. Вотъ общія цифры состава Древлехранилища и библіотеки къ 1-му января 1895 г.: вещественныхъ памятниковъ 160, рукописей — 1139, печатныхъ изданій 375 въ 509-ти томахъ. Итакъ, не прошло и трехъ лѣтъ со дня открытія Древлехранилища, и такой обильный матеріалъ оно уже успѣло собрать въ свои стѣны! Этотъ фактъ еще разъ съ очевидностью показываетъ, что потребность въ такого рода учрежденіяхъ давно уже созрѣла и что слѣдуетъ положить начало, организовать дѣло—и успѣхъ будетъ обезпеченъ.

И. Бѣляшевскій.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка. Черниговъ. 1896. 8° 390 стр.

О первомъ выпускѣ этого изданія, у насъ уже было сказано (Кіевск. Стар. 1896 г., декабрь). Въ предисловіи ко второму выпуску издатель говоритъ: «мы старались обставить этотъ выпускъ возможно большимъ количествомъ библіографическихъ указаній; въ концѣ же прибавили дополненіе къ библіографическимъ ссылкамъ для 1-го выпуска. Кромѣ того, читатель найдетъ здѣсь болѣе обширные библіографическіе указатели малорусскаго матеріала къ цѣлымъ отдѣламъ... Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, помѣщено краткое изложеніе содержанія всѣхъ номеровъ обоихъ томовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что при той массѣ малорусскаго фольклорнаго матеріала, подобнаго издаваемому г. Гринченкомъ, который напечаталъ по настоящее время, какъ у насъ, такъ и въ Галиціи (напр. въ первыхъ годахъ «Зори» и въ разныхъ польскихъ изданіяхъ), очень много изъ этихъ «преданій и сказокъ» перепечатывается и повторяется, потому что всякій новый издатель ихъ не имѣетъ возможности разобраться въ этой грудѣ уже напечатаннаго матеріала... Поэтому всѣ эти библіографическія указанія, о которыхъ говоритъ въ предисловіи г. Гринченко въ крайней степени полезны для изслѣдователей, хотя, разумѣется, это лишь капли въ морѣ... Намъ кажется, что великая услуга сдѣлана была бы наукѣ составленіемъ по возможности точнаго указателя уже напечатаннаго малорусскаго фольклорнаго матеріала, хотя бы въ подобномъ видѣ, какъ это сдѣлано

г. Гринченкомъ въ обоихъ выпускахъ его «Этнографическихъ матеріаловъ». Нѣтъ сомнѣнія, что такой указатель оказалъ бы огромную услугу и собирателямъ, и изслѣдователямъ, давая возможность и тѣмъ и другимъ разобраться однимъ—въ собираемомъ, а другимъ—въ изслѣдуемомъ матеріалѣ.—До изданія же такого указателя (конечно, ждать его прійдется долго) собиратели невольно будутъ перепечатывать многое изъ того, что уже разъ было напечатано, разумѣется, съ нѣкоторыми варіантами... Но это, конечно, не бѣда: лучше два раза напечатать, чѣмъ потерять для науки тотъ или другой фактъ навсегда. Въ изданіи г. Гринченка такихъ повтореній, повидимому, должно быть мало, такъ какъ съ литературой предмета онъ хорошо знакомъ, что видно и изъ примѣчаній къ разсказамъ, и изъ тѣхъ же «библіографическихъ указаній».

А. Л.

Rocznik kòłka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. Tarnopol. 1896. 8° 232 стр. Съ картой.

О первыхъ двухъ выпускахъ этого интереснаго изданія у насъ было уже говорено («Кіев. Стар.», 1896 г., май). Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Acta processu o Tarnopol z r. 1690; 2) Мѣсто Тернополь и его околиця. Часть II; 3) Poviat Tarnopolski pod względem geograficzno-statystycznym; 4) Sprawozdanie z czynności wydziału kółka naukowego Tarnopolskiego za czas od 1 czerwca do 31 pasdziernika 1895; 5) Spis. członków kólka naukowego и наконецъ—карта тарнопольскаго уѣзда. Въ первой статьѣ напечатаны документы по спору Маріи-Казиміры, вдовы умершаго въ 1666 году тарнопольскаго владѣльца Яна Замойскаго, (а потомъ жены короля Яна Собѣскаго), съ наслѣдниками Замойскаго за «iura uxorea».—«Тернополь и его околиця» составляетъ продолженіе статьи должанскаго «пароха» Петра Бѣлинскаго, начатой во второй книгѣ Rocznik'a, и заключаетъ въ себѣ историческіе очерки нѣсколькихъ тернопольскихъ селъ, при чемъ авторъ пользуется и мѣстными преданіями, иногда очень интересными. Говоря о разореніи татарами м. Чернихова, авторъ приводитъ нѣсколько народныхъ преданій о татарскихъ нападеніяхъ, изъ которыхъ приводимъ здѣсь два. 1) «Якъ бувало татары нападаютъ на нашъ край (росказуютъ люде) ховались въ тоти оче-

реты всѣ хлопцѣ и мужѣ, а въ селѣ лишалися (оставались) сами старцѣ и бабы зъ дѣтьми, бо только тымъ татаре нѣчого не робили. Татаре увойшовши у яку хату, выѣдали, що лишь надыбали; часами, коли жонка хлѣбъ у пѣчь саджала, здоймали зъ лопаты и сирый ѣли. Одинъ татаринъ, повѣдають, не заставъ нѣчогѣсенько въ хатѣ, только дѣжку съ борщемъ. Нужь братися до неѣ и досягати бураки... Перехелився—а баба его за ноги, тай комѣть головой у бочку—втопила». 2) «Татаре бували деколи дуже цѣкави. Якъ бувало не мають що робити, то ходятъ, та кричать поподъ очеретъ: Иване! Грицю! Микито!—А ти люде, що поховалися въ очеретѣ, гадають, що то старый батько або маты кличе и повыставляютъ головы зъ очерету, а татары тогды зъ луковъ якъ качкы (утки) стрѣляють. Но и люде, коли вже дознались, що то татаре таки мудрагелѣ, то вже хочбы и до розпуку кликавъ и кричавъ, то нѣхто зъ очерету не выглянувъ анѣ обозвавъ ся. Со злости за те татаре спалили цѣлый Черниховъ».—Вообще очерки «пароха» Бѣлинскаго заключаютъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній для общей исторіи Подолья. Особенно цѣнны свѣдѣнія, которыя авторъ заимствуетъ изъ народной памяти, такъ какъ этого рода источникъ съ теченіемъ времени сильно изсякаетъ...

Статья—«Powiat Tornopolski» принадлежитъ г. Владиславу Сатке (Satke) и заключаетъ въ себѣ статистическіе очерки 82-хъ селъ тернопольскаго повѣта. Собранныя здѣсь свѣдѣнія даютъ возможность имѣть полное представленіе о теперешнемъ состояніи того или другого села. Для примѣра приводимъ отрывокъ изъ описанія с. Сущина.—Послѣ описанія положенія села и его почвы, далѣе читаемъ: «We wsi jest szkoła murowana, jednoklasuwa z klasą nadetatową, założona zv. 1851. Język wykladowy ruski. Parafia rz. kat. w Łoszniowie, gr. kat. w miejsciu; we wsi jest cerkiew pod wezwaniem św. Jerzego.... Засимъ слѣдуютъ свѣдѣнія о количествѣ земли и о ея доходности, о числѣ корчемъ и далѣе: «Wies ta liczy 1459 mieskanców, a to: 972 męź., 987 kob., zamieszkalych w 325 domach; z tego wypada, na obszar dworski: 23 domów, 68 męź., 66 kob. Obrzadku rz. kat. jest 294, gr. kat. 1554, izr. 111. Polckim językiem posługuje się 422, ruskim 1537. Umie czytać i pisać: 155 męz., 88 kob., tylko czytać: 33 męz., 15 kob., nie umie ani czytać:, ani pisać: 784 mez 884: kob. Gmina ta posiada; 543 koni, 484 sztuk bydła rogatego, 16 owiec, 233 świn i 81 ulów. Какъ видимъ, свѣдѣнія такого рода, что даютъ полную статистику того или другого села.

Изъ приложеннаго списка членовъ «научнаго кружка» (числомъ 61) къ сожалѣнію не видно ихъ общественнаго, положенія за исключеніемъ нѣсколькихъ докторовъ и «пароховъ».

А. Л.

Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., Кіевъ 8⁰ 1896. 156 стр.

Кіевск. епарх. вѣдомости издаются съ 1861 г. и за первое десятилѣтіе ихъ изданія имѣютъ обстоятельно составленный указатель (Кіевъ. 1870 въ 8-ю д. л. 87 стр.). Особенной благодарности заслуживаетъ составитель этого указателя за приложенный къ нему—*Алфавитный списокъ предметовъ, упоминаемыхъ въ указатель*, который чрезвычайно облегчаетъ отыскиваніе свѣдѣній по нужному предмету.— Теперь изданъ указатель за послѣдующія 25 лѣтъ. Расположеніе статей въ новомъ указателѣ совершенно тоже самое, что и въ старомъ, но «Алфавитнаго списка предметовъ» при новомъ указателѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Вирочемъ будемъ благодарны и за то, что есть: отыскивать то или другое свѣдѣніе въ 25-ти томикахъ К. Е. В, до изданія настоящаго указателя—было не легко...

А. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу
НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляровъ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ, гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:
1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА
съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,
Отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками
(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ ли-

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлянскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзановы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», новѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Зарин ъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные» гости повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Илловайскій, П. І. «Дочь ростов-

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И.И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 58-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г. получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО".

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4 **ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.**
Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества", въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной обертѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) одинъ руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподованія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—1

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «Новое Слово» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. П. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. П. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «Новое Слово» принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р — к.
» » » » » полгод . . .	5 » — »
» » » » » три мѣсяца. .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ. . .	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ.	12 » — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «Новое Слово» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разсчету. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искуство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 35	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ*.

3—1

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ право-

способности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ состовляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—2

ховъ и заездилъ до Синявина, оттоль домой, где засталъ... (?), а после и швакгеръ п. Андрѣй пріехалъ.

Неделя. 12. День былъ почасти хмаренъ и зъ ранку дощикъ, а после вѣтеръ принеслъ, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Родитель по службѣ, передъ обѣдомъ, отехалъ въ Роменъ на Тулиголови, где и обѣдалъ. А я по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку, до п. Михайла, где видѣлся зъ Шираемъ, бунчуковымъ товарищемъ, пріехавшимъ зъ С.П.Бурху, который обявилъ решѣніе иностранной коллегіи въ габѣнетъ ея величества поданное, что гетманскій рангъ противъ генерала полного, обозний генералний противъ генерала маіора или брегадира, суддѣ, подскарбѣй, писаръ, асаули, хоружій и бунчучний енералний противъ полковниковъ, полковники противъ подполковниковъ, бунчуковіе товариши противъ капитановъ, полковники компанѣйскихъ охотницкихъ полковъ, артиллеріи енералной асаулъ, да хоружій въ полкахъ, одинъ обозний, 1 судія, 1 писаръ, 2 асауловъ, 2 хоружихъ, мнится имъ рангъ капитана порутчика; сотники полковіе и городовіе противъ подпорутчика или пранорщика. Сотенная и городовая старшина, то есть хоружій, асаулъ, писаръ, атаманъ противъ вахмистра. Козаки грунтовіе городовихъ полковниковъ и сотниковъ висилаются на службу безъ жалованія, помѣчено. А въ давнихъ походахъ давались имъ провіянтъ и денги, противъ салдатъ и драгунъ. Подписались подъ тимъ мнѣніемъ 1733-го года, декаврія, канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ, вицеканцлеръ Андрей графъ Остерманъ, дѣйствителний тайний совѣтникъ N. фонъ Мініхъ, тайний совѣтникъ Василей Степановъ, совѣтникъ Петръ Курбатовъ. Семенъ Галецкій, сотникъ полковий Стародубовскій, въ С.П.Бурху иожалованний именнимъ указамъ ея величества въ бунчучніе енералніе, пріехалъ въ Глуховъ и привезлъ зъ собою указъ зъ габѣнету до князя Шаховскаго о своемъ тамъ призведеніи.

Понедел. 13. День и ночъ были подобніе прежнимъ, израдной весняной погоди. Жена заболѣла на прежную свою болѣзнь, то есть на уплави женскіе. Обѣдалисмо я въ дому у себе, а по обѣдѣ посѣщалъ мене швакгеръ п. Андрѣй, братъ п. Михайло, писаръ пе-

черскій и чернець Уманець. До архіерея Кіевского отъ покойници тіотки гетмановой видали легованний даръ то есть митру израдную, зъ жемчугами и каменемъ дорогимъ и злотомъ насаженную, на красномъ бархатѣ, крестъ шафѣровий зъ діаментами сквозними, саковъ, омофоръ, подризникъ, а другую немного подлѣйшую митру отложили въ монастиръ Гамалѣевскій, зъ ризами и стихаремъ архимандричую, и для отдачи архіерею пошлется въ Кіевъ Зварковскій, а въ монастиръ отецъ Мойсей. У отца Мойсея кушали для окрещенного новорожденного сына.

Вовтор. 14. День и ночъ были израдной же погоди весняной, толко безъ дожчу. Сегодня, а не вчера жена заболѣла, и посѣщали мене вчера упомянувшіеся персони, зъ которихъ писареви Печерскому далисмо писмо до архимандрити Печерского объ отданномъ отъ насъ въ болшую церковъ Печерскую панѣкадилѣ.

Середа. 15. День свѣтлій, теплій, вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночъ тиха почасти, и почасти хмарна, а къ свѣту свѣтла и тепла. Сегодня рано виехалъ зъ Глухова *я до* Тулиг., где пообѣдавши, пріехалъ въ Кролевецъ, а оттоль въ Андрѣевку и ночевалъ у Голубихи. У Тулиг. имбарѣ теперъ толко всего нос. 2 горѣлки, а 4 кухви оковитой отправлени съ Петромъ на байдакъ.

Четвер. 16. День свѣтлій, жаркій, вѣтрянъ, а къ вечеру тихъ, ночъ хмарна, тепла зъ дощемъ до свѣта. Зъ Андрѣевки рано виехавши, пріехалъ за 2 часа до пристанѣ при Погорѣловцѣ, где засталъ байдакъ уже зъ горѣлкою зложенною, где родителскихъ куховъ 4 гор. и при мнѣ припроводилъ понъ Добротовскій своей гор. кух. 3, тутъ я и обѣдалъ. Далъ я Петру да Титу, наряженнимъ въ Кіевъ зъ горѣлкою, приказъ и 10 р., и писма до Тарноліота, отца писара Печерского, отца економа Печерского жъ и Якимовича Кузми, сторони оной моей горѣ о куплѣ писанніе. По обѣдѣ перевезшись, пріехалъ за 3 часа въ Крески и ночевалъ. Тутъ засталъ гор. толко носатокъ 2.

Пятокъ. 17. День хмарний зъ дощикомъ, вѣтрянъ и холоденъ, къ вечору випогодилось, такъже и ночъ погодна, ясна, тиха, але холодна. Въ Крискахъ оставилъ я приказъ старостѣ Крисковскому

объ управленіи дѣлъ господарскихъ тамошнихъ и поехалъ оттолъ назадъ, а пріехавши до пристанѣ и перевюзшись, вимѣровалъ Кіевское вѣдерко зъ носаткою Крисковской, кои дани Петру Кухару на байдакъ зъ горѣлкою, такъ показалось всей горѣлки Крисковской, зъ Петромъ посилаючойся въ Кіевъ, куоъ 62, а въ нихъ носатокъ 609 и кварть 90, а въ носатцѣ вѣдеръ кіевскихъ 5, а кварть 11 и третая часть кварти, а въ вѣдрѣ Кіевскомъ тихъ же кварть 19 безъ четверти. Да послано жъ зъ нимъ горѣлки двойной куоъ 4, а въ нихъ нос. Тулиг. 37 и кварть 21. Отдавши оную вѣдомость Петру, поехалъ я въ путь свой и пріехалъ въ Обтовъ, ночевалъ у попа тамошнего Прокопія.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, и ночь такова жъ. Рано зъ Обтова поехавши, пріехалъ въ Андрѣевку, а оттоль въ Подоловъ къ сестрѣ Чарнишовой, а оттоль въ Тулиголови на обѣдъ, где и обѣдалъ. А зъ Тулиголовъ по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ позно въ Глуховъ, для того, что изъ Тулиг. позно виехалъ, и засталъ дѣтей пріехавшихъ. Въ Тулиг. дерева привозного криск. тертицъ шеліованихъ 25, деревъ 12, обаполковъ 18. Въ Тулиг. теперъ горѣлки всеей нос. зъ 6, или 7 всей.

Ниделя. 19. День былъ подобний вчорайшому, также и ночь. Обѣдалисмо въ Глуховѣ въ себе по службѣ, которой слухалъ я у Тройци, и зъ маіоромъ гвардіи Хрущовимъ видѣлься, которий также былъ, а по службѣ онъ поехалъ въ Семеновку, въ гостѣ до Мануйловича, где и князъ вчера еще поехалъ зъ многими, а я зъ зятемъ своимъ домой. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ швагеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ и простившись, отехалъ домой, а я зъ зятемъ своимъ поехалъ у футоръ и оттоль въ Сварковъ, где и ночевали. Въ Сварковѣ фундаментъ каменний здѣланъ на будинокъ, цегли сѣло тамъ на 10 тисячей, а муровщикамъ за то и за 2 камени—6 р.

Понедел. 20. День и ночь были подобніе вчорашимъ, жаркіе. Пообѣдалисмо въ Сварковѣ зъ зятемъ и поехали въ Глуховъ.

Вовтор. 21. День и ночь были подобніе прежнимъ, жаркіе. Сегодня никуда я не ездилъ, а обѣдалисмо въ дому и подніяхомъ

ради именинницѣ жени и съ нами Гапка Конзеровская. Князь Шаховскій зъ охоти своей повернулся домой у вечеру.

Середа. 22. День былъ свѣтлій, теплій со жаромъ, ночъ почасти хмарна, толко жъ безъ дощу, которого уже давно не бывало. Рано былъ я у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ былъ у п. Михайла и зъ Ханенкомъ видѣлся.

Вознесеніе. Четвер. 23. День былъ зранку хмаренъ и зъ маленкимъ дощикомъ, а посля свѣтелъ и теплъ, ночъ свѣтла, тиха, подобная прежнимъ. Банкетъ билъ у писара енер. для именинъ его, где билъ князъ, оба Хрущови, князь Баратинскій, старшина енералная и прочіи и подпіяхомъ, дами также. Янѣшевскій припроводилъ сюда кобилиць 5 до дриганта турецкого, такъже овци и конѣ, и привезено масла гладушовъ 2, да сира дѣжечокъ 2.

Пятокъ. 24. День былъ жаркій и свѣтлий, и тихій, ночъ свѣтла, а къ свѣту хмарна. Рано зъ Глухова поехалъ до футора, а оттоль до Сваркова, где и заночевалъ. Зъ Тулиг. привезли Сварковцѣ цегли на 45 возовъ 2380 цегелъ.

Субота. 25. День былъ зранку хмаренъ зъ маленкимъ дощикомъ, а посля свѣтель и теплъ, ночъ свѣтла, тиха, ядрана, къ свѣту хмарна. Рано сегодня поехалъ я зъ Сваркова, а пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, где въ дому и обѣдалъ. Трояновскій, сотникъ Полтавского полку, сказивалъ про запорожцевъ, что они приняти въ подданство ея величества и перенеслись кошемъ своимъ низше старой Сѣчи, а на постройку дано имъ казни ея величества 2 тисячи рублей. Полковники Слободскихъ полковъ, Ахтирскій, въ нѣмецкомъ платѣ, и Сумскій пріехали здесь до князя.

Неделя. 26. День былъ хмарний зъ дощикомъ ажъ до вечора хорошимъ, холодний почасти и вѣтрянъ, ночъ такъже хмарна безъ дощу. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилисмо многіе, такъ же князь, княгиня и зъ дамъ многіе до квартери князя Андрея Трохимовича Баратинского, где обручилъ себѣ свойственницу дому Кашкаровихъ въ невѣсту князь Григорій Івановичъ Шаховскій, братъ княжий, и подпіяхомъ.

Понедел. 27. День былъ по болшой части хмарний, нежели свѣтлій, вѣтрянъ велми и холоденъ, ночъ еще холоднѣйшая, почасти вѣтряна и хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ и ночевалъ тамъ. Человѣкъ, служитель швакгра моего Якова Полуботка, пріехалъ зъ Чернѣгова отъ п. Войцеховичевой зъ вѣдомостю, что якоби онъ, швакгеръ мой, въ походѣ войсковомъ въ Полщѣ, зъ товариствомъ бунчуковимъ обрѣтавшійся, преставися, а посля потвердилась тая вѣдомость зъ писма швакгра моего Якима Троцкого, который зъ 5-го мая пишетъ ко мнѣ, что онъ, швакгеръ мой, априля 15 д. умре (ему же да будетъ вѣчная память!) болѣзновавши толко 5 день, а посля априля 19-го, бунчуковий же товаришъ Семенъ Лизогубъ померъ же; первий погребенъ въ кляшторѣ барнадиновъ, а послѣдний въ кляшторѣ базилеановъ въ Гроднѣ, при пушечной и дробной стрелбѣ зъ церемонѣею. А о себѣ обявляетъ, что всѣ квартеруютъ въ Гроднѣ отъ всеедной итого апр. 12 д., за прибитіемъ въ Гродно регементара литовского князя Михайла Вишневецкого и швакгра его князя Радзѣвила, конюшого Литовского, мѣютъ въ первихъ числахъ мая всѣ виходить до Вилня.

Вовтор. 28. День былъ вѣтрянъ, по болшой части хмаренъ и холодноватъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ передъ вечоромъ ездилъ я до князя и Оболонского.

Середа. 29. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такъ же, толко уже у вечору дощикъ малій показивался. Былъ рано у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ, где и заночевалъ. Въ порукахъ на росписку взялъ я зъ подъ караулу іеродіакона монаха Ісаию Жаровка зъ канцеляріи минѣстерскаго правленія Малороссіскихъ дѣлъ, въ которой онъ содержится подъ карауломъ въ той же канцеляріи, да за нимъ же подписались Оболонскій, судовий писаръ и Стефанъ Уманецъ, сотникъ Глуховскій.

Четвер. 30. День былъ подобний вчорайшому, толко холодноватъ, ночъ такъ же холодновата, хмарна и вѣтряна. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ въ домъ свой, откуду

ездилъ на Бѣлополовку до брата п. Михайла, где его и другихъ засталъ въ карти играючихъ.

Пятокъ. 31. День былъ зранку хмаренъ зъ густимъ дощемъ до ночи, после вѣтрянъ, ночъ хмарна, тиха, тепловата, а къ свѣту погодна. Рано въ судъ енер. издилъ для челобитія—поданного на мене отъ попа Крисковского Федора Ярошевича, о грунтахъ.

Юнь. Субота. 1. День былъ свѣтлій и почасти хмарний зъ дощемъ, толко велми теплий, ночъ почасти хмарна, а почасти свѣтла и тепла. Рано ездилъ до князя, где и обѣдалъ и позабавилъ и видѣлся зъ дядкомъ п. Федоромъ, пріехавшимъ зъ Прилуки. Дриганта турецкого отняли отъ кобилъ, а кобыли былись зъ нимъ сіе: 1) нѣмецкая вороная, 2)ясногнѣдая, бѣлокопитая, зъ лошичкою гнѣдою, 3) ясногнѣдая, бохматоватая, зъ лошачкомъ буланимъ, 4) темногнѣдая, черкесоватая, зъ лошичкою вороною, 5) каштанова зъ лошачкомъ свѣтлогнѣдимъ, 6) вороная, зъ лошачкомъ гнѣдимъ.

Ст. Тройца. Неделя. 2. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ мало хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и громомъ, ночъ такъ же тепла и почасти хмарна. Рано былъ у князя и по обѣдѣ у него жъ кушалъ зъ многими и подпіяхомъ, а оттоль повернувшись домой, заехалъ до п. Михайла и игралъ въ карти зъ Андреемъ Миклашевскимъ, Ломиковскимъ и Лукомескимъ, зъ виграшомъ 30 к.

Понедел. 3. День былъ почасти свѣтлій и по болшой части хмаренъ зъ малимъ дощикомъ, ночъ свѣта, тиха, тепла къ свѣту туманъ. Сегодня никуда я не ездилъ а обѣдали у насъ дядя п. Федоръ и Раковичъ зъ синами своими, у вечеру игралисмо въ карти зъ виграшомъ 3 р. зъ п. Михайломъ, Валковичемъ и Ломиковскимъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и холодновата. Обѣдалъ я сегодня у себе а по обѣдѣ ездилъ до футора и въ Сварковъ, где и ночевалъ.

Середа. 5. День былъ зранку вѣтрянъ и почасти хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ такъже израдная. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ у до князя, где и обѣдалъ. У вечеру сватба была князя Григорія Шаховскаго зъ сродницею кня-

гинѣ Боратинской, Мариною, шлюбъ въ церквѣ соборной протопопою Глух. совершился, а ми у князя подпіяхомъ.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня для акту веселного билъ банкетъ у князя Шаховского, где были многіе гостѣ и подпіяхомъ. По банкетѣ поехалисмо зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у него въ карти, зъ виграшомъ 1 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ вѣтрянъ, однако жъ свѣтелъ и тепелъ и отъ переходячихъ хмаръ дощикъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Рано поехалъ я до Сваркова и тамъ обѣдалъ, а у вечеру отехалъ въ Глуховъ, где засталъ родителя зъ Ромна повернувшогося. Дригантъ мой турецкій зъ кобилами отбился шестма тамошними, а семою вороною, нѣмецкою. Панѣ гетманова Данилова Апостолова пріехала сюда въ Глуховъ и съ нею полковница Лубенская и Андрѣева Гарленкова.

Субота. 8. День былъ свѣтелъ и тепелъ, и тихъ, ночъ такова жъ. Сегодня банкетъ былъ у князя Боратинского и подпіяхомъ. Оттоль пріехавши домой, ездилемъ знову вихмеляючись на Красную Горку до млина Радіоновского и заехалемъ назадъ, едучи до п. гетмановой и оттоль човномъ до дому. Декоктъ сталъ пить.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ. Былъ рано у князя, а обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ никуда не ездилъ, а вечералисмо вкупѣ и заговляли.

Понедел. 10. День и ночъ были израдной погоди лѣтней. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Теперъ у мене тесель человѣка 10.

Вовтор. 11. День былъ и ночъ таковіе жъ, якъ и вчорайшіе, тихіе, жаркіе и свѣтліе, толко ночъ почасти хмарна. Рано я зъ Сваркова черезъ футоръ пріехалъ въ Глуховъ, былъ у князя, где при мнѣ пріехалъ прапорщикъ Александеръ Арсеніевъ зъ С.П.Бурху, зъ именнимъ указомъ ея величества до князя—ехать ему въ С.П.Бурхъ, на малое время. Зъ вѣдомостей явствуется сіе, что Гданскъ городъ великой отъ нашихъ войскъ и Саксонскихъ осадѣ и бамбардированіи и что пришедшое войско французское въ

Вейсендмилскіе шанци къ Гданску на суккурсъ Лящинскому въ 2000 человѣкъ, отъ нашихъ не допущени въ Гданскъ и многіе побыти, и что уже въ Італіи начались военніи операцѣи между войсками цесарскими и французскими, и гишпанскими; цесарского войска тамъ будетъ 40 тисячъ изъ залишкомъ, столко жъ почитать и соединенного, а при Ріенѣ рѣкѣ французского 90 тисячъ, а цесарское еще не все сошлось, где каммендеруетъ принцъ Евгенѣй. Да и сіе жъ вѣстно, что воевода Волинскій Потоцкій, партизанъ Лящинского, зъ войскомъ въ 3000 человѣкъ побитъ отъ нашихъ близъ Каменца Подолского, где нашъ Прилуцкій полковникъ Галаганъ много дѣйствовалъ. Князь Шаховскій, зъ присутствующими членами въ канцеляріи енер., приговорили бить у слѣдствія за комисарами Малороссійскими отъ 1731-го году полковнику Нѣжинскому. Івану Хрущову, швакгру Андрею Полуботку, Андрею Миклашевскому, Петру Корецкому и мнѣ.

Середа. 12. День былъ спервa свѣтелъ, а посля хмаренъ зъ громомъ и съ силнимъ дощемъ до вечора, вечоръ и ночъ хмарніе и вѣтряніе, въ ночѣ дошчъ. Сегодня я никуда не ездилъ и въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ опокоился; и вечерали вмѣстѣ съ родителемъ. Зъ Кіева повернулся Іванъ Зварковскій, возившій до архіерея Кіевского митру и сакосъ отъ покойной тіотки легованіе, зъ отвѣтомъ архіерея Кіевского Рафаила благодарственнимъ. Теслѣ Сухоносовскіе отправлени въ Сварковъ работать 2 человѣка. Зъ футора велено видать 42 четверти жита.

Четвер. 13. День былъ зранку хмарний зъ дощикомъ, а посля къ вечору свѣтелъ, вѣтрянъ и холодноватъ, ночъ вѣтряна и холоднѣйшая, и хмарна. Обѣдалъ я въ себе, а по обѣдѣ ездилъ до князя и оттоль повернувшись, засталъ зде панѣ гетманову и полковницу Лубенскую и другихъ. Писалъ я писмо до брата Марка и уступное писмо Журавки Якова для вписанія въ книги ратушніе послалъ. Да до Клима писалъ.

Пятокъ. 14. День былъ зранку вѣтрянъ, почасти свѣтелъ и холоденъ, а съ полдня тожъ свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ тиха, ясна и умѣрителна въ стужѣ. Сегодня ездилъ я до Сваркова и

оттоль домой воротился на ночъ, а жена тамъ зосталась ночовать. Зъ Перервинець пріехалъ Крутень и привезлъ писмо отъ Клима, въ якомъ обявляетъ, что писара Савѣцкій началъ греблю на Оржицѣ засипать, которій обовязуется въ томъ, что жадной шкоди ставкамъ моимъ и обиди селу съ того не будетъ.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, погодний и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я сегодня у себе и швакгеръ со мною п. Андрѣй.

Неделя. 16. День былъ подобній вчорайшому, израдной погоди и ночъ. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ ради рожденія меншой дочери его. Гетманова отехала зъ Глухова и обѣдала въ Дунайцѣ, куда и моя жена ездила опровожать оную. (На поляхъ: не сегодня, але іюня 26-го). Сегодня городъ Гданскъ по взятіи крѣпости Вейзелминдзи (?) войскомъ нашимъ, надъ которимъ камандиромъ фелтмаршалъ графъ фонъ Минѣхъ, подъ капитуляцѣею въ покореніе здался и имѣетъ депутатовъ отъ себе въ С.П.Бурхъ прислать и въ казну ея величества миліонъ ефимковъ бытихъ заплатить, а которіе въ семъ городѣ били Станѣслава Лещинскего адгеренти, примасъ, Чарторійскіе, Понятовскій и прочіе всѣ, тіе отдались до дишкрецѣе и въ рукахъ нашего войска обрѣтаются.

Понедел. 17. День билъ израдной теплой погоди и ясности, и ноча такова жъ. Пявици до геморгоидалной жили приставлялъ двѣ толко, очинъ мало крове сошло, ради неискуства приставщика. Крутень отправленъ до Клима зъ суплѣкою его и зъ облѣкомъ Григорія Шаргородского.

Вовтор. 18. День былъ изрядной погоди, свѣтлій, тихій, теплій и жаркій, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня былъ рано у князя обѣдалъ въ дому, а со мною п. Михайло, швакгеръ п. Андрѣй и Холодовичъ. У вечеру ездилисмо зъ п. Михайломъ до Миклашевского Андрея, зъ которимъ играли въ карти зъ проигрошомъ 1 р.

Середа. 19. День подобній вчорайшому, толко передъ вечоромъ хмара зъ силнимъ вѣтромъ и для того знову вияснилось у вечеру и тихо стало, ночъ тиха, свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ и съ

нами швакгеръ п. Андрѣй. Случай тяжелій намъ билъ зъ п. Андрѣемъ: ехалисмо зъ города ко мнѣ, въ коляски, которую конѣ внизъ греблѣ опрокинули и попадали, а мы выскочивши въ томъ импетѣ, спаслись отъ того. До Клима отправленъ козакъ Перерв. Мехей и съ нимъ писалъ о присилкѣ сюда кось.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, сперва вѣтрянъ, а посля хмаренъ зъ дощемъ и вихромъ, и знову почасти свѣтелъ, ночъ почасти вѣтряна, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ, а по обѣдѣ онъ, по именному указу ея величества, отехалъ зъ Глухова въ С.П.Бурхъ, и съ нимъ до Москви Іванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій, да съ канцеляристъ два Холодовичъ да родзянка, которого всѣ мы опроважали до Ясманѣ, а не доежджаючи, простились и воротились, а онъ въ путь свой поехалъ. Я поехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Пятокъ. 21. День былъ сперва и посля свѣтелъ, толко велми вѣтрянъ, вѣтромъ полунощнимъ, ночъ свѣтла, да вѣтряна жъ и къ свѣту велми холодна, толко жъ безъ морозу. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ футоръ, где копачамъ велѣлъ копать зъ другой сторони отъ Бѣлогоров. Начали робить у футорѣ другую рубленую клуню, Солодовникъ Степанъ зъ москолями. Оттоль поехалъ, пріехалъ у Дунаець, где повидѣвши будинку п. Михайлового, поехалъ у пасѣку Уздицкую, въ которой роевъ по сейчасъ било 12, а всѣхъ 230. Да зъ тоей пасѣки поехалъ въ Шрамковскую, где роевъ било посейчасъ болше 20, а въ ульяхъ 15, другіе же на старіе для поправки скидани. Оттоль поехалъ до Сваркова, где и ночевалъ. У Сварковѣ припускали знову driganta до кобилъ, толко жъ не дались.

Субота. 22. День былъ тожъ вѣтрянъ, якъ и прежніе, а свѣтелъ, къ вечору тихъ и тепелъ, такова жъ и ночъ свѣтла, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехавши, пріехалъ у Глуховъ и передъ обѣдомъ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ Полуботкомъ простился, а у вечеру п. Федоръ, дядя, и Раковичъ били и простились. Сегодня

новий ланъ [1]) у толоцѣ къ городу принявши литскіе (?) нивки, а имъ другіе купленіе въ обмѣну давши, заняли и виорали.

Неделя. 23. День былъ свѣтелъ и тепелъ, въ день дожчъ ишолъ, у вечеру знову вчяснилось, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Рано ездилъ я до князя Боратинского, а съ нимъ до княгинѣ, где и обѣдалисмо и подпіяхомъ ради тезоименитства дочери ея меншой Агрипини.

Понедел. 24. День былъ свѣтлій, жаркій и тихій, отъ нашедшой хмарки малій дощикъ зъ громомъ, а посля ясенъ день до вечора, ночъ свѣтла, тиха и жарка. Обѣдалисмо у себе зъ род., а у вечеру ездилъ я до Синявина, и повернувшись домой остался. Зварковскій поехалъ въ Кіевъ для посвященія въ попи, черезъ него писалъ до Петра ждать времени зъ горѣлкою до осени и содержать оную хочай на суднѣ, хочай въ імбарахъ скотить, порадившись Тарноліота. Янѣшевскій зъ кобилами отправился въ степъ, зъ которими дригантъ турецкій былъся; черезъ него писалъ до Клима о господарскихъ дѣлехъ.

Вовтор. 25. День былъ жаркій, свѣтлій и тихій, зъ полдня хмара надийшла зъ силнимъ громомъ и дощемъ густимъ и великимъ, который нѣсколко часовъ ишолъ и напоилъ всю землю доволно, къ вечеру утихъ. Ночъ тиха, хмарна и зъ дощемъ тихимъ, къ свѣту пересталъ. Сегодня обѣдалъ я въ дому, а у вечеру до Синявина ездилъ и до Оболонского сторони дѣлъ своихъ въ судѣ енер. обрѣтаючихся. Отправленъ Сухоносовскій человѣкъ глухій Паломаренко въ Сухоносовку и съ нимъ послано соли 20 пуд. и 30 р. и 10 червон., при писмѣ до Клима ради соли въ посилку Дядѣ Сухоносовского. Градъ величини у волоскій орѣхъ ишолъ поузъ футоръ, черезъ Сварковъ.

Середа. 26. День былъ хмарний вѣтряний зъ дощемъ и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, у вечеру ездилъ до Синявина ради дѣлъ своихъ просить его и другихъ суддей. Сегодня

---

[1]) Первоначально извѣстная мѣра земли, равнявшаяся иногда одной *уволокѣ*, а иногда тремъ. Позже—участокъ полевой земли, безъ опредѣленной мѣры, но окопанный или иначе ограниченный отъ сосѣднихъ земель. См. у Линде—*Łan*.

городъ Гданскъ здался нашимъ войскамъ и имѣетъ заплатить миліонъ ефимковъ битихъ, а адгеренди Лещинского въ рукахъ войска нашего великороссійского, о чомъ зри іюня 16-го до іюля.

Четвер. 27. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, дощъ отъ переходячихъ хмаръ, у вечеру випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а у вечеру проездился въ городъ; по обѣдѣ же зъ п. Михайломъ, обѣдавшимъ со мною, забавлялъся. Федору Заборовскому родилась дочъ. Получили писма зъ Ромна о слабости материнской отъ диссентеріи.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ такова жъ. По обѣдѣ почтовими лошадми родитель поехалъ въ Роменъ, посля полученной печалной вѣдомости о здоровю весма слабомъ матчиномъ. Староста Криск. пріехалъ и отправленъ домой, а дано ему 9 р. и приказъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій велми и ночъ такова жъ. Сегодня оставивши въ дому приказъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, самъ по раннемъ обѣдѣ отехалъ въ Роменъ и пріехавши до Мутина ужо ноччю, переехалъ черезъ Сеймъ и нѣгде не ночуючи, пріехалъ до Кросенъ и тамъ отдохнулъ.

Неделя. 30. День и ночъ подобніе были вчорайшимъ тихіе, свѣтліе и тепліе. Зъ Кросенъ уехалъ я миль зъ 3 и обѣдалъ надъ Терномъ, оттоль по обѣдѣ уехалъ миль зъ 3 и ночевалъ, не доежджая Борзенки, край Хмѣлова.

М-цъ. Юль. Понедел. 1. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ, а сполдня хмаренъ зъ дощикомъ и зъ громомъ, ночъ хмарна, вѣтряна и отчасти холодновата. Зъ ночлѣга вставши, пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ, где засталъ родителя и братовъ всѣхъ, опрочъ Луки, и родителку при здоровю поправляючомся. Родитель знову отехалъ зъ Ромна въ Глуховъ, гостивши зде толко полтретя дня.

Вовтор. 2. День былъ вѣтрянъ, почасти свѣтелъ, а съ полдня хмаренъ и теплъ и зъ невеликимъ дощемъ, ночъ хмарна, вѣтряна почасти, а къ свѣту випогодилось. Сей день промедлѣлъ я зде въ

Ромнѣ. Приставлялъ пявки къ низу Семенъ цилюрикъ и крове много вийшло. Отправлени въ Глуховъ Дѣдикъ и Литвиненковъ, зъ двома конми, подъ мѣру Крисковцамъ.

Середа. 3. Денъ былъ теплій, свѣтлій и тихій, ночъ такова жъ. Отъ Панченка отобралъ я должнихъ денегъ 22 р., а еще 30 р. объ Іллѣ отдать. У вечеру виехалъ я зъ Ромна зъ братами Маркомъ и Іваномъ и съ нихъ одинъ въ Куцупѣевщину, а другій у Андрѣевку, а я усвой футоръ Гамалѣевскій, где и заночевалъ. Оставилъ я брату п. Марку облѣкъ Панченковъ и писмо Мая съ товарищи Засулскихъ.

Четвер. 4. День былъ зранку свѣтелъ и теплъ, толко вѣтрянъ, зъ полдня хмара отложная найшла, спервa дощикъ невеликій да густий ишолъ, а посля gвалтовний, якого еще сего лѣта небывало, до ночи, а въ началѣ 9-го часа у тихъ и стало свѣтло. Тутъ я обѣдалъ зъ братами, до мене зехавшимися, которіе по обѣдѣ и розехались. Тутъ вовни старой по сказкѣ дворника 153, а молодой зъ 70 рунъ, пчоли тутъ роевъ всѣхъ по сей день 11 было. Тутъ по сей день было масло фасокъ 2, дѣжка болшая сира и часть кухви.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, мокровата мало, тиха и тепла. Рано поехалъ я зъ футора Гамал., а пріехавши до Токарокъ, засталъ брата Івана и тамъ отдохнувши, поехалъ въ Лохвицю и оттоль въ Сухоносовку позно пріехалъ въ ночъ, длл того, что дорогою противъ футора Милорадовича Степана годинъ зъ полтори отдихали.

Субота. 6. День былъ увесь хмарний, а около полдня якъ пошолъ дожчъ, то ажъ до захода слонца ишолъ, а въ ночѣ переставъ, толко жъ хмари бѣгаючіе всю ночъ хмарность дѣлали, къ свѣту туманъ. Въ Сухоносовцѣ сей день пробавилъ я и посилалъ Юска въ Лубнѣ за декоктомъ унgвентомъ и пластромъ и жидкою... за що заплочено 3 р. и 15 к. Тутъ по сей день въ пасѣцѣ пчоли роевъ показалось 70.

Нэделя. 7. День былъ туманний зъ ранку зъ дощемъ густимъ, а посля свѣтелъ и тепелъ. Ночъ тиха, свѣтла и тепла. Сей день служби Божой слухалр въ Сухоносовцѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ къ Перервинцямъ и ночевалъ, переехавши Лазурки.

Понедел. 8. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Зъ ночлѣга вставши, поехалъ зъ Лазурокъ миль зъ 2 до Василкова, оттоль зъ милю легкую до писара полкового Луб. футорця, где черезъ гребелку на Оржици Сухой переехавши, приехалъ въ Перервинцѣ на обѣдъ. У вечеру ездилъ до стада къ Кириленковому ставку зъ милю, где у околу нашего и ночевалъ.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня зъ ночлѣга вставши, обехали стенки и пріехалъ на обѣдъ въ село Перервирцѣ, куда и братъ п. Семенъ пріехалъ, которому четвертака лошака строкатого дарилъ я, а другую кобилку строкатую, гнѣдую, Ничипору стаднику. Пречисляли и перебраковували стадо конское. Братъ у вечору отехалъ въ Коровai, отколь ко мнѣ приездилъ.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, жаркій, тихій до полдня, а къ вечору хмаренъ и дожчъ ишолъ до вечора, ночъ такъ же хмарна зъ дощемъ, къ свѣту випогодилось хорошо. Поехалъ я рано зъ Перервинець и заехалъ первей, до стенки своей Ворониной, где нѣякогось Посвятипшоно человѣка, степокъ нашъ до оной стѣнки приналежной уворавшогося, велѣлъ старостѣ не допускать. Оттоль поехалъ черезъ Бѣлоусовку и уехавши съ полмилѣ, стали на обѣдъ надъ Оржицею, куда и Кучарскій пріехалъ зъ рибою. Оттоль поехали у право минувши могилу, черезъ яръ на футоръ Балалѣйца надъ рѣчкою Чевелчою сидячій, куда отъ Бѣлоусовки будетъ миль болше двохъ, и пріехали при заходѣ слонца, где и заночевали. Велѣлъ конюшоту за бѣлого коня, козаками Сухонос. и Перер. утерянного, доправить зъ трохъ по рублю, и того 4 р.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій и теплій, толко вѣтрянъ, ночъ такъже вѣтряна, свѣтла и холодна. Отъ перевозу вставши, переехалъ черезъ Сулу и просто поминувши у лѣво дорогу до Горошина, простою дорогою, черезъ мостокъ и степкомъ до футора,

пріехалъ своего Криворудского, где обѣдалъ и ночевалъ. По обѣдѣ обездилъ степокъ до новой занятой греблѣ, где и на токъ, и на стадню заоромъ поозначевани мѣстца.

Пятокъ. 12. День былъ вѣтрянъ прежде, а посля дощъ, а потомъ випогодило. Ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Сегодня кончилъ я декоктъ пить на Кривой Рудѣ. Обездилъ я степъ Криворудского своего футоръ, заоромъ и концями означенний отъ полковничой слободки и футора, по силѣ писма полковничего до Павла Корнѣевича писанного, а отъ Горошина по силѣ уступного Горошинского писма, отъ Антоновичового футора по Стовповаху, а оттоль по узъ шляхъ, зъ Горошина до Говтви идучій.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Вилучилъ зъ кобилъ обрѣтаючихся на Кривой Рудѣ въ бракъ 7, а осмую сивую зъ лошачкомъ воронимъ Климу дарилъ и корову зъ телямъ середнюю. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора Криворудскаго знову тоею жъ дорогою до перевозу Горошинского, а оттоль до Оржицѣ городка, где и заночевалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій и жаркій, и тихій, ночъ такова жъ. Зъ Оржицѣ рано перевюзшись, пріехалъ до Юсковець миль у 2, где и служби слухалъ. Зъ Юсковець по обѣдѣ уехалъ миль 3 до Оробювъ и пріехали въ Сухоносовку еще завидна.

Понедел. 15. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, тиха и тепла. Дневалъ я тутъ въ Сухоносовцѣ; у вечеру обмился. По сей день отъ 6-го іюля роевъ зъ 10 поймано, якими старіе понаправлювано, и роевъ попрежнему 70 въ уллях.

Вовтор. 16. День былъ хмарний и почасти отъ переходячихъ хмаръ дожчъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и умирителна. Ярема пріехалъ зъ вѣдомостю, что жена моя болна на огневицу. По обѣдѣ оставивши я Климови приказъ, отехалъ и пріехавши въ Лохвицю заехалъ до тіотки п. Павловой, а оттоль поехавши, заночевалъ въ Токарахъ.

Середа. 17. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ такова жъ. Пріехалъ я зъ Токаровъ у футоръ свой Артополотскій, где и обѣдалъ. Коберникъ пріехакъ зъ Глухова зъ повторнимъ

извѣстіемъ о слабости жени. Тутъ у пасѣцѣ всѣхъ роевъ въ уллѣхъ по сей день стало 16. Остановили тутъ коней сивихъ 5, гнѣдого верхового, вороного храпуна, гнѣдого молодого, что хлопець ехалъ, итого 8. Далъ я тутъ войту футорному Коханцѣ 2 р. на уплатку кидалникамъ да гребцямъ. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора и пріехавши въ Роменъ, видѣлся зъ Радищевимъ.

Четвер. 18. День былъ свѣтлій, жаркій, тихій и зъ переходячими хмарами дождевими, громомъ и блискавицею, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. П. Марку брату полецилъ я доправить зъ Яковлева 30 р.; 10 р. дать конюшому Янѣшевскому, а 20 р. прислать ко мнѣ; такъже доправить на Засулцахъ 20 р. и прислать. Оставилъ приказъ конюшому взять у п. Марка 10 р. и употребить на поденное сѣно въ Перервинцахъ, да доправивши за коня зъ козаковъ по рублю, употребить оніе на перенесенне станѣ и двора. Оставилъ же приказъ Корнѣю Петренку, мужику Сухонос., который зъ вовною пріехалъ, простой старой рунъ 518, а бранки 284 старой же, а велено ему продавши, денги всѣ Климу до рукъ отдать, а буде не продасть, то зложить за замкомъ и печаттю п. Марка. Сіе устроивши, поехалъ рано я зъ Ромна въ Глуховъ и въ обѣдъ становиско имѣлъ у Смѣломъ, а по обѣдѣ поехалъ, на дорозѣ попасовалъ и заночевалъ не доежджаючи Свинтовой, у полъ милѣ отъ Грузкой, зъ полмилѣ уехавши.

Пятокъ. 19. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ отъ переходячихъ хмаръ силний по сторонамъ дожчъ, ночъ тиха, свѣтла и хороша. Зъ ночлѣга уехавши зъ милю, пріехалъ до Бѣлихъ Береговъ, перевюзшись пріехалъ до Путивля и оттоль до Вязюнки, где и отдихалъ на нѣсколко часовъ, а отъ перевозу Бѣлихъ Береговъ до Путивля 10 верстъ, а отъ Путивля до Вязюнки столко жъ. Зъ Вязюнки до Глухова 27 верстъ, куда я пріехалъ передъ вочоромъ, засталъ жену велми хорую, а родителя слабого.

Субота. 20. День былъ подобній вчорайшому, жаркій, теплій, и зъ переходячими хмарами и силнимъ дожчемъ, ночъ свѣтла, тиха. Сей день никуда не отлучался для родителя и жени болнихъ. Продали бракъ кобилъ 7., а осмого коня лошака молодого,

которіе были браковани въ Перер. и Кривой Рудѣ, а сюда пригнали зъ Яремою зъ Ромна, где нелзя било за множествомъ коней продать.

Неделя. 21. День былъ подобний прежнимъ и ночъ. Сей день никуда я не отлучался, толко у вечеру билъ у Хрущова, маіора гвардіи, которий сказивалъ мнѣ, что подлинно Гданскъ наши достали акордомъ, а Лящинскій будто въ рибалскомъ платтѣ ушолъ безвѣстно; прочіе же прелати полскіе, въ томъ числѣ примасъ и другіе же, побрати и зъ французовъ штапъ, оберъ и ундеръ офѣцеровъ немало и радовихъ 2000.

Понедел. 22. День былъ жаркій и тихій, и свѣтлій, по сторонамъ хмари, громъ и дощъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, къ свѣту туманъ. Сей день никуда я не ездилъ ради слабости жени своей, которая стала въ оной исправлятись, а у вечеру билъ у Хрущова на Бѣлополовкѣ, въ дворѣ гетманскомъ, квартируючого. Нѣмецкая кобила вороная привела лошачка вороного.

Вовтор. 23. День былъ свѣтлій, посля туманъ теплій велми, а въ день хмара надійшла и жестокій дожчъ, къ вечору знову випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Часа 9-го, передъ полуднемъ, родилась намъ унучка, а зятеви моему Стефану дочъ Марія. Генералша Матюшкинова проехала Глуховъ, а простуетъ въ Кіевъ для поклоненія. Ездилъ я рано до футора, а оттоль въ Сварковъ и назадъ до дому, на обѣдъ, повернулся.

Середа. 24. День былъ свѣтлій, теплій, а въ день хмара и и силний дощъ, къ вечору переставъ, а въ ночѣ знову силний же дощъ, къ свѣту переставъ. Сегодня никуда я не ездилъ, а былъ толко въ склепу, где анталовъ два болшихъ да меншихъ два зъ вишнями виномъ кримскимъ, гетманскимъ и своимъ понасипали.

Четвер. 25. День былъ подобний прежнимъ, свѣтлій и теплій, а посля дощъ и то разними мѣстами, ночъ хмарна, мокра, къ свѣту погодна мало. Сегодня унучка моя Марія, а дочъ дочери моей Анни крещена попомъ княжимъ Іоакимомъ, кумъ былъ родитель, а кума писарка енер. Турковская, и посля обѣдали у насъ писаръ зъ женою енералний, Кондзеровскій самъ другъ и Александръ Левицкій тако жъ.

Пятокъ. 26. День былъ подобній прежнимъ, еще зъ силнѣйшимъ дощемъ, которій после полдня якъ пошолъ, то передъ полночію пересталъ, однако жъ ночъ била хмарна, тиха, толко не холодна. Отъ сего дощу частого, по перемѣнкамъ зъ погодою каждого дня падаючого, трава везде покошенная погнила и для того сѣновъ доволствія ненадѣятись. Посланъ молодикъ зятний Уласъ зъ узваромъ до матки въ Роменъ и до Михайловки къ п. Андрѣю Полуботку, швакгру. Ездилъ я до Дунайця и до пасѣкъ Уздицкой, где пчоли роевъ 176 и Шрамковской, где роевъ зъ 50, и оттоль на ночъ въ Сварковъ.

Субота. 27. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, тихій, зперва хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, начало ночи зъ дощемъ, а после оний пересталъ, толко жъ било хмарно и тихо. Зъ Сваркова рано поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ на обѣдъ, а по обѣдѣ ездилъ до маіора Хрущова. У банѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 28. День былъ свѣтлій, почасти и хмарний, однако жъ теплій, прежнимъ подобній, бо рано малій дощикъ билъ и у вечеру. Ночъ тиха, хмарна, тепловата, зъ дощемъ. Былисмо зъ род. у княгинѣ Шаховской и у болѣзнуючого князя Якова, племѣнника княжого, обѣдали въ дому и болшъ никуда не ездили.

Понеделокъ. 29. День былъ подобний прежнимъ, до полдня свѣтелъ, хмаренъ, дощеватъ и тепелъ, а по обѣдѣ вичистилось небо отъ хмаръ до вечора, такова жъ и ночъ была и воздухъ отъ полуденного на полнощний перемѣнился и стало тихо. Сегодня ездилъ я въ склепъ и тамъ вишніовку винную зъ ягодъ пересипавши, налилъ анталъ цѣлий на лягеръ волоскій. До п. Михайла писалъ и копію манѣфесту о взятіи Гданска послалъ. Братъ п. Марко писалъ ко мнѣ о продажѣ вовни бранки моей старой, въ Ромнѣ, 18 пуд. по рублю и простой старой 300 рун. по 7 копѣекъ, якіе денги 40 р. до Клима послалъ, а зъ доправленнихъ на важничомъ и Маю 45 р. 32 р. до мене прислалъ, а 10 р. до Клима, итого до Клима 50 р. Боку доктору за лѣченіе жени 16 р. До стар. Крис. черезъ коверника послалъ 6 р. на куплю лубя.

Вовтор. 30. День былъ сперва свѣтлій, а после подобній прежнимъ, зъ дощемъ по сторонамъ, однакъ теплій и знову свѣтлій, ночъ подобная дневи, толко безъ дощу. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род., а по обѣдѣ ездилъ я у футоръ свой, где всѣ Сварковцѣ по окладеннимъ имъ числами копамъ—обжались. Вѣдомость принесена, что князь Гессенгомбурскій, командующій надъ особливимъ корпусомъ въ Полщѣ нашего войска, взялъ іюня 23. д. крѣпость Збаражскую кіевского воеводи на акордъ.

Середа. 31. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, для того, что малий дощикъ толко почитать покропилъ землю, а свѣтлій и жаркий былъ велми, ночъ свѣтла, тиха и велми тепла. Обѣдалисмо зъ род., а по обѣдѣ былъ въ дому. П. Войцеховичева, сестра жени моей, отехала въ Чернѣговъ. Получилъ я указъ зъ министерской к—ріи прислать въ оную Семена Шоха.

М-цъ Августъ. Четвер. 1. День былъ вчорайшому подобний, свѣтлій, тихій, жаркій велми, ночъ такъ же тиха, свѣтла и тепла, а дощу не было. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а по обѣдѣ у вечеру поехалъ я до Тулиг. и пріехалъ уже позно; ехалъ полъ 3 часа. Господареви, въ Сѣденщину отсилаючомуся, на гребцовъ далъ 50 к., а черезъ его жъ помощника, пасѣчника Юрка, плату послалъ 1 р. и 10 к. Тютюннику далъ 2 р. на тютюнъ, что и у еге записано.

Пятокъ. 2. День былъ вчорайшому подобній, свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ такова жъ была, а къ свѣту невеликій дощикъ. Сей день пробавилъ я у Тулиголовахъ. По сейчасъ уготовано тутъ сѣна въ стогахъ 170 воз.; роевъ 22.

Субота. 3. День былъ жаркій, а зъ полдня хмаренъ зъ силнимъ дощемъ и громомъ, которий къ вечору утихъ, ночъ хмарна, почасти тиха и нехолодна. Въ Тулиголов. старостѣ далъ я 4 р. на росходи и приказъ на писмѣ въ 6 пунктахъ до тамошнихъ порадковъ, около винницѣ, особливо млина Бутурлимовского розмѣру. Писалъ до стар. Криск. о пріездѣ его сюда, о куплѣ 500 дранѣ у Тулиг. на покритте млина. Отобѣдавши у Тулиголов., отехалъ въ Глуховъ и пріехалъ передъ заходомъ солнца.

Неделя. 4. День былъ хмарний, а около полдня силній дощъ зъ громомъ ишолъ и къ вечору утихъ, и стало вѣтряно, хмарно и холодно; такова жъ и ночъ, вѣтряна, хмарна и холодна. Ездилъ рано зъ род. до княгинѣ, а служби слухали у соборной церквѣ, где по службѣ читано указъ обявителний о взятіи Гданска великороссійскими войсками и что зъ Гданска, за противніе ихъ поступки, поступлено дать миліонъ ефимковъ въ казну ея величества, а буде не поставятъ Гданчане Лящинского за 4 неделѣ, то другій миліонъ заплатить, а за тое, что у дзвони дзвонили у Гданску въ презрѣніе нашихъ за то имъ заплатитъ 30000 червонныхъ. Взято зъ Гданска войскъ людей всѣхъ, кои въ той осадѣ дѣйствовали, кромѣ шведовъ, въ полонъ и зъ крѣпости Вехселминди аммунѣцею всю и артиллерію, где самихъ пушокъ мѣднихъ било 100, пороху несколко надъ тисячу пуд. и проч. А зъ вѣдомости отъ пруского Кролевца (которая въ писмѣ до Радищева прописана, а отъ него обявлена и мнѣ) вѣдомо, что, подчасъ сеей осади, въ городѣ Гданску 2780 домовъ зъ залишкомъ перепорчено артиллеріею россійскою и всѣ сіе шкоди смякаютъ на 50 миліоновъ. Зъ причини сеей вѣдомости былъ молебенъ и банкетъ у Хрущова, где хочай немного насъ было, однако жъ подпіяхомъ очинь.

Понедел, 5. День былъ хмарний зъ великимъ дощемъ, зъ чего стало наводненіе великое въ ставахъ здешнихъ, подобное весняной водѣ, ночъ хмарна, свѣтомъ дощъ. Сегодня никуда не ездилъ за негодою, греблѣ верхніе порвано отъ дощу великого. Четвертей 10 овса зъ ями виняли, зъ которихъ зде 5, а 5 въ Тулиг.

Преображеніе. Вовтор. 6. Денъ былъ хмарний зъ малимъ дощикомъ, тихъ и тепелъ, такова жъ ночъ, толко безъ дощу, а къ свѣту холодновата. Были рано у княгинѣ, а обѣдали у себе, у вечеру ездилъ я въ городъ и пересипалъ гишпанское вино зъ барила худого въ барилця двѣ, сулѣю и цицю.

Середа. 7. День былъ подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ, къ свѣту зъ дощемъ малимъ. Братъ п. Михайло пріехалъ въ Дунаецъ и прислалъ ко мнѣ пакетъ, въ якомъ писмо п. Петра зъ С.П.Бурху, и приложенна книжица маленкая, французская на юнь м-ць.

Четвер. 8. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний, зъ дощемъ зъ ранку. Ночъ хмарна, холодна и вѣтряна. Вѣдомо учинилось, яко всѣ греблѣ, кромѣ нашихъ и п. Михайловой, и внизу въ Некрасовѣ порвало.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, теплій почасти и почасти холодний, зъ вѣтромъ полнощнимъ, ночъ тихшая, свѣтла, толко жъ холодновата. Зять п. Стефанъ отехалъ до сестри своей на Лувру. Староста Криск., требуемий въ к—рію минѣстерскую для освидителствованія колодника нѣкотового, пріехалъ, Сказивале стар. Крис., что жита зняли въ Крискахъ копъ 56. Отецъ Никифоръ у вечеру билъ для исповиди родителя и мене.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, тихій, зъ ранку холодноватъ, а посля тепелъ, ночъ такова жъ, погода израдная. Сегодня зъ родителемъ причащался ст. Тайнамъ и обѣдали въ дому, а по обѣдѣ ездили до князь Якова Шаховского поздравить его дочерю новорожденную за червонцемъ. Іюня 29-го была жестокая баталѣя въ Італѣи цесарского войска зъ соединенною армѣею французскою и сардинскою и гишпанскою, где много тисячъ солдатъ зъ обоихъ сторонъ побито, такъже много генераловъ и другихъ високихъ лицъ побито, жестоко ранено и полонено, отъ полдня баталѣя до полуночи протяглася.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій и теплій, а зъ полдня хмари надишли и ишолъ дощъ великій зъ громомъ, посля ночъ вияснилась, а къ свѣту знову хмара стала, толко жъ тепла. Были рано у княгинѣ и по службѣ, а обѣдали въ дому родитель зъ княгинею. По обѣдѣ поехалъ я у футоръ, а оттоль въ Дунаецъ, где дощъ мене мочилъ, и ночовалъ у п. Михайла.

Понеделокъ. 12. День былъ почасти свѣтелъ, а посля дощъ, знову вияснилось, знову дощъ, которий потомъ и умножился велми, къ вечору вияснилось, по заходѣ слонца знову дощъ, ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. Сегодня рано зъ п. Михайломъ ездилисмо въ Сварковъ, а оттоль къ нему въ Дунаецъ, а по обѣдѣ я отехалъ и пріехалъ на ночъ въ Сварковъ.

Вовтор. 13. День былъ вѣтряний, холодний, и посля свѣтел и тепелъ, у вечору утихъ вѣтеръ, ночъ холодновата, однакъ свѣтла

и тиха. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ отехалъ въ Глуховъ. Ланъ мой, что къ городу, засѣяли житомъ, 17 четвертей. Отъ Клима пріехалъ козакъ Соляниченко зъ писмомъ и зъ ревизѣею сеголѣтною тамошнихъ маетностей.

Середа. 14. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, а после вѣтрянъ, хмаренъ и мало мокръ, ночъ утихла и випогодилась. Сей день никуда не ездилъ, обѣдалисмо вкупѣ. Отправленъ Сухонос. Соляниченко до Клима зъ отвѣтомъ на его вопроси, 1) чтобъ сѣна доволно везде било, 2) чтобъ мѣсто въ Перер. на пасѣку купилъ, 3) чтобъ висилалъ по соль. Стар. Криск. Шохъ отправленъ и данъ ему приказъ, о томъ въ приказахъ, и денегъ 20 р. на задатокъ бобровнику.

Четвер. 15. День былъ теплѣйшій отъ вчорайшого, толко почасти хмаренъ и мало дощеватъ, а особливо хмаренъ у вечеру, таковажъ и ночъ. Были рано у княгинѣ зъ род. и на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Хрущова и посидя повернулся домой. Зъ Сухонос. Дядя глухій привезъ дриганта чалого, носатого.

Пятокъ. 16. День былъ хмарній, вѣтреній, холодноватъ, а къ вечору дожчъ. Такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ футоръ, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ я указъ зъ генер. к—ріи до себе написаний, чтобъ мнѣ явится въ енер. к—рію 18-го августа для отправленія генералной комисѣи о комисарахъ 1731-го году. Кобила карая одна, зъ Перер. оставленная, лошачка привела.

Субота. 17. День былъ хмарний съ дощемъ рано, вѣтранъ и холодноватъ, а после хмаренъ же, толко жъ тепелъ и тихъ, къ вечору знову дощъ, который мало не черезъ всю ночъ продолжалъся. Обѣдалъ я сегодня въ Сварковѣ, а по обѣдѣ поехавши черезъ футоръ, пріехалъ уже позно въ Глуховъ.

Неделя. 18. День былъ дощеватъ велми, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ, отчего велми стало мокро. Сегодня дочъ князь Якова Петровича Шахогского крещена, а мы на банкетѣ въ княжемъ дворѣ подпіяхомъ. Пишетъ князь съ С. П. Бурку до маіора

Хрушова, что п. Михайлу грамоту подтвердительную на добра дать велено, что грамоту жъ велено дать Янжулу о непорицаніи его тимъ, что за колегіи бившой кнутомъ бито, что Каневского, судію Чернѣговского, бившого въ силкѣ, велено сискать.

Понедѣлокъ. 19. День былъ хмарний, дощеватъ, холодний, ночъ такъ же безъ дощу. Сей день обѣдалимы у себе зъ род, Былъ у банѣ и кровъ банками пускалъ.

Вовтор. 20. День былъ свѣтелъ и тепелъ почасти, а посля хмаренъ, къ вечору дощъ, ночъ хмарна зъ дощемъ и холодна. Рано зъ Глухова зъ п. Стефаномъ поехалисмо и пріехавши въ Дунаецъ, обѣдали у п. Михайла, а по обѣдѣ пріехали въ пасѣку Уздицкую, куда потомъ пріехала и жена съ дѣтми, тутъ и ночовалисмо.

Середа. 21. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и между тимъ теплъ, ночъ випогодилась отчасти посля дощу, къ свѣту туманъ. Сей день тутъ пробавилисмо въ пасѣцѣ Уздицкой. Убили пчоли весей 100, а подрѣзали зъ 150, собрали меду бочокъ 3, и дѣжокъ 4, а осталось въ зиму 305.

Четвер. 22. День выпогодился и былъ тепловатъ и свѣтелъ, и тихъ. Ночъ тиха, свѣтла, рѣзка стужею осѣнною. До половини дня позабавилисмо у пасѣцѣ Уздицкой, а посля поехалисмы, всѣ куренемъ своимъ, до другой пасѣки Шрамковской, где убили пчоли 41, собрали меду дѣжечокъ 2 болшихъ и 3 меншихъ, а оставили въ зиму 116.

Пятокъ. 23. Рано оттоль поѣхалисмо до футора и оттоль до Сваркова, где и заночевали. Сегодня Сакевичъ, сотенный товаришъ глуховскій, билъ въ Сварковѣ и ревѣдовалъ солянъ моихъ, которихъ написалъ числомъ 42 по указу енер. к—ріи.

Субота. 24. День былъ израдной погоди осѣнной, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ѣздилъ я зъ Сваркова у футоръ оглядать ярини, которую жнутъ и косятъ поддание и сѣна, якое кидаютъ наемніе, и пріехалъ въ Сварковъ же на обѣдъ, где зъ женою и дѣтми обѣдалъ. А у вечеру поехали и пріехали всѣ въ Глуховъ. Отъ стар. Криск. получилъ писмо, что шеліванихъ

тертицъ всѣхъ толко 52 въ Погорѣловцѣ, да куплъ онъ за 5 р. 62 к. 244 лубя.

Недѣля. 25. День былъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ. Рано былисмо зъ род. у княгинѣ и въ службѣ ст. Анастасіи, обѣдали у себе, у вечеру посѣщалъ мене Хрущовъ и п. Михайло. Крисковскій человѣкъ отправленъ до Крисіокъ къ старостѣ и черезъ него писалъ я о куплѣ еще лубя, на которіе далъ 4 р., о куплѣ тіосу, о присилкѣ сюда 200 тертицъ шеліванихъ и еще 200 изготовить, объ увѣдомленіи сколко въ Розлетахъ имѣется деревъ канцелляріискихъ. Генералша Матюшкинова и генералша маіорша Генѣнова пріехали въ Глуховъ, повернувшись зъ Кіева. Синъ писара енер. Максимъ Турковскій взятъ подъ арестъ и посаженъ въ минѣстерской канцеляріи.

Понедѣл. 26. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ вѣтряна, почасти хмарна и посля дощевата, а къ свѣту выпогодилось. Рано ездилъ я до генералши Матюшкиновой и поздравилъ еи пріездомъ, оттоль билъ у княгинѣ и поздравилъ еи именивницею дочерю старшою, обѣдалъ у себе. Писалъ я до Клима и до Шоха и до Романа Тулиг. о имѣючойся бить ревизѣи. Швакгеръ мой Якимъ Троцкій, отпущенный зъ похоіу полского, зъ подъ Белберишокъ, пріехалъ въ Глуховъ, да пріехали жъ въ Глуховъ и другіе бунчуковіе товариши: Яковъ Новѣцкій и Иванъ Гамалѣя оттоль же.

Вовтор. 27. День былъ свѣтлій, вѣтряний, а къ вечору тихъ, ночъ тиха, по болшой части свѣтла, вѣтеръ еденъ западний, да холодноватъ. Рано ездилъ я на Бѣлополовку до Хрущова и незаставши его, видѣлся зъ п. Михайломъ, еще тутъ зостаючимъ; обѣдали посля у себе зъ род. и съ нами дѣти и швакгеръ Троцкій.

Середа. 28. День и ночъ были подобніе прежнимъ и вчорайшимъ. Рано ездилъ а до футора, где осмотрѣвши еще недожатого овса, повернулся домой на обѣдъ. По обѣдѣ швакгеръ мой п. Якимъ Троцкій отехалъ въ Кролевець до родителки, въ Добротовъ пріехавшой, а оттоль домой.

Четвер. 29. День и ночъ были подобніе прежнимъ. Рано были у княгинѣ, обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ

ездилъ до Хрущова и тамъ позабавивши долго, повернулся домой у ночѣ.

Пятокъ. 30. День былъ хмарний зъ дощемъ и холодноватъ, однакъ не велми, отчего знову грязно стало, ночъ выпогодилась. По обѣдѣ поѣхалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ футоръ, где допахували панщини лану футорного и обсѣвали житомъ. Оттоль поехавши, пріехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Субота. 31. День былъ израдной осѣнной погоди зъ малимъ вѣтрикомъ, свѣтелъ и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ пріѣхалъ въ Глуховъ и въ банѣ мился. Сегодня окончилась житная у футорѣ моемъ сѣвба.

М—ць Сейтеврій. Недѣля. 1. День и ночъ были таковой же изрядной погоди, якъ и вчора, тихіе, свѣтліе и тепловатіе. Сегодня рано были родитель и я у князя Боратинскаго мимоездомъ, а оттоль заехалъ я зъ Хрущовимъ до его и у его обѣдалъ. Далъ я господареви на поправку Уздицкаго імшаника 1 р. 70 к. По обѣдѣ поехалисмо зъ Глухова я, жена и дѣти, и пріехали въ Тулиголови позно, где и ночевали.

Понедѣл. 2. День былъ израдной погоди, свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ до половини тако жъ израдна, а о половинѣ ночи дожчъ силний, передъ свѣтомъ пересталъ. Въ Тулиголовахъ пообѣдалисмо, а по обѣдѣ пріехали въ Кролевець, где застали родителку и стали у дворѣ Ведеринскомъ, а родителка у тіотки п. Павловой.

Вовтор. 3. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ зъ дощемъ, зъ полдня свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла и тиха, и между тимъ переходомъ хмарна. Сей день продновалисмо тутъ, въ Кролевцѣ. Купилъ я серебраной посуди: подносець, стаканцовъ 8, чарокъ 6, за все далъ 26 р. и 65 к., да чайникъ серебряний за 9 р. 60 к., итого 36 р. и 25 к.

Середа. 4. День былъ свѣтлій, тепловатъ, а особливе къ вечору, ночъ такова жъ. Сей день пробавили въ Кролевцу за ярмаркомъ, обѣдалисмо зъ маткою въ своей квартирѣ, по обѣдѣ заходилъ до князей Боратинского и князь Якова Шаховского, въ тіотки п. Павловой квартеруючихъ.

Четвер. 5. День былъ свѣтлій, тепловатъ, толко велми вѣтрянъ, а посля хмаренъ и зъ дощемъ малимъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и холодновата. Сей день пробавилисмо въ Кролевцу, ярмаркуючи. Князь Шаховской молодий и Боратинскій отехали по обѣдѣ зъ Глухова.

Пятокъ. 6. День былъ хмарній, теплій, толко безъ дощу, а къ вечору холодноватъ, ночъ хмарна, а къ свѣту зъ дощемъ. Были на службѣ Божой у церквѣ соборной, а посля ходилъ я... (?). Посѣщали насъ сестра п. Чарнишева и Миклашевская. Родитель зъ родителкою поехали обое, на ночъ, въ Добротовъ.

Субота. 7. День былъ зранку хмаренъ и зъ дощемъ, а зъ полдня свѣтелъ, а къ ночи и болше того выпогодился, ночъ сперва свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна, холодна. Сегодня обѣдалисмо у себе въ Кролевцу, а у вечеру родитель пріехалъ зъ родителкою зъ Добротова, до которихъ мы ездили и вечерали въ городѣ.

Неделя. 8. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, холодна и дощъ передъ свѣтомъ пересталъ. Сей день у Кролевцу праздновали, а у вечеру поехали ми всѣ, родители и мои дѣти, до Подолова, сестру Чарнишеву посѣтить, где и вечеравши, отехали ноччю знову въ Кролевець.

Понедѣл. 9. День былъ подобний вчорайшому, а ночъ свѣтла, къ свѣту туманъ. Обѣдали въ Кролевцу для именинъ родителки и розехались, жена моя поехала въ степи, зять Стефанъ зъ Ганнусею въ Бѣловодку, а я въ Тулиголови, где и ночевалъ. Далъ на дорогу Ганнусѣ 6 р., а жена взяла 3 руб.

Вовтор. 10. День былъ свѣтлій, тепловатъ и вѣтренъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сей день пробавилъ я въ Тулиголовахъ, у вечеру родителіе пріехали и ночевали, а я у бразѣ потѣлъ и мился. Старосту испитовали противъ доносовъ на него отъ Кузенка и отъ Ефима винника въ заборѣ денегъ ступнихъ и отдачѣ на него грунту... (?) и показался чистъ. Въ імбарѣ горѣлки всей теперъ 3 кухи болшихъ.

Середа. 11. День былъ израдной осѣнной погоди и теплоти, такова жъ властно и ночъ была тогда. Рано родители въ Глуховъ,

а я на Дунаець поехалъ, где и обѣдалъ, не заставши п. Михайла, поехали. Зъ Дунайца по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ футоръ, где звозили гречку, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ.

Четвер. 12. День былъ зранку самого тихъ, свѣтелъ и тепелъ, а погодя, мало хмаренъ, вѣтрянъ, холоденъ осѣннимъ холодомъ, ночъ свѣтла, однако жъ вѣтряна и холодна. Рано зъ Сваркова поехавши черезъ футоръ, пріехалъ въ Глуховъ, где и обѣдалъ зъ родителми въ дому, а по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ, и посидѣвши съ нимъ до вечора, ходилъ въ баню и кровъ банками пускалъ и невѣдомо отчего, а разсуждаю отъ слабости жолудка, которимъ всегда слабъ, въ млостъ и обморокъ пришолъ.

Пятокъ. 13. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, однако жъ свѣтелъ. Принималъ сегодня лѣкарство проносное отъ доктора Бока и имѣлъ столцовъ болшей 10, безъ великой нужди. Насипалъ полну жестянку чаю для употребленія. Принялъ я впервое шинковнихъ денегъ у Демяна 20 руб. и росписался. Далъ я впервое Тарасу на росходъ 10 р. и записалъ. Росквѣтовались зъ маляркою Глѣнскою и отдали ей всѣ денги, такъже луданъ сукно и нѣкоторіе дрогомѣни, на что она зъ синомъ и росписку намъ дала. Отобралъ отъ Клима денегъ 66 р., оставшихся отъ покупокъ ярмарковихъ, якіе остались зъ денегъ у Пѣпера взятихъ 220 р. Писалъ я отвѣтное писмо до швакгра моего Андрея Полуботка, на его полученное мною зъ комплементомъ.

Субота. 14. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, холодний, ночъ свѣтла, тиха, однакъ зъ морозомъ. Рано были у княгинѣ, а по службѣ пріехали родителѣ въ домъ и обѣдали и съ нами Галецкій зъ женою своею.

Неделя. 15. День былъ подобній вчорайшому и ночъ. Сегодня было въ соборной церквѣ молебствіе и читана грамота ея величества до князя Шаховского въ С. П. Бурку писанная зъ рѣшеніями на доношенія его о интересахъ малороссійскихъ, за собственною рукою ея величества, о слѣдуючихъ пунктахъ: 1) Артиллеріи полковіе довольствовать съ Коропа, а чего не достанетъ, то брать изъ скарбу войскового. 2) О сустентаціи драгунской, чтобъ генералъ графъ фонъ

Вейзбахъ присилалъ репортицѣи къ князю Шаховскому заблаговременно до вступленія въ квартири, а на полки, въ далнихъ мѣстахъ стоящіе, собирать денги и отдавать оніе за порцѣю и рацѣю по новому воинскому стату, а буде денегъ принять немощно, то натурою вистатчать тому полку, где стоять будутъ, а принимать денги по торговимъ ценамъ. Брать на одну лошадь на мѣсяць по 25 пуд. сѣна безъ браку, гдѣ какое въ тамошнихъ мѣстахъ родится, кромѣ гнилого и такова, какова лошадь есть не могутъ; вѣси въ полкахъ содержать правдивіе по 40 фунт. пудъ; мѣру учинить хлѣбу правдивую, уравняя въ осмачки по 2 четверти россійской мѣрѣ. 3) Предложеніе войскового генералнаго суда о клейнотахъ гетманскихъ, гдѣ оніе содержать надлежитъ и о играни музики, и о бытте въ котли, и о переводѣ правъ малороссійскихъ и сводѣ въ одно— принято всемилостивѣйше и для оного переводу вибрать зъ епархій по архимандриту, зъ Печерского монастира соборного старца, зъ енералной старшини одного, дазъ полковниковъ одного и зъ другихъ всѣхъ 12 человѣкъ, и вислать ихъ въ Москву. 4) Третейскимъ судамъ, какъ прежде бивало, чтобъ оканчивать примиреніемъ, а иніе и приговорами, бить по прежнему. 5) Ревизѣю по вся годи или чрезъ нѣсколко лѣтъ производить для уравненія обивателей въ общенародныхъ повинностяхъ. 6) Козаки многими избами въ одномъ дворѣ живущіе, противъ одинокихъ—должни болшую нести тягость. 7) Подсусѣдкамъ козачимъ и мужичимъ и майстеровимъ всякиихъ людямъ платить противъ другихъ по пропорцѣи пожитковъ. 8) Курѣнчиковъ генералной старшинѣ полковникамъ и другимъ—давать до времени, а какъ впредъ тому бить—здѣлать проектъ и зъ мнѣніемъ прислать. 9) На перевозахъ, гребляхъ и мостахъ съ чиновниковъ всѣхъ и ихъ людей платежу не брать. 10) Въ полковихъ селахъ и во владѣлческихъ, ежели козакъ продастъ грунтъ и на ономъ паки станетъ жить, то долженъ посполито отбувать и поданніе на подданническихъ грунтахъ живущіе тожъ посполито отбувать имѣютъ. 11) Въ полкахъ значковимъ товарищамъ быть указному числу, и впредь въ значковіе не принимать безъ указу генералной канцеляріи. 12) Архіереямъ безъ атестату полковника и

старшини полковой, а знатнихъ и безъ позволенія енералной канцеляріи, въ діакони и попи не посвящать, а ежели бъ посвящени били, имъ козацкими грунтами не владѣть и архіереямъ никакимъ образомъ въ гражданскіе дѣла не вступать, и никого за свои приватніе дѣла никого не отлучать, наименше жъ клятвѣ не предавать и которіе отлучени и тѣхъ разсмотря, разрѣшать. 13) Грекамъ межи собою судится и апелліовать зъ оного суда въ войсковую енер. к—рію. 14) Жидамъ локтями и фунтами торговать. 15) Комисѣю для щету комисаровъ, когда потребно, сочинить. 16) На строеніе въ Глуховѣ соборной церквѣ видать отъ подскарбѣевъ тисячу рублей. 17) Села и деревнѣ, которіе гетманъ Апостолъ роздалъ противно указамъ возвратить, а какъ возвращенни будутъ и для чего были роздани, о всемъ томъ съ обстоятелствомъ донесть въ габѣнетъ. 18) Селу Перелюбу бить за монастыремъ Троецкимъ до указу. 19) О седахъ и деревняхъ, какіе есть ли къ роздаче способніе разсмотрѣть князю Шаховскому купно зъ старшиною генералною и полковники и протчими, не имѣются ли такіе села и деревнѣ, которими ненадлежно кто владѣетъ для пожалованія по заслугамъ и о семъ представить со мнѣніемъ. Въ Петергофѣ августа 8-го дня. По службѣ кушалъ родитель и я у князя Боратинского и подпіяхомъ.

Понедѣл. 17. День былъ израдной погоди, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ездилъ въ футоръ и въ Сварковъ, и повернувшись обѣдали въ дому, а у вечеру ездилъ до маіора Хрущова и посидя, позно повернулся домой.

Вовтор. 17. День былъ хмарний почасти, однакъ теплій, къ вечору дожчъ, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна. Катаръ мене дискоммодовалъ, того ради проездился до ебѣда и мимоездомъ заездилъ до Кондзеровского и посидѣвши зъ нимъ, домой повернулся.

Середа. 18. День былъ хмарний зъ дощемъ густенкимъ, толко ненадолго, а ночъ хмарна жъ зъ силнимъ дощемъ, которий передъ свѣтомъ пересталъ. Рано ездилъ въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ и домой повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. П. Михайло пріехалъ зъ Дунайця.

Четвер. 10. День былъ хмарний по болшой части, а по меншой воздуха среднего, холодноватъ, ночъ воздуха сухого, свѣтла и холодна. Сегодня банкетъ билъ у насъ, господа великороссійскіе: Хрущовъ, Боратинскій, князь Яковъ Шаховской, Гуревъ и Баскаковъ и малороссійскіе панове: Забѣла и Борзна, и п. Михайло, и Галецкій, и подпіяхомъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я до Хрущова зъ п. Михайломъ и посидя повернулся домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмаренъ, однако жъ не мокръ и тихъ, а ночъ хочай и тиха, однакъ хмарна я мокровата мало, а особливо къ свѣту. Зъ полдня поехалъ я зъ Глухова верхи до Ясманѣ, а ехалъ часовъ 3, пріехавши туда тамъ заночевалъ. Слышно намъ, что дядко нашъ роменскій Андрей преставился.

Субота. 21. День былъ зранку хмаренъ, мало вѣтрянъ и мокроватъ, мало жъ, а зъ полдня силний дощъ до самой ночи и чрезъ всю ночъ ишелъ и велми нагрязилъ. Рано въ Ясманѣ откупалъ и пріехалъ въ Глуховъ передъ обѣдомъ и знову въ дому зъ родителми обѣдалъ. Получилъ я писмо отъ Петра, въ которомъ пишетъ что горѣлку потребно збуваетъ ценою, показанною ему отъ мене и что шевця держитъ подъ карауломъ Никиту и что 500 орѣховъ купилъ сотню по 50 к., а писано сент. 13, получено черезъ Дмитра Гамалѣевского. Стар. Крис. пишетъ, что еще за 4 р. купилъ лубя 200.

Неделя. 22. День былъ вѣтрений, хмарний, мокрій зъ уставичнимъ дощемъ и холодний, ночъ такова жъ зъ меншимъ толко дожчемъ, которій передъ свѣтомъ пересталъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездили ради осѣнного невчасу. Братъ Іванъ отехалъ зъ Глухова въ Роменъ, на Бѣліе Береги.

Понедел. 23. День былъ хмарний, однако жъ безъ дощу, тихъ и холоденъ, ночъ отъ стужи немного отдала, темна, хмарна къ свѣту туманъ. Сегодня обѣдали родители и я въ дому и некуда не ездилъ. Ездилъ я до берейтера, которий моего нѣмецкого коня учитъ.

Вовтор. 24. День былъ израдний, ясной и тихой погоди осѣнной, ночъ подобная жъ дневи, толко мало похмурна. Сегодня, а не

вчора ездилъ я туда, где берейторъ Платъ, вахмистръ, моего коня учитъ и позабавивши повернулся въ домъ, где и обѣдалъ зъ родителми и Галецкимъ. У вечеру мился у банѣ.

Середа. 25. День былъ подобній вчорайшому, толко холоднѣйшій, а ночъ самая ясная и тихая, толко зъ великимъ морозомъ, а особливо къ свѣту. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Хрущова и тамъ съ нимъ и съ Кишкинимъ посидѣвши, повернулся позно. Передъ обѣдомъ ездилъ до берейтера, которій информовалъ мене сторони regулъ въ сидѣніи на конѣ потребнихъ: 1) зсѣдать на коня не нагинаючись, 2) держать уздечку рукою противъ бруха, приложивши локоть къ мякому, 3) ногъ не разставливать, але колѣнами пригинать коня. Отправлени въ Кіевъ Цыганокъ и другій человѣкъ зъ Никитою Шевцемъ, дано на дорогу имъ 1 р. и 50 к. и писмо до Петра.

Четвер. 26. День былъ почасти хмарний, холодноватъ, склоненъ къ дощу, ночъ таково жъ власне, якъ и день была не холодна, толко почасти хмарна. Рано ездили зъ род. въ городъ и заездили до князя Боратинского, у княгинѣ были и обѣдали у себе. По обѣдѣ ездилъ въ футоръ Калюжновскій, где велелъ яму на овину высше клунѣ копать, для того что першая завалилась.

Пятокъ. 27. День былъ подобній прежнимъ, толко сухъ, а не влаженъ, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня принималъ R. Koneh. magag. 110 капель въ чаю и доволно имѣлъ операцѣй. Полковникъ Лубенскій Петръ Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ зъ С.П.Бурху и сталъ у дворѣ п. Михайла Скоропадского, потому что ихъ дворъ Бѣлополовский занятъ квартерою маіора gвардіи Михайла Хрущова.

Субота. 28. День былъ погоди изрядной, ясной, осѣнной, такова жъ и ночъ. Ездилъ я рано до пѣолковника лубенского Петра Апостола и до п. Михайла, къ млину его, бо тамъ онъ стоитъ и видѣвшись, заездилъ оттоль до Бока и обѣдалъ съ ними у маіора Хрущова и подпіяхомъ. Горло и груди у мене барзо стали болѣть. Пол. Луб. купилъ за мои денги и отдалъ мнѣ табаку носного à la violette прутиковъ 8, да чаю бутилку, доброго, да 5 книжокъ

примѣчаній отъ 1728-го по 1733 годъ, и такіе книжки якоби за денги п. Михайла куплени.

Неделя. 29. День былъ хмарний почасти и свѣтлій почасти, воздуха сухого, толко холодного, ночъ свѣтла по болшой части, толко жъ велми студена. Были рано зъ род. у Гурева и въ церквѣ ст. Анастасіи на службѣ, а посля у княгинѣ, а обѣдалъ род. и я, пол. Луб. и п. Михайло у маіора Хрущова. По обѣдѣ отехалъ Хрущовъ и съ нимъ Луб. полковникъ и п. Михайло въ Дунаецъ, а я не ехалъ для приключившойся родителеви болезни.

Понедѣл. 30. День былъ вѣтряний, хмарний, холодний, ночъ тиха, хмарна и съ полночи дожчъ пошолъ, которий и до свѣта ишолъ. Нигде кромѣ дому не бывалъ, ради тяжести въ грудяхъ, кашелю и прикрости въ ногахъ, которіе торганне и нестерпимий свѣржбъ терплятъ. Человѣкъ Гамалѣевскій, которий вчора пригналъ сюда 40 барановъ Перервинскихъ, отпущенъ сегодня и черезъ него писалъ до жены.

М—ць октоврій. Вовтор. 1. День былъ хмарний, холодний, зъ дощемъ, хочай невеликимъ, но густимъ, отчего нагрызило очинъ, до самого вечора, и ночъ такова жъ. Никуда зъ дому не виездилъ, а началъ декоктъ пить ради моей трудности въ персахъ и ногахъ. Торгъ учиненъ между родителемъ и Галецкимъ, бунчучнимъ: онъ родителеви уступилъ слободку свою на Артополотѣ за 700 р., а придать до денегъ слободку Бозкую зъ млинкомъ и млини Погарскіе. Думитрашко да Лизакевичъ сказивали, что сегодня отъ князя пріехалъ куріеръ и якоби пожалованни въ брегадири маіоръ Семеновского полку Михайло Хрущовъ, да полковникъ князь Боратинскій, присутствующіе въ енералной канцелляріи.

Середа. 2. День былъ зъ отмѣннимъ воздухомъ, хмарний, холодний зъ малимъ велми дожчемъ, которий посля полдня пересталъ, ночъ хмарна, холодна и суха. Никуда не ездилъ зъ двора, ради употребляемаго декокту.

Четвер. 3. День былъ зранку свѣтелъ и ясенъ, а посля хмаренъ и вѣтранъ, ночъ сперва хмарна, а посля свѣтла и холодна. Никуда не ездилъ, вишепоказанной ради причини.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.